

АЛЬБЕРТ ИВАНОВ

ПОХОЖДЕНИЯ
ХОМЫ

АЛЬБЕРТ ИВАНОВ

ПОХОЖДЕНИЯ ХОМЫ

МИНСК

Изд
2001

УДК 882.93
ББК 84 (2 Рос-Рус) - 6
И 20

Художник А. Г. БУШКИН

ISBN 985-436-280-9

© Иванов А. А., 2001
© Бушкин А.Г., иллюстрации, 2001
© ООО «МЕТ», 2001

От автора

ВСТУПЛЕНИЕ-ПРОДОЛЖЕНИЕ

Если вы читали такие книги, как «Приключения Хома», «Весь мир — моя нора», «Как Хома звёзды спасал», «Приключения Хома и Суслика» или другие книжки об этих верных друзьях, то книга, которая сейчас перед вами, и станет для вас продолжением знакомых историй.

Если же вы ничего не читали о Хоме, — не беда. Эта книга познакомит вас с ним. Поэтому необходимо и вступление — для тех, кто вступает в доселе неизвестный сказочный мир.

Ну, а теперь почитайте или послушайте о похождениях Хома.

А того, кому почему-то лень и читать, и слушать, отсылаем в кинозал либо к телевизору — смотреть мультфильмы: «Приключения Хома», «Страшная история», «Раз — го-

рох, два — горох», «Клетка»... Да только картины эти сняты не по новым, а по прежним сказкам о Хоме. Уж не обессудьте. Так что читать всё равно придётся.

СЧАСТЛИВАЯ ЗВЕЗДА ХОМЫ

Как Хома колдовал

Такое не от всякого ожидать можно. Живёт себе, живёт какое-то обычное существо, зверь звериный и вдруг оказывается — колдун!

И без того всяких страхов хватает. Так и заболеть можно с испуга.

Не было пещер, а вот пришлый Кабан вдруг себя колдуном объявил. И не простым гадалем-ведуном, а чародеем-заклинателем!

— Я, — говорит, — долго свои чары скрывал, а теперь вы все у меня попляшете!

Первым сдался могучий Медведь. Кабан ему зловредно наоружил, что его вскоре из берлоги выживут. Так, мол, и выпрут.

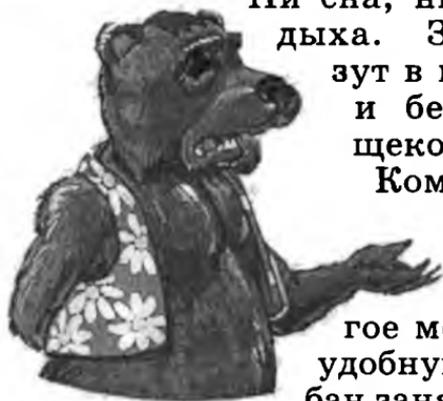
— Кто? — мрачно спросил Медведь.

— Кое-кто, — загадочно ответил Кабан.

И верно. Житья в берлоге внезапно не стало — от муравьёв.

Ни сна, ни отдыха. Зале-

зут в шерсть и непрерывно щекочут.

Кому смешно, а Медведю тяжело. Пришлось срочно переселиться в другое место. А прежнюю удобную берлогу сам Кабан занял. Муравьи его не

щекотали. Он их всех подчистую метлой за порог вымел. И страшную судьбу им всем предсказал:

— Вернётесь, передавлю поодиночке!

Говорили, что Кабан нарочно Медвежьих хоромы кленовым сиропом обрызгал. Чтоб туда муравьёв привадить. Но попробуй проверь, докажи!

Во всяком случае, Медведь даже не пытался. Он был доволен и тем, что в новой, пусть и плохонькой, берлоге мог спать спокойно.

Затем Кабан подчинил себе Волка, запугав его жутким заклинанием:

— Хрю-хрю-хрю! Ох-ох-ох! По-смо-трю: сдох-сдох-сдох!

Перепуганный Волк враз запросил пощады.

— Так-то, — довольно хрюкнул Кабан. — Будешь у меня на страже стоять, пока я сплю-почиваю.

Лису он тоже не обошёл своим колдовским вниманием.

— Будешь от меня веткой* мух отгонять, — приказал он.

— А вы их заколдуете, — осторожно посоветовала хитрюга Лиса.

— Их много, а ты одна, — ухмыльнулся Кабан. — Я лучше тебя заколдую.

— Что вы, что вы! — струсила она.

— Начинаю. — И он начал: — Ли-са, Ли-са, летит оса! Сосна и ель, несётся шмель...

— Ой, не надо! — пала она на колени.

— Тогда ветку бери, — сжалился Кабан. — Не видишь, что ли, мухи надоели?

И всем остальным зверькам он тоже нашёл занятие: велел для него жёлуди и орехи собирать. Да побольше!

Поначалу и они не хотели признавать Кабана своим владыкой.

Однако он страшное заклятие произнёс:

— Хухры-мухры, хрю-хрю-мухрю, хри-хри-мухри! Раз-два-три — тартарары!

И злоеще предупредил:

— Захочу, и весь луг, и вся роща, и всё поле под землю провалятся — в тартарары!

Тут уж все взмолились:

— Не надо! Будем слушаться!

И зажил Кабан в своё удовольствие — в просторной Медвежьей берлоге. Волк его покой охранял. Лиса от него мух отгоняла. А остальные зверьки ему еду носили.

Один только Хома взбунтовался. Всё, что собирал, сам съедал — с двойным аппетитом. И за себя, и за новоявленного правителя.

Вообще-то Хома верил в колдовство, но только не в колдовство Кабана. Он считал, что такой тупой боров не может быть чародеем.

А друзья — Суслик, Заяц и Ёж — всё равно боялись.

— Вон как все ему подчиняются! — говорили они. — Даже Волк, Лиса и Медведь слушаются!

Напрасно друзья убеждали Хома не лезть на рожон.

— Не дразни ты его, он злопамятный, — твердил Суслик.

— Не выводи ты его из себя, — бубнил Заяц-толстун.

— Не связывайся ты с колдуном, — настаивал Ёж.

— Да я сам колдун!— однажды вспыхнул Хома. И гордо скрестил на груди лапы.

Друзья так и отшатнулись от него.

— Шутишь?— неуверенно сказал Ёж.

— Смеёшься?— пробормотал Заяц.

— Не шутит и не смеётся,— боязливо приглядывался Суслик.— Как памятник — на кладбище.

Вид у Хома и правда был величественный.

— А думаете, почему я вашего чародея не слушаю?— важно спросил он.— Все слушаются, а я — нет!

Это на них подействовало. Действительно, почему?

— Да потому, что я сам колдовать умею!

Но тут выступил вперёд Ёж:

— Тогда скажи какое-нибудь заклинание.

— Только не слишком опасное,— сразу предупредил Суслик.

— Ты-то и от любого упадёшь,— пренебрежительно сказал Хома.

— Упаду,— быстро согласился Суслик.— Поэтому полегче выбирай.

— Ну?— поторопил Ёж.

Заяц закрыл глаза, а Суслик заткнул уши.

— Бахры-махры-вахры, хрясь-брясь-дрясь!— внушительно произнёс Хома пер-

вое, что пришло на ум. — Вурр-мурр-луврр-триампурр! — с раскатами завыл он. — Ваграу-мурсо, тиграу-барсо, абраудюрсо и ДУРЬДАПОЛБАМ!

Суслик, неосторожно отнявший от ушей пальцы, так и обмер.

— Дурьдаполбам, — заворожённо вымолвил он. И затем бесчувственно шлёпнулся — возле побелевшего как полотно Зайца.

А старина Ёж в ужасе свернулся в клубок.

— Батюшки мои! — глухо простонал он. — Ещё один колдун! Прямо поветрие какое-то. Ветруха.

— Ведите меня в рощу, — свирепо командовал Хома. — Я вашего чародея в пух и прах разделаю!

Они заявили в рощу как раз к полному сбору.

Кабан сладко дремал. Волк стоял на страже. Лиса мух отгоняла. Медведь почтительно ожидал с какой-то прось-

бой. А белки, мыши, кроты и другая мелкота суетливо складывали жёлуди. В огромную кучу.

— Где Кабан?— раскричался Хома.— Кабана подайте!— будто не видел, что он перед ним.— Пусть все слышат!

— Кто? Что? Зачем?— раскрыл Кабан заплывшие глазки.— А-а, последний пожаловал,— довольно захрюкал он, увидев Хому.— Я тебя в наказание Лисе подарю.

— И не стыдно вам этого хряка слушаться?— сердито указал на него Хома.— Ну какой он колдун? Да он и заклинаний-то настоящих не знает!

— Я — не знаю?— возмутился Кабан и прохрипел:— Хухры-мухры, хрю-хрю-мухрю, хри-хри-мухри! Раз-два-три — тартарь! Ну что, продолжить?

Все в страхе попятились. Один Хома остался на месте.

— Расхрюкался,— засмеялся он.— Раз-два-три, рыло утри! И это заклинания? А вот теперь держитесь. Бахры-махры-вахры, хрясь-брясь-дрясь, ву-у-рр, му-у-рр, гу-у-рр!— громко провыл он с раскатами так, что даже Волк коротко взвыл.

Все затрепетали и отступили ещё дальше.

— Абрау-дюрсо, ваграу-мурсо, тиграу-барсо и ДУРЬДАПОЛБАМ!

Все чуть не упали от заклинания. Случайно прилетевший на сборище Коршун пошатнулся на ветке. А вездесущая Главная Ворона забилась в истерику.

— Дурьдаполбам,— помертвевшими губами пробормотал Медведь. И сел на муравейник.

— Ему бы на стадионах перед сектантами выступать,— пришла в себя наторелая Главная Ворона.

Кабан загнанно смотрел на Хому:

— Ты... всерьёз?— У него поджилки тряслись.

— А ты думал! Это ещё только начало,— многообещающе заметил Хома.

Он подошёл к Лисе и резко вырвал у неё клочок шерсти.

— О-ёй!— вскрикнула она.

Хома подкинул шерстинки в воздух, и они поплыли по ветерку.

— Могу́ смерч вызвать, ураган, бурю, пожар, наводнение, землетрясение!— И вновь закричал:— Чарры-марры, варры-гарры, шурры-мурры! Деньгуналап,

горохожор, брехломурло! И-и-и-и... собаколай! — добавил он, услышав отдалённую собачью перебранку в деревне.

Кабан-колдун повёл себя совсем не почародейски. Он втянул голову в плечи и беспомощно заморгал своими свиными глазками.

— Ну, я вам сейчас наколдую. Я на вас всех собак понавешаю!— вдохновенно воскликнул Хома.— Гав-гавкало, брех-брехало, тьяв-тявкало, лай-лайкало! Бухыкало-тряхикало, убегакало!— И проорал: — ДУРЬДАПОЛБАМ!

— А-а-а!— с душераздирающим криком вскочил с муравейника Медведь. И, отряхиваясь от муравьёв, которые наконец-то достали его, бросился прочь.

Это послужило сигналом ко всеобщему бегству.

— Спасайтесь!— на ходу вопила Лиса, прислушиваясь к собачьему лаю. После громогласного Медвежьего вопля собаки в далёкой деревне словно взбесились.

— Во как подействовало!— поразился сам Хома.

Всех будто ветром сдуло. Последним уд-
рал Кабан, затравленно оглянувшись на
Хому.

— Это тебе не хухры-мухры, — крикнул
ему вдогонку Хома, — а дурь да по лбам!

Так бесславно рухнула власть пришлого
Кабана.

Но особенно стыдно стало всем, когда
Хома потом признался, что подшутил над
ними.

Все были готовы сквозь землю прова-
литься. Вместе с рощей, лугом и полем —
в тартарары!

— Эх, — жалел Суслик, — зря ты про-
болтался. Правили бы сейчас над всеми.

— Правили или правил?— с интересом спросил Хома.

— Правили.

— Кто?

— Да мы с тобой,— доверчиво сказал Суслик.— Кто твой друг и сосед?

— Гляди у меня, друг, а то я тебе такое по-соседски накличу!— пригрозил Хома.

Суслик вздрогнул.

— Ты же признался, что колдовать не умеешь.

— Не умел,— подчеркнул Хома.— А сейчас особую силу почувствовал. С тобою-то вмиг слажу.

Вот и верь ему теперь, умеет он колдовать или нет. Может, лишь простачком прикидывается. Вдруг передумает и опять закричит: «ДУРЬДАПОЛБАМ!»

Тогда давай только ноги уноси.

Так вот живёшь, живёшь и не знаешь, кто на самом деле твой друг. С колдунами шутки плохи.

Как Хома и Кабон над Лисой хохотали

Напрасно Хома полагал, что победа над Кабаном легко сойдёт ему с лап. Заколдовать его пришлый Кабан, конечно, не мог. Особенно теперь. Способности не те. А вот подкараулить в тёмном закоулке рощи — на это он был способен.

Сильно на Хому Кабан обиделся. Да что там обиделся — возненавидел! Всё время искал случая отомстить.

И подстерёг-таки. Напал однажды и припёр к дубу: Хома меж клыков очутился. Как в западне. Ни вперёд — ни назад. Ни вниз — ни вверх.

А прямо перед ним свирепое рыло. В упор Кабан дышит — у Хома шерсть дыбом встаёт. То встаёт, то опадает.

А глазки у Кабана — красные-красные. Точно раздутые угли.

— Попался! Посмотрим, как тебя твоё колдовство выручит!

— Не понимаю, чем я тебе не угодил, — храбрился Хома.

— Издеваешься? Да я из-за тебя всю власть потерял!

— Скажи спасибо. Я тебя от всех забот избавил, — горячо оправдывался Хома. — У властителей жизнь не сахар. О подданных заботиться надо: кор-

ма запасать, жильём обеспечивать, судить, мирить, хвалить, наказывать — всё на тебя одного бы свалилось!

Такие хлопоты Кабану и в голову не приходили. Но он мрачно ответил:

— А я бы не стал ни о ком заботиться.

— Тогда бы все погибли, — пригорюнился Хома. — И прощай, власть!

— А чего же они сейчас не погибают? — недоверчиво пробурчал Кабан.

— Сейчас все сами о себе заботятся. Правителя нет.

Задумался Кабан. Действительно, зачем такая власть, если с ней столько забот?!

Хома не мог позволить ему долго раздумывать.

— Слышь, а откуда ты тех заклинаний набрался? — уважительно спросил он.

— От мамы своей, — вздохнул Кабан, продолжая крепко удерживать пленника. — Она меня ими запугивала, когда я плохо ел.

— Ты? Плохо ел? — искренне удивился Хома.

— Маленький был, полосатый, глупый,

— Не то, что теперь, — польстил ему Хома.

— А ты откуда такие страшные заклинания взял? Дурьдаполбам!— припомнил Кабан. Его даже затрясло.

А Хому от него затрясло.

— Т-тётушка,— прокляцал зубами Хома,— меня ругала, что много ем. Заклинала есть поменьше.

— Ты? Много ел?— поразился Кабан.

— Маленький был, глупый,— повторил Хома его слова.

— Ты и сейчас маленький, но вредный,— вновь обозлился Кабан.— Раздавлю. Так меня опозорил!

— Такого большого и клыкастого не опозоришь,— уверенно возразил Хома.— Это меня можно опозорить, а тебя — никогда. Скажи, что не правда?

— Правда. Но...

— Если ты всех, кто тебя уважает, давить будешь, никого не останется,— гнул своё Хома.

— А разве ты меня уважаешь? Ты же меня не любишь!

— Я тебя уважаю, но не люблю,— хитро сказал Хома.

— Как?— хрюкнул Кабан.

— Я тебя уважаю как украшение рожи,— разъяснил Хома.— Без тебя бы она вмиг обеднела. Все в роже есть: Медведь, Волк, Лиса. А представь себе — Кабана нет!

— Не могу представить,— признался Кабан.

— И я не могу. Даже поругаться не с кем. И вообще я не прав,— понесло Хому,— я тебя, наверное, больше люблю, чем уважаю. Только сейчас понял!

— Э-э, вот я тебя и подловил,— засиял Кабан.— Разве ссорятся с теми, кого любят?

— А как же! Кого любят, с теми и ссорятся, ругаются, ничего не прощают!

— Похоже...— протянул Кабан.— Я папашу своего очень любил и всё время с ним ссорился, а то и дрался. Да и мамаша моя души в нём не чаяла, а никогда ему спуску не давала.

Счастливые воспоминания растрогали Кабана. Он неожиданно выпустил Хому и сел под дубом.

И хотя Хома мысленно был уже дома, он благоразумно решил остаться. Ну, удержись. А потом снова ходи и вздрагивай!

Хома уселся рядом с ним.

Это ещё больше расположило к нему Кабана. Не хнычет, не выкручивается. Не убегает, наконец. Может, и впрямь к нему, Кабану, по-своему хорошо относится.

— Ну, допустим,— задушевно начал Кабан,— допустим, ты не врешь. А вот не уважаешь меня за что?

— За хамство,— выпалил Хома. И чуть не зажмурился от страха.

Но Кабану понравилась его смелость.

— Бывает,— ухмыльнулся он.— Папаша мой незабвенный, хам из хамов, то же самое говорил: «И в кого ты таким хамом уродился, хамло!»

— Может, смеялся? Шутил?

— Никогда!— заверил Кабан.— И я тоже никогда не шутил. Ни разу в жизни,— пожаловался он.— Сам не шучу, шуток не понимаю и вообще не смеюсь.

— Всё от питания зависит,— понимающе произнёс Хома.

— Ну!

— Жёлуди, они какие? Твёрдые, крепкие. И ты такой же. У тебя твёрдый нрав.

— Твёрдый,— охотно поддакнул Кабан.

— Тебе бы помягче быть,— посоветовал Хома.

— Не выходит.

— А если постараться?— настаивал Хома.

— Попробую, но не обещаю.

— И то хорошо.

— А ты надо мной никогда не смейся,— строго предупредил Кабан.

— Не обещаю, но попробую.

— Что?— внезапно расхохотался Кабан.— Я ему: «Попробую, но не обещаю». А он мне: «Не обещаю, но попробую». Ха-ха-ха!

— А говорил, шуток не понимаешь,— подмигнул Хома.

— Первый раз в жизни понял,— вытер слёзы Кабан.— Крепко шутишь! Хорошо, что я тебя пощадил. Иди гуляй, пока я добрый.

И хохоча направился в чащу.

— Надо же!— ликующе повторял он.— Не обещает, но попробует. Надо бы запомнить.

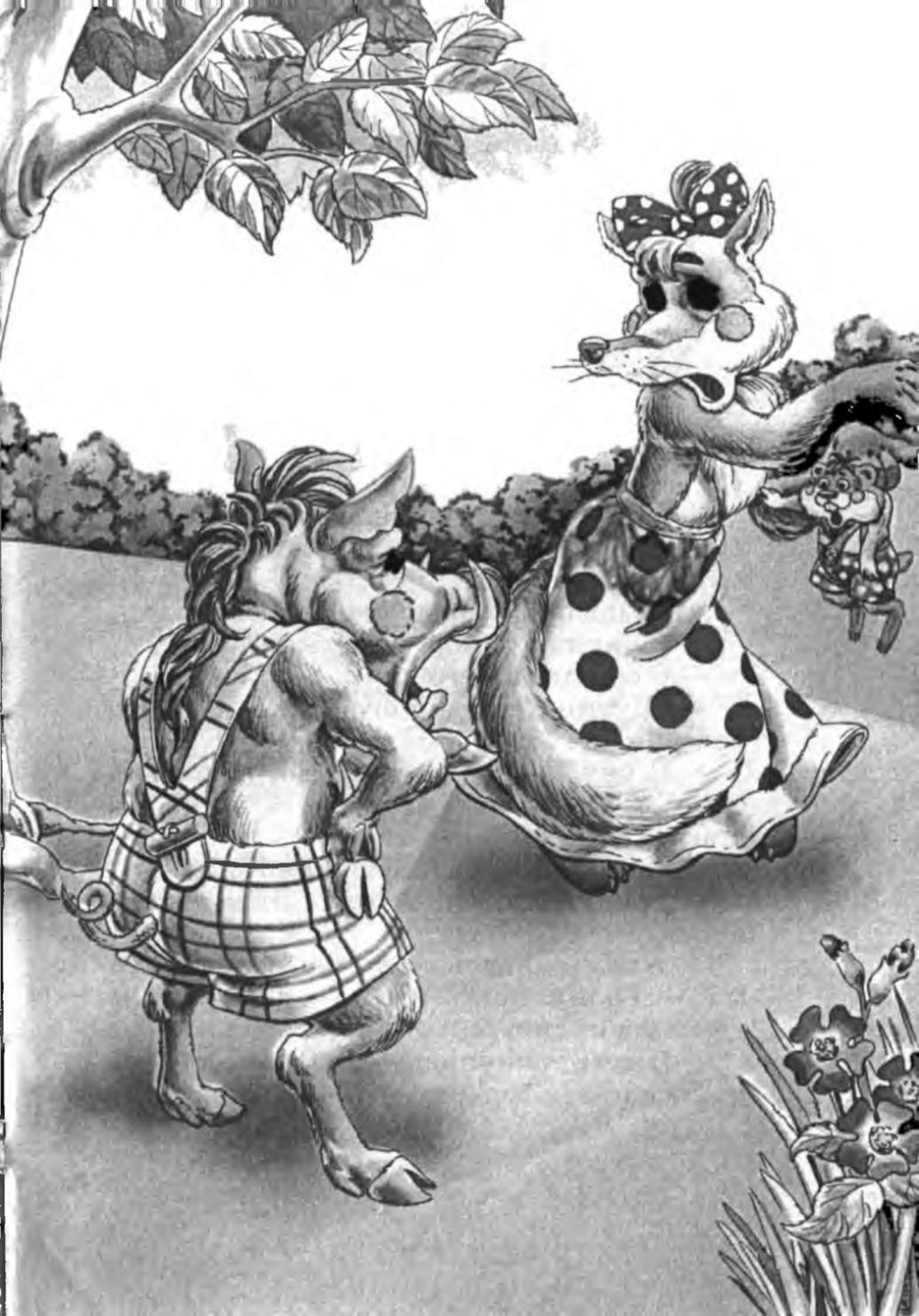
Однако правильно говорят, что беда не приходит одна. На смену одной зачастую набегают другая.

Не успел Кабан за деревьями скрыться, как кто-то цепко схватил Хому за шкуру.

Глянул он и обомлел — Лиса!

— Ко мне!— истошно закричал Хома.

Мигом вернулся Кабан. Как вихрь налетел.

— А ну, отпусти, — наставил он клыки на Лису. — Не смей моего веселого дружка огорчать!

Лиса поспешно выпустила добычу:

— С каких это пор — дружка?

— С сегодняшнего дня!

— Шутишь? Отдай его мне, — потребовала Лиса.

— Шучу, — опять затрясся от хохота Кабан. — Тебе отдать? Попробую, но не обещаю. Ха-ха-ха!

— Ха-ха-ха, — развеселился Хома.

— Тронулись, — повертела Лиса лапой у виска.

— Ага, — давясь от смеха, кивнул Хома. — Тронулись в путь — домой. А не умом тронулись.

— В путь тронулись, — слёзы вновь хлынули из глаз Кабана, — а не умом трону-

лись!— загоготал он и от восторга даже подпрыгнул. — Да она, злодейка, шуток не понимает!

Он вгорячах схватил Лису, вытер её пушистым хвостом слёзы и отшвырнул злодейку в сторону.

— Сейчас лопну!— надрывал животики Хома.

— А что, я пошутил, да?— удивился Кабан.

— Ты её... хвостом... свои слёзы вытер, — еле вымолвил Хома.

— Я? Хвостом?— залился смехом Кабан. — Она его теперь сушить будет.

— Три дня, — простонал Хома.

— Три дня — что? — не понял Кабан.

— Сушить три дня!

— Вот дура. Ха-ха-ха!— захохотал Кабан. — Ну, умора!

Лиса с ненавистью поглядела на них.

— Гы-гы-гы, — передразнила она.

— Ой, умру, — повалился со смеху Кабан. — Уходи с глаз долой. Ум-м-моляю!

Лиса гордо фыркнула и независимо удалилась.

Когда они насмеялись всласть, до икоты, Кабан восторженно проводил Хому до самой норы.

На прощанье Кабан сказал:

— И всё-таки надо мной не смейся.

— Там видно будет,— беззаботно ответил Хома и добавил:— Особенно ночью.

— Не могу,— вскричал Кабан.— Ох-ха-ха... Особенно ночью!

И, пошатываясь, побежал обратно в рощу. Чтобы там успокоиться.

Когда Хома рассказал Суслику о своих приключениях, тот укоризненно заметил:

— Выходит, ты обманул, что любишь его, но не уважаешь.

— Ни капельки. Я всех живых люблю. И друзей, и врагов. Без врагов жить скучно. Помнишь, как я Коршуна выручил?— И Хома взглянул на огорчённого Суслика.— Но друзей я люблю больше.

— Намного?— засиял лучший друг.

— Вот на столько,— широко раскинул лапы Хома.

— На два дружеских объятия больше!— весело определил Суслик.

Как Хома другим ямы рыл

Никак не мог Хома понять одну странную пословицу: «Не рой другому яму, сам в неё попадёшь».

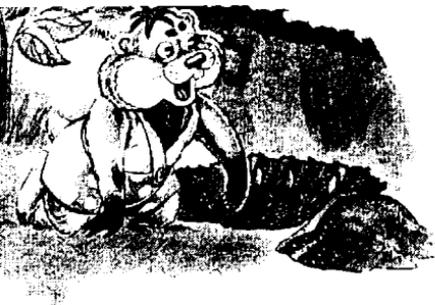
— Как же я в неё попаду, — доказывал он Суслику, — если я о ней знаю? Если сам выкопал!

Но Суслик убедительно возражал:

— Раз такая пословица есть, значит, она верная. Иначе бы давно её забыли.

— Не понимаю, — упорствовал Хома.

Не давало ему это покоя. Потому и пришлось срочно за дело браться.

Вырыл он яму тайком.
Для проверки.

Замаскировал как следует. А сверху гороховый стручок положил.

И ничего удивительного не было в том, что в яму Суслик угодил.

— Ну, убедился? — сказал Хома, вытаскивая лучшего друга. — Кто попался, я или ты? Я рыл, а ты рухнул. Нет, неправильная поговорка.

Суслик выплюнул стручок вместе с землёй и проворчал:

— А ты снова проверь. Я случайно попался. В поговорке ничего о приманке не сказано.

— Но и против неё ничего не сказано, — возразил Хома. — Я мог и без приманки яму сделать. Прямо у твоего порога. Так бы и ухнул в неё с утра! Ты, а не я, — упрямо повторил он.

Затем Хома вырыл потайную яму побольше. Для наглядности.

Так в эту яму Заяц попал. Тоже на приманку польстился — на морковку.

Потом Хома третью скрытую яму выкопал, ещё большую. На тропинке между норами Суслика и Ежа. И безо всякой приманки. Для бесспорности.

В неё с ходу Ёж и Суслик свёрзились. Сначала Ёж, а Суслик следом. Ох, как лучший друг завопил, когда на Ежа свалился!

— Понаделал повсюду ям,— орал он,—
проходу нету!

Вытащил их Хома. И беспокойно задумался: «Ну, даже и огромную ямищу сделаю. Сам не сумею, знакомых кротов позову. И что? Лиса провалится. Или Волк. А то и Медведь загремит. Всё равно же не я туда попаду!»

Пришёл он к Суслику. А тот сидит и из себя ежиные иголки выдёргивает.

— По-моему, Ёж линяет,— сердито сказал лучший друг.

— Когда линяют, шерсть лезет.

— А у него — иголки,— буркнул Суслик.

— погоди. Давай-ка всё же разберёмся в этой пословице. Как там? «Не рой другому яму, сам в неё попадёшь». Так?

— Так, так,— заскрипел зубами Суслик, продолжая вытаскивать иглы.— Тебе бы не ямы, а могилы копать!

— Не ной. Попробуем эту пословицу понять. Выходит, чтобы не угодить в яму, надо не рыть её другому. Да?

— Да, да,— скрежетал зубами Суслик.— Себе рой.

— Ясно!— воскликнул Хома.— Чтобы другие в яму не попали, нужно её копать для себя.

— Для себя и копай!— взревел Суслик.

— Спокойно,— сказал Хома.— Будь проще. Продолжим: что из пословицы получается?

— Ёж на дне ямы — вот что!— язвительно ответил Суслик.— Больше ничего не получается.

— Отстань. Из пословицы следует,— напористо продолжил Хома,— если сам себе выроешь яму, другие в неё не попадут. Видишь? Себе яму! Проверить бы,— озабочился он.

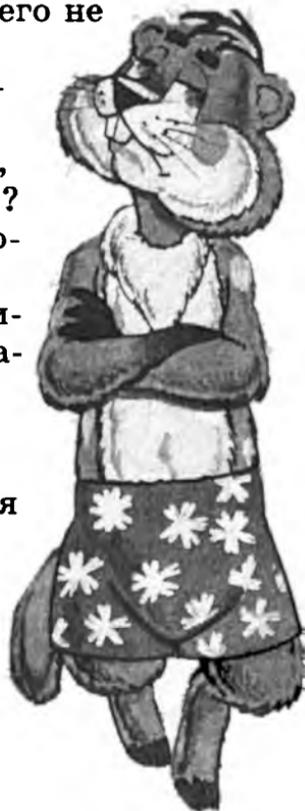
— А зачем?— неожиданно удивился Суслик, даже про боль забыл.— У тебя уже яма есть.

— Где?

— А твоя нора? Глубокая яма!

— Ну-ну-ну?— заволновался Хома.

— Ты в свою нору давно угодил. Сам выкопал, и сам угодил.

— И я её не другому рыл. Всё сходится. Голова у тебя варит, — похвалил Хома лучшего друга.

Столько времени, столько трудов и сил потрачено, а такой простой ответ! Да и то его Суслик дал.

— Ну кто прав? — зычно спросил Суслик. Голос у него всегда крепчал, когда он чувствовал свою правоту.

— Пословица-то про яму — правильная, но не совсем. Была бы поговорка поточнее, не пришлось бы мне ямы рыть, а тебе — на Ежа падать, — посочувствовал им обоим Хома.

— Ты себе всегда что полегче выбираешь, — вскрикнул Суслик, со свистом выдёргивая последнюю иголку.

— Глянь на мозоли, глянь, — вытянул лапы Хома. — Кто ямы делал?!

— Глаза бы мои на тебя не глядели, — отвернулся Суслик.

— Ведь что получается, — опять принялся за своё Хома, — если другому яму копаешь, сам в неё ни за что не свалишься. Проверено. На тебе. А если себе копаешь, сам в неё попадёшь. Верно?

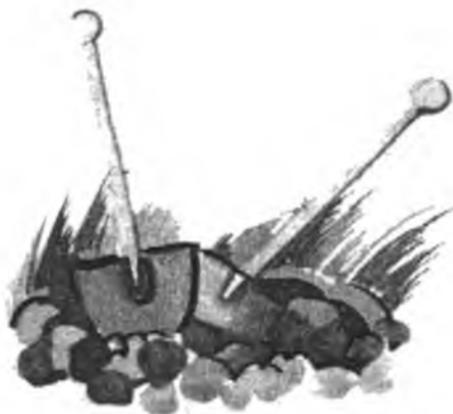

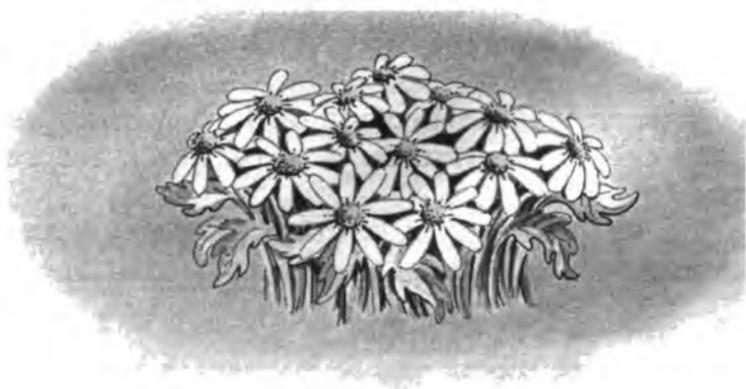
— Давай покороче.

— Пожалуйста. Пословица должна быть ясная: «Рой себе яму, сам в неё попадёшь», — чётко сказал Хома.

Так-то и впрямь точнее. Кто только не роет себе яму в жизни, кто только в неё не попадает!

Даже у Медведя такая берлога — ах-нешь!

Как Суслик цветы обидел

— **Какая красота!**— взглянул Хома на ромашку. Она прямо возле его норы удачно выросла.

— Думаешь, ромашки — красивые?— с сомнением сказал Суслик.

— Очень!

— Ну, пусть красивые. Но не очень,— заупрямился Суслик.

— Очень-очень,— настаивал Хома.

— А толку? Никакой пользы от их красоты.

— Глаза радуют.

— Кому как,— пренебрежительно заметил Суслик.— Да только ничего хорошего от них не жди.

— Здравствуйте! А кто пчёл и шмелей кормит? Они лишь на красивые цветы садятся.

— Есть захочешь, на любую колючку сядешь, — стоял на своём Суслик. — И не уговаривай, лишняя у них красота, зряшная. Ни на что не пригодная.

— И у васильков?

— Никакого от них толку.

— И у ландышей?

— Никакого!

— И даже у лесных фиалок?

— Нету, — твердил Суслик. — Вся их красота никому не нужна. Баловство. Лишь бы понапрасну красоваться.

— Глупый ты, — не выдержал Хома.

— Но не настолько, чтобы на них зазря пятлиться, — напыщенно проговорил Суслик. — Для меня некрасивый укроп куда вкуснее любого распрекрасного цветка!

— При чём тут красота?— накалялся Хома.

— Я и говорю — ни при чём,— ухмыльнулся Суслик.

Хома схватился за голову. Словно убедиться хотел, на месте ли она. Лучше бы проверил, на месте ли глаза у Суслика. У него особое зрение. Его глаза радуется только то, что съесть можно.

Так бы ничем и закончился спор, если бы случай не помог.

Отправились как-то Хома и Суслик через всю рощу на Дальнее поле. И вдруг на них Лиса выскочила!

А они вместо того, чтобы разбежаться кто куда, бросились вдвоём в чащу. Лисе даже не пришлось выбирать, за кем гнаться. А так хоть один да непременно бы уцелел. И то утешение. Для того, кто бы сразу спасся.

Несутся они бок о бок, шныряют меж деревьев. Лиса за ними. Вот-вот схватит — обоих.

И тут выскочили они на потаённую, нехоженую лужайку. Да какую! Сплошь покрытую кипенно-белыми ромашками! Казалось, вся полянка превратилась в один

огромный ослепительный кружевной
цветок!

Все невольно замерли. И Лиса, и Хома,
и Суслик.

Беглецы, понятно, очнулись от наваж-
дения первыми. И дёру!

Конечно, и Лиса быстро опомнилась, но
ведь даже упущенное мгновение не вер-
нёшь. Хома и Суслик успели скрыться.

— Вот красотища так красотища!— вос-
хищённо вспоминал потом Суслик.— Ли-
са и то остолбенела. Чудом спаслись!

— А ты говорил, красота бесполезна,—
вздыхнул Хома.— Это чудо нас чудом и

спасло! Ты обидел цветы, а они тебя выручили.

— Правда,— не сразу признал Суслик.— Если б на полянке цветов не было, нам бы конец. Ты уж извини, Хома, я и впрямь глупым бываю. Иногда,— подчеркнул он.— Ты это случайно подметил.

— Случайно?— прищурился Хома.

— Ну да. Я теперь понял: когда цветов много, от них большая польза. А если мало, то и толку чуть.

— Что?— взвился Хома.

И пошло-поехало!..

А одинокая ромашка, у норы Хома, смотрела на них и укоризненно покачивала своей прекрасной и, видать, умной головкой. Нашли, мол, о чём спорить!

Суслик внезапно остановился на полуслове, взглянув на ромашку, и смущённо сказал:

— Дождя давно не было. Полить бы её, что ли?.. Жаль, если такая красота зря пропадёт!

Как Хома с Медведем породнился

Обидел Хому как-то Медведь. Встретились они случайно на тесной тропинке, и он заорал:

— А ну, прочь с дороги, козявка!

Сам-то здоровый, все ему мелкотой кажутся.

Часто оскорблял Медведь Хому. То он у него «карлик», то «лилипут ходячий», то «мелочь пузатая». А то и вовсе «комар-пискун»! Разве можно такое выносить?!

Другой бы и на этот раз промолчал, ушёл в кусты. Но Хома слишком долго терпел.

— Нехорошо так к своему родственнику относиться, — упрекнул он Медведя.

— Родственнику? — невероятно удивился Медведь.

— А ты у любого спроси — похожи мы или нет? И фигурой, и характером, и вкусом. Один к одному. Ты орехи любишь? — подмигнул Хома.

— Люблю...

— И я люблю. А молодой, сладкий горошек?

— Тоже люблю, — причмокнул губами Медведь.

— И я тоже. А мёд?

— Обожаю, — закатил глаза Медведь.

— И я обожаю. Мало тебе?

— Но это не повод ко мне в родичи набиваться, — опомнился Медведь.

— А я нё набиваюсь. Что вижу, то и говорю, — степенно заметил Хома.

В общем, заспорили они. Да так, что Медведь чуть не прихлопнул его лапой прямо на месте. На тропе.

Да всё-таки спор меж ними силою не решишь. И без того ясно, что Хома слабее.

Вот если бы он здоровее был, можно было бы и побороться. Кто победил, тот и прав. А у них не тот случай.

Пришлось им к чужой помощи прибегнуть.

Белок спросили, синиц, зябликов — похож ли Хома на Медведя? А если и похож, то как?

— Похож, — отвечали. — Но только отдалённо.

— Издали, значит, — пояснил Хома.

— А близко? — пробурчал Медведь.

— Похож, — опять отвечали. — Но лишь приблизительно.

— И вблизи, значит, — растолковал Хома.

Что ему и требовалось.

Затем он к большой луже Медведя подвёл. И показал на их отражения.

— Гляди. Как близнецы.

Взглянул Медведь, покряхтел и сказал:

— У тебя ушки сильнее торчат.

— Был бы ты меньше, они бы у тебя ещё больше торчали, — заявил Хома.

Весть об их странном споре повсюду разнеслась. Волк примчался. Лиса прибежала. И даже Кабан пожаловал. Бывший правитель в последнее время избегал при всех показываться.

— Съешь хомяка, и спору конец!— посоветовала Лиса Медведю.

— Хочешь, я за тебя съем?— разинул Волк зубастую пасть.

— Нет уж,— засопел Медведь.— А зубы свои убери, а то, я гляжу, много лишних.

— У меня лишних нет, они все считанные,— обиделся Волк.

— Были считанные, будут пересчитанные,— храбро сказал ему Хома.— Ты с моим родичем, Медведем, не очень-то цапайся!

— Опять он за своё,— всплеснул Медведь лапами.— Вот когда решим, тогда...

— И тогда я его съем, да?— захлопал в ладоши Волк.

— И тогда посмотрим,— дал ему затрепщину Медведь.— Тебе же сказали — не лезь!

— У-у-у,— плакси-
во завыл Волк.—
Тебе бы так.

— Не смей мое-
му родичу гро-
зить!— топнул ногой
Хома, снова вступив-
шись за Медведя.

— Весь в меня!— за-
смеялся Медведь.

Все так и ахнули.

— Это я... пошутил,—
смутился Медведь.— А ты что
про наш спор думаешь?— внезапно обра-
тился он к молчаливому Кабану.

— Не обещаю, но поду-
маю,— удачно, как ему
казалось, ввернул Ка-
бан. И расхохо-
тался.

Медведь безна-
дёжно посмотрел
на него, и вдруг ре-
шительно направил-
ся к ручью:

— Пусть нас Вы-
дра рассудит. Уж она-
то всё знает: и на земле, и под водой.

Все гурьбой последовали за ним.

Выдру они не сразу нашли. Она испуга-
лась такого нашествия.

В конце концов её удалось вызвать. Выдры страсть какие любопытные!

Медведь поведал ей обо всём и взмолился:

— Рассуди нас, а то, видишь ли, этот грызун мелкотравчатый, — сердито указал он на Хому, — мне проходу не даёт! — И пояснил: — Дорогу не уступает — малявка.

— А он, — кивнул на Медведя Хома, — всю дорогу меня оскорбляет. Все слышали.

— Разве может такой карапуз моим родственником быть? — негодовал Медведь.

Выдра внимательно поглядела на них и сказала:

— Сначала вы мне ответьте, пескарь и карп — родственники?

— Рыбы они, — рявкнул Медведь.

— Я не о том. Всё мы тоже животные. Я о более близком родстве говорю.

— Сравнила карпа, — уважительно пробасил Медведь, — с пескарем, — насмешливо хмыкнул он. — Никакая они не родня!

— Как раз наоборот, — вежливо улыбнулась Выдра. — Пескарь — из семейства карповых.

— Ты намекаешь, что Хома — из семейства медвежьих? — разволновался Медведь.

— Вполне возможно. Пескарь — мелкий, карп — здоровый. И оба вкусные. Хома маленький, ты большой. А на вкус — не знаю.

— Этого ещё не хватало, — взревел Медведь. — Родню на вкус определять!

— Миша, — влезла в их разговор ушлая Лиса, — ну, предположим, вы родственники. А разве обязательно надо к родне хорошо относиться? Ведь только на это и упирает наглый хомяк. Вот я своих родственников, конечно, не ем, но не перевариваю. А

кроме того, ну-ка, Выдра, скажи, кто кому дорогу уступает: пескарь карпу или карп пескарю?

— Пескарь карпу, — честно ответила Выдра.

— Видишь! — возрадовалась Лиса. — Так почему же ничтожный хомяк требует от тебя почтительного отношения?

— Именно, — приободрившись, буркнул Медведь. — Хотя... родня всё-таки.

— Но ведь карп пескаря в упор не видит, — вновь начала Лиса.

— Что карп? — гневно оборвал её Медведь. — У него кровь холодная. А я теплокровный. У нас, медведей, принято родичей уважать.

— Я его выручаю, а он ещё и противится, — раздражённо махнула хвостом Лиса. — Сам выкручивайся!

— Я выкручиваться не привык. Раз он мой отдалённый и приблизительный родственник, то...

И Медведь умолк.

— То пусть его — меня, значит, — никто не трогает, — подсказал ему Хома. — Иначе будут иметь дело со мной — то есть с тобой!

— Пусть меня никто не трогает, — послушно повторил Медведь. — Тьфу! Пусть его никто не трогает. Слышали?

— Да как же так! — ошалела Лиса. — Я вот родственница собакам. Мы с ними из семейства волчьих. Правильно, Выдра?

— Правильно, — подтвердила она.

— А как ко мне собаки относятся? — горячо продолжала Лиса. — По-собачьи! А

Волк? Мы с ним ближайšie родичи. А он у меня последний кусок вырывает!

— Свои семейные отношения утрясай сама,— отмахнулся Медведь,— а в мои не лезь.

— В твои? А кто приказал нам — Хому не трогать? — оскорбилась она. — Мы с ним не родственники.

— Тут ты права,— поскрёб Медведь когтями затылок.— Это ваши дела. А сам я с ним буду обходиться по-родственному.

На том всё и закончилось.

С тех пор медведи хомяков не трогают, не обижают. Зато лисицы... Но они из другого семей-

ства. Волчьего.

— Ты что, правда, из семейства медвежьих?— благоговейно спросил потом Хому Суслик.

— Какая разница!— гордо ответил Хома.— Зубы есть? Есть. Мы все из одной семьи.

— Какой?

— Из большущей семьи грызунов. Поэтому надо поменьше между собой грызться. И дорогу тем, кто слабее, уступать.

— И не унижать маленьких,— подхватил Суслик.— Кыш, козявка!— И сбил щелчком с плеча крохотную мошку.

— Весь в Медведя,— тяжело вздохнул Хома.— И, стало быть, в меня.

Как Хома Суслика у Волка купил

Нашёл Хома однажды монету в поле.
Новенький, блестящий рубль.

Суслик над ним только посмеялся:

— На рубль мало чего купишь. Теперь
копи. Ходи, высматривай. Может, ещё
найдёшь.

А Хома невозмутимо ответил:

— Неважно, сколько у тебя денег. Важ-
но, как их потратишь. Это ещё тётушка
моя говорила. А она-то во всём знала толк.

— Вот и береги свою монету, — продолжал насмехаться Суслик. — Может, пригодится.

Легкомысленный он, Суслик. Несерьёзный. Всё ему хиханьки да хаханьки. А деньги — это деньги.

У них в роце только один богач был, да и тот — Волк. Упорно ходили слухи, что он уже 4 (четыре) рубля скопил. И неудивительно. Повсюду рыщет, чем бы поживиться. Мог бы и больше найти с такими замашками...

Правильно говорят, что Волка ноги кормят. Они у него длинные, быстрые. Куда ни пойдёшь, везде можешь с ним, окаянным, встретиться. А там уж как повезёт. Ему или тебе. Раз на раз не приходится!

В этот раз не повезло Суслику. Волк его расплюх на поле гороховом захватил.

Объелся Суслик молодым, сладким горошком, отяжелел и заснул в тенёчке. Лежит себе, прохлаждается.

Тут-то Волк его и сцапал, тёпленького-прохладненького. И в логово своё унёс. Там ещё прохладней.

Хорошо, хоть сразу не проглотил. Сытый был Волк, на ужин добычу оставил.

Весть о том, что Волк поймал Суслика, быстро повсюду пролетела. На чёрных крыльях Главной Вороны.

— Волк спящего Суслика поймал!— кричала она на лету.— И в своё логово утащил! На ужин оставил!..

Дошло это чёрное известие и до Хома. Он как раз вздремнуть собирался после обеда — по старому русскому обычаю.

Вначале Хома порадовался, что не его схватили. Затем расстроился, что Суслика поймали. Потом возликовал, что их обоих не сцапали! Если бы оба попались, тогда бы уж точно конец. Кто тогда выручит глупого Суслика?

Побрёл Хома к Волку. И будто назло, ни одной дельной мысли в голове нет, как непутёвого друга спасти.

«На месте разберусь», — успокаивал себя Хома.

И правда, место иногда сильно помогает. Как-то Лиса, а не Волк, тоже поймала Суслика. Долго пришлось ловить, поэтому и обозлилась до чёртиков. Связала его и усадила на горке.

Отличное, видное место, прицельное, чтобы в пленника издали грушами-дичка-

ми прицельно бросать. Прекрасное развлечение, если, конечно, не в тебя кидают!

Один только раз Лиса в него грушей угодила, зато так метко, что он кубарем с горки до самой своей норы катился. А там уже Хома как на подхвате стоял. Успел впихнуть связанного друга в нору, и сам следом нырнул. Не растерялся.

Вот что значит удачное место!

Но и удачное время также большую роль играет.

Хома подкрался к Волчьему логову как раз вовремя. Волк пересчитывал на свету у входа свои металлические рублики. Вероятно, надеялся, что вдруг прибавилось. А может, вообще уважал порядок. Денежки счёт любят.

— Сколько? — громко спросил Хома из-за куста.

— Четыре рубля, — машинально ответил Волк и, вздрогнув, быстро закрыл деньги лапами. — Кто там?

— Я там, — храбро показался Хома.

Он хорошо понимал — Волк за ним не погонится. Денежки не бросит.

— Что тебе? — рыкнул Волк.

— Четыре рубля — не пять, — многозначительно заметил Хома.

— Не пять, — хмуро согласился Волк.

— Могу рубль дать.

— Кидай сюда — до кучи, — оживился Волк.

— Я с деньгами не хожу.

— Боишься, ограбят? — подмигнул Волк.

— Карманов нет.

— Понятно. И за щекой не носишь?

— И за щекой не ношу, — достойно ответил Хома.

— Думаешь, вытрясут?

— Проглотить могу, — объяснил Хома. — С испугу.

— Ясно. И где же твой целковый? — выпытывал Волк.

— А в норе.

— В твоей?

— Думаешь? — усмехнулся Хома.

— Я кого спрашиваю — в твоей норе? — прохрипел Волк.

— Не-а, — беззаботно ответил Хома.

— А где же?

— В норе у Суслика, — доверительно соврал Хома.

— А он об этом знает? — встрепенулся Волк.

— Ещё чего! — оскорбился Хома. — Я тайком у него спрятал.

— Похвально, — протянул Волк.

— Подальше положишь, поближе возьмёшь.

— Ладно. Что ты за свой рубль хочешь?
Только не Суслика, — предупредил Волк.

— Нужен он мне! — отмахнулся Хома.

— А что тебе нужно? Давай меняться.

— Давай. Ты мне — два рубля, а я тебе — рубль.

— За рубль — два?! — несказанно поразился Волк.

— Твои, я видел, старые, тусклые. А мой новый, блестящий!

— Новый, говоришь?

— Сияет как новый.

— Взаправду новый или только сияет? — вскипел Волк.

— А я как сказал? — пожал плечами Хома. — И сияет, и новый. Сияет, потому что новый. А новый, потому что сияет.

Как твои глаза!

У Волка глаза засверкали.
Затем померкли.

— За два — один?
Не пойдёт.

— Тогда до свидания, — повернулся было Хома.

— Стой! Куда ты?

— Домой к Суслику, пока он тут. Лишний раз полюбуюсь на свою монету. Заодно её и почищу — до зеркального блеска.

Незримый блеск желанной монеты буквально ослепил Волка!

— Ну, хочешь, — пробормотал он, — я тебе взамен подарю...

Он обернулся на своё логово и внимательно его осмотрел. Но ничего подходящего, кроме Суслика в тесном загончике, не углядел.

— Я тебе подарю... — опять напряженно пробормотал он.

— Может, мне хотя бы Суслика взять, раз большого выбора нет? — принялся вслух размышлять Хома. — Да только он мне ни к чему.

Теперь у меня не одна, а две норы. В одной жить буду, в другой деньжата хранить. Ни за что не променяю эту привольную жизнь на какого-то жалкого Суслика!

— А я говорю, бери Суслика! — вскричал Волк, сразу забыв о своём прежнем условии, и стал его расхваливать: — Какой он толстенький, сытенький, пушистенький! Сам бы съел, да деньги нужны позарез. Одного меха с него на целую постель себе надергаешь.

— Ну, если меха на постель, — заколебался Хома.

— А меня спросили? — вдруг донёсся негодующий вопль глупого Суслика. — Не позволю из меня мех дёргать!

— А тебя не спрашивают, — огрызнулся Волк. — Вот проглочу тебя и без меха!

Суслик враз успокоился. И больше ни гу-гу.

— Ладно, возьму твоего Суслика, — неохотно сказал Хома. — Я у него не только весь мех оборву, но и всю дурь вытрясу, чтобы его не хватали почём зря спящим!

— За свои деньги можешь с ним что угодно делать, — расщедрился Волк, не очень-то понимая, зачем Хоме понадобилась Сусликова дурь.

— И смогу, — сердито подтвердил Хома. — Ну, я пошёл?

— Подожди, пока я деньги припрячу, — заторопился Волк.

— Нет уж, — отказался Хома. — Сам его принесёшь и к нему в нору кинешь.

— Бережно положит, а не кинет! — снова истошно подал голос пленник.

— Цыц! — прикрикнул Волк. — Ну, кину я его тебе, а рубль ты взамен выкинешь? — засомневался он.

— Я, может быть, и самого Суслика заодно выкину,— мрачно пообещал Хома.

— Уговор дороже денег!— рявкнул Волк, глубоко убеждённый в обратном.

И Хома помчался домой.

Взял дома свою монету. Затем забрался в нору Суслика — и стал ждать.

Вскоре послышались быстрые Волчьи шаги.

— Суслик здесь. Принёс,— доложил Волк.— А ты готов?

— Давно наготове,— откликнулся Хома.

— Может, сперва монету выбросишь?

— Деньги на ветер не бросаю,— скупое ответил Хома.

— А всё-таки?— настаивал Волк.

— Нашёл дурака!

— Нашёл,— гоготнул Волк.— Держи его!

Хома втащил друга за ноги в нору. И выкинул наружу монету.

Волк схватил её, потёр о мохнатый бок и пошёл восвояси, любуясь сверканием денежки.

— Волк, а Волк,— вылез из норы Хома,— сколько теперь у тебя?

— Ровно пять!

— А что ты на них купишь? В магазин в деревне тебя ведь не пустят.

Волк так и застыл на месте.

— Что ж ты раньше молчал!— про-
выл он.

— А ты меня раньше спрашивал, когда
копил?

— А ты зачем рубль хранил, умный та-
кой? Ты-то что купить собирался?

— Я уже купил,— рассмеялся Хома.—
На рубль мало чего купишь. Кроме Сусли-
ка.

И, вернувшись в нору, весело посмотрел
на безмолвного друга. Рублёвого Суслика.

— Одно разоренье с тобой,— сказал Хо-
ма.— Меху, что ли, с тебя на постель на-
дёргать?..

Как Суслику имя выбирали

С похватился Суслик, что у него имени настоящего нет. Всё Суслик да Суслик. Разве это имя? Вон Хома — кто? Хомяк. А имя у него есть.

У всех имя есть. Или хотя бы прозвище. Ёж не просто Ёж, а старина Ёж. Заяц и то не Заяц, а Заяц-толстун. Сразу ясно, о ком речь.

Пристал Суслик к Хоме: вынь да положь ему новое имя.

— Так что тебе нужно — имя или прозвище? — сдался, наконец, Хома.

— Мне всё равно. Лишь бы было точно, звучно и красиво.

— Дылда, — сразу придумал Хома. — Звучно?

— Ну, звучно, — разочарованно пробормотал Суслик.

— Точно? — настаивал Хома. — Кто выше меня?

— Ну, точно...

— Красиво?

— Нет, — вздохнул Суслик.

— Пожалуй, — согласился Хома, потому что уже другое имя подыскал. — Нарцисс!

— Что-о?

— Цветок такой, культурный, редкий. Звучно?

— Звучно.

— Красиво?

— Красиво.

— Точно?

— Нет, — опять вздохнул Суслик. — Какой я тебе культурный цветок?

— И правда, — признал Хома, внимательно посмотрев на него.

— Думай, думай, — требовал Суслик.

— Стручок! — внезапно выпалил Хома.

— Гороховый, — хмыкнул Суслик.

— А что! Длинный, красивый, вкусный.

— И без того хищники проходу не дают.
Мне нужно точное имя, а не вкусное.

— Ну, оговорился, — примирительно сказал Хома. — Зато звучит как — Стручок!

— Я сказал — не нравится, — отмёл Суслик.

— Тогда — Билл. Красиво?

— Где там! Это собачье имя.

— Эдвард! Точно?

— Кошачье имя, — расстраивался Суслик. — Какой из меня Эдвард?

— Верно, — нехотя согласился Хома.

Следующее имя никак не придумывалось.

— Пойдём к Зайцу-толстуну. Пусть он себе голову полома-ет, — чуть не свихнулся Хома.

Пошли. Рассказали.

— Думай, Заяц, — попросил Хома.

— Думай, хорошо думай, — занудил Суслик. — Мне любое имя не надо.

Мне на всю жизнь. Звучное, точное, красивое имя!

— Килсус, — неожиданно предложил Заяц.

— Кто-о? — оторопел Суслик.

— Суслик наоборот — Килсус. Точно?
Суслик пошевелил губами.
— Точно.
— Звучно? Килсус!
— Звучно-то звучно...
— Красиво? — настаивал Заяц.
— Нет, — покачал головой Суслик. —
Самое лучшее имя ищи, Нутслот!
— Кто-кто? — опешил Заяц.
— Толстун — наоборот.
— Сам ты — наоборот! — рассердился
Зяец-нутслот. — К Ежу идите.
Пусть вам старина Ёж
придумывает.

Хороший он совет им дал. Действительно, старина Ёж много жил, много видел. Наверняка много замечательных имён знает!

Нашли Ежа.

Выслушал он их. Выдернул у себя иглу и задумчиво почесал ею затылок. Тупым концом.

— Гигант!— вдруг произнёс он.— Звучно?

— Звучно!— просиял Суслик.

— Красиво?

— Очень красиво!

— Но не точно,— остановил их Хома.

Кому приятно, что твой лучший друг носит такое красивое и звучное имя — Гигант!

— А может, необязательно, чтобы точно было?— робко проговорил Суслик.

— Нет уж. Сам просил точное! Да и что это за имя? Ну, выйду я на луг и буду тебя звать. Гига-а-ант, Гига-а-ант, куда-а!— закричал Хома, словно осёл.

Они не знали, что в эту минуту Лиса у норы остановилась и прислушалась.

— Кто гигант? Где гигант?— перепугалась она. И опрометью бросилась прочь.

— Покричу вот так,— продолжал Хома,— ты прибежишь, и все обхохочутся.

— Твоя правда, — потускнел Суслик.

— Правда всегда моя. Лучше оставайся со своим прежним именем — Суслик. Всё равно тебе, ветрогону, не угодишь.

— Как ты сказал?! — вскричал Суслик.

— Я ничего, — Хома даже отступил.

Но Суслик крепко схватил его за плечи и громко расцеловал.

— Спасибо, друг.

— За что?

— Имя нашёл. Точное, звучное, красивое.

— Какое? — тут и старина Ёж ошалел.

— Ветрогон! — гордо заявил Суслик. — Так теперь меня и называйте. Ветрогон — значит, быстрый. Так мощусь, что ветер обгоняю!

— Когда это было? — удивился Хома.

— Вспомни, как я недавно от Лисы удирал!

И Суслик, с ветром наперегонки, умчался к Зайцу — хвалиться своим новым именем.

— Знаешь, Хома, — сказал старина Ёж, когда они остались одни, — ветрогон — значит, легкомысленный. То ли ветер в голове гуляет, то ли ветром его гоняет.

— Зато красиво и звучно.

— И до чего точно!— усмехнулся Ёж. —
Точнее не скажешь.

— Кто придумал!— заважничал Хома.

Больше они об этом не говорили. Понравилось
имя лучшему другу?

Понравилось. Лишнее доказательство, что он ветрогон. Так ему, ветрогону, и надо!

Да только не прижилось это звучное, точное и красивое имя. Привыкли все Суслика Сусликом называть.

Жаль, они никогда не узнали, как перепугалась Лиса, когда Хома Гиганта позвал.

Так и не стал Суслик Гигантом.

А если вдуматься, красивое всё же имя — Суслик. Ласковое и точное. И очень звучное. Далеко звучит-разносится:

— Су-у-сли-и-ик...

Как Хома в чужом глазу бревно заметил

Попала как-то Хоме соринка в глаз. Суслик её не только заметил, но и вынуть помог.

Хорошее дело сделал. Зато уж и расхвстался перед всеми!

К Ежу пришёл:

— Я у Хома соринку в глазу заметил и вынул!

Затем к
Зайцу:

— Я у Хомы соринку из глаза убрал!

Даже Лисе крикнул издали:

— Я у Хомы соринку...

— Слышала, — недовольно прервала она. — Мог бы и не заметить, тогда и он бы меня не так замечал.

А уж перед самим Хомой Суслик до чего заносился!

Чуть что:

— Помнишь, слепота, как я соринку в твоём неосторожном глазу нашёл? Разве можно таким незрячим быть! — осуждал он.

До того он с этим надоед, что Хома всерьёз подумывал, не засорить ли себе нарочно глаза, а заодно и уши, чтобы только Суслика не видеть и не слышать.

Напрасно Хома надеялся, что Суслик вскоре

забудет о своём подвиге. Ничуть не бывало. Каждое утро подступал к Хоме. И в глаза ему пытливо заглядывал. Может, опять что-то есть?..

И так по нескольку раз в день.

А однажды и ночью разбудил. Склонился над ним сердито:

— Мне сон приснился, что ты, неловкий растяпа, оба глаза себе засорил. Ты же такой рассеянный, за тобой глаз да глаз нужен!

Ну, прямо житья от лучшего друга не стало. Глаза бы его не видели!

И всё-таки есть на свете справедливость. Есть она, есть.

Шли Хома и Суслик по тропе через рощу — на Дальнее поле. Суслик по вредной привычке нет-нет да и заглядывал Хоме в глаза: не видно ли там чего-нибудь новенького. Можно подумать, они всё время засоряются.

И Хома, совершенно случайно, тоже взглянул в глаза настырного друга.

Батюшки мои! Он мигом отшвырнул Суслика в сторону, и сам отскочил подалее.

Тут же с грохотом рухнуло здоровенное дерево — поперёк тропы. Гул по роще пошёл!

Это дерево давно здесь стояло засохшее. Бревно бревном.

Ни жив ни мёртв поднялся Суслик с земли.

— Я в твоём глазу вдруг бревно заметил, — тяжело дыша, сказал Хома. — Вижу, прямо на тебя падает!

— Оно в моём зрачке отразилось, да? — никак не мог прийти в себя Суслик.

— Оно бы на всём тебе отразилось, если б не я.

— А в твоих глазах не было видно, — переживал Суслик.

— В чужих ты любую соринку видишь, а в своих бревно не замечаешь.

После этого Суслик напрочь отвязался от глупой привычки — в чужих глазах мусор искать.

А ведь он уже и к старине Ежу, и к Зайцу-толстуну присматривался. Спас их Хома неволью от глазастого Суслика.

Никогда потом, ни в глаза, ни за глаза, не хвастался Хома своей удивительной зоркостью. И не попрекал лучшего друга тем, что тот здоровенных брёвен в упор не видит.

Лишь иногда, когда Суслик принимался кого-то осуждать, Хома поглядывал на его гневные зрачки: нет ли там нового тяжёлого бревна.

А что, бывает!

Как Хома на ноги вставал

Нравилось Хоме иногда поболеть. У больных времени свободного много. Капризничать разрешается. И кормят вкусно.

А ещё командовать можно над всеми, кто тебя любит: пойди туда, приди сюда, подай то, убери это.

Пока ты болен, что хочешь, то и делаешь. А близкие твои желания исполняют.

Все к тебе приходят с гостинцами. Улыбаются, соглашаются с тобою. И говорят тихо, ласково. Райская жизнь. Так бы всегда!

В один ненастный прекрасный день доктор Дятел поставил Хоме диагноз, что по-

звериному означает — заключение врачом. Причём это заключение было не какое-то больничное, строгое, а домашнее, режимное. Домашний режим.

Дятел нашёл у Хомя всего лишь простуду на сыром ветерке. И велел — в норе пока посидеть, на волю ни ногой!

Теперь и отдохнуть можно вволю. Хочешь, спи. Не хочешь, не спи. Полная свобода!

А главное, теперь о еде думать не надо. Лежи и ешь, что другие принесут. Вкусненькое. Куда они денутся!

Это и называется — счастье.

Первым пришёл Заяц-толстун. Большую морковку притащил.

— Почему так мало? — болезненно спросил Хома.

— Вечером две доставлю, — пообещал Заяц.

— Три, — потребовал Хома. — А лучше — четыре!

— Четыре не потяну,— забеспокоился Заяц.— Крепко в земле сидят.

— Тогда хоть одеяло поправь,— тяжело вздохнул Хома.— Подушку взбей. Посуду помой. Паутину смахни. Нору подмети. И ещё чего-нибудь сделай, что я позабыл.

Затем старина Ёж навестил. Орехов полную сумку приволок.

— Почему они не лущёные?— тихо возмутился Хома.— Разгрызай, а мне ядрышки оставляй.

Суслик прибежал. С охапкой стручков гороховых.

— Где ты так долго шлялся?— печально сказал Хома.

— На Дальнее поле через рощу ходил. Так боялся!

— Надорваться боялся?— с укоризной взглянул на стручки Хома.— И это всё?

— Спешил. В следующий раз больше принесу,— заверил лучший друг.— Ты только побыстрее выздоравливай.

— Вчера заболел, а уже торопят,— пожаловался Хома.— Ну, скоро ты там?— оглянулся он на Ежа.— Орешков охота!

— А говорят, у больных аппетита нет,— фыркнул Ёж.

— Если б у меня аппетит был,— устало произнёс Хома,— вы бы так легко не отделались. Принёс орехи неочищенные, да ещё попрекает.

— Это я так,— смутился Ёж.

— А грибной супчик где?

— Будет,— успокоил Ёж.

— Учти, не простой суп-супец, а супер-суп.

— Будет тебе и супер,— согласился Ёж, стараясь не раздражать больного.

И уже к обеду суп был готов.

— Надеюсь, грибы не сушёные?— строго спросил Хома.

— Свежие-свежие,— уверял старина Ёж.

— Небось маслят положил?

— Одни белые.

— То-то!

Заяц с Ежом, вытянув шею, смотрели, как Суслик кормит больного с ложечки.

— Съешь за Ёжика,— уговаривал он Хому.— А сейчас за нашего Зайчика. А теперь за меня, за Суслика. Ну, пожалуйста.

— А ты сначала подуй,— то и дело требовал Хома,— подуй!

Царская жизнь у больного, век бы болеть. Лёгкой простудой, конечно.

До чего же все заботливые!

Сварит Суслик молодой картошечки в кастрюльке, голову Хоме полотенцем накроет.

— Дыши,— говорит,— над ней. От простуды помогает.

Снимет потом полотенце и удивляется, чудак этакий:

— Я ему подышать велел, а он всю картошку слопал!

— Значит, на поправку идёт,— довольно откликнется Заяц.

И тут же ему Хома скамандует:

— В роцѹ сбегай за лечебной малиной, мне потеть полезно.— А вдогонку:— По-крупней выбирай и послаще!

Но вскоре такая «малина» кончилась. И двух недель не прошло, как старина Ёж загадочно сказал:

— Надолго залѣг, милоч?

— Это от меня не зависит, я очень болен,— блаженно улыбнулся Хома, предвкушая новые долгие деньки своей простудной болезни.

Снова появился доктор Дятел. Осмотрел бодро. Легонько простукал. И о чём-то зашептался с друзьями.

До Хома донеслось:

— Значит, три раза. Не забудьте, первый — сок подорожника, второй — малиновый сок, третий — сок одуванчика. И будет как новенький!

Больше Хома ничего не расслышал. Но не встревожился. И напрасно.

Доктор вышел, важно кивнув на прощание. И старина Ёж подступил к больному.

— Поскольку болезнь затянулась, то остаётся одно,— невозмутимо объявил Ёж,— уколы.

— Что???— подскочил на постели Хома.— Доктор про сок говорил!

— Держите его покрепче,— приказал Ёж. И выдернул у себя самую длинную иглу.

Заяц и Суслик навалились на Хома. И как он ни трепыхался, они ловко положили его на живот.

— По назначению доктора,— провозгласил старина Ёж, будто здравицу,— и-и — раз!

И всадил ему ниже пояса иглу, смоченную соком подорожника.

— У-у-у!— взвыл Хома и быстро заявил:— Здоров.

— Хорошо,— обрадовался Ёж.— А теперь с малиновым соком. Сейчас ты у меня попотеешь,— пообещал он.— По назначению доктора Дятла,— вновь провозгласил он,— и-и — два!

— У-у-у!— опять взвыл Хома, когда в него вонзилась новая игла.— Давно здоров. Отпустите!

— Отлично. А сейчас в третий раз. Закрепим успех соком одуванчика. По назначению доктора Дятла,— грянул старина Ёж,— и-и — три!

— У-у-у!— снова взвыл Хома.— Выздоровел! Выздоровел! Выздоровел!

— И чудненько, — благодушно заметил Ёж. — Живи и не болей.

— Чего вы здорового держите? — задёргался Хома.

Заяц и Суслик нехотя выпустили его.

— Ну и жизнь, — резво вскочил Хома. — Враз на ноги ставят. Поболеть не дадут!

Но и друзей понять можно. Крутись тут с ним день и ночь, когда такое испытанное средство под рукой. У Ежа.

Всего три укола, и больной как новенький.

Как Хома Зайца учил бегать

Хому страсть обуяла — учить всех и всему. От такого учителя не спасёшься.

Суслика он учил, как гороховые стручки рвать. А Ежа — как грибы на иголки насаживать.

И даже незнакомому кузнечичу однажды хотел показать, как надо прыгать. Да тот удрать успел. Так далеко сиганул, что, наверное, и сам удивился.

— Не успел ему объяснить, а уже достижение! — торжествовал Хома.

И что интересно, те, кого он настойчиво пытался учить, успехов достигли. Суслик стал рвать стручки лучше, а Ёж — собирать грибов больше. На то и учитель, чтобы никому поблажек не давать!

Ученики, конечно, сопротивлялись. Они не хотели учиться. Они оскорбительно кричали:

— Учитель выискался!

Но, по правде, ученики всегда и везде недовольны. У них одно на уме — скорей бы на свободу.

Да что там Суслик и Ёж, труднее всего пришлось Зайцу.

Хома взялся его в беге натаскивать. И не в простом беге, а с препятствиями. По пересечённой местности. Значит, не по ровному лугу, а по всяким рытвинам, впадинам и колдобинам. С перепрыгом через кусты и с перемахом через буераки.

Буераки — это небольшие

овраги. Правда, смотря кому небольшие. Для маленького Хома — бездонные пропасти. Поэтому он их всегда обходил. Говорил, что не хочет унижать Зайца своим лихим мастерством.

А вообще, кто-нибудь видел, как зайцы бегают? Задние ноги у них длиннее передних, и они их резко заносят вперёд. Задняя пара ног будто пытается обогнать переднюю. Так могли бы сделать и кенгуру, если б сумели.

Хома терпеливо убеждал Зайца, что он неправильно бегают.

— Признайся, лошадь быстрее тебя?

— Быстрее, — признался Заяц.

— А почему?

— Не знаю.

— Она иноходью носится или галопом скачет, — важно сказал Хома. — Забыл, как в прошлом году по лугу кони скакали?

— Я тоже скачу.

— До чего ж непонятливый! Какой же это галоп, если ты задними ногами опережаешь передние? Понял?

— Понял, — тяжело выдохнул Заяц. — Отстань от меня по-хорошему, а?

— Надо чтобы Волк с Лисой от тебя отставали, а не я, — сурово заме-

тил Хома. — Ты ведь не хочешь никому достаться на ужин?

— И на обед, и на завтрак тоже, — поспешно ответил Заяц.

— Вот и слушайся. Устанешь галопом скакать, беги иноходью.

— А как?

— Одновременно выноси обе правые или обе левые лапы. Пусть они бегут как бы попеременно.

Но Заяц как ни старался, не мог ничего освоить. Падал. Лапы у него заплетались.

— Был бы ты лошастью, я бы тебя вмиг научил, — в сердцах говорил Хома.

Но хуже всего дело обстояло с препятствиями. Если встречались низкие кусты, Заяц всё-таки брал их с разбегу. А вот перед буераками останавливался как вкопанный.

— Любое обучение не сразу даёт результат, — успокаивал его и себя тренер. — Когда-нибудь да проявится.

И точно. Как-то Заяц, понукаемый криками Хома, во всю прыть нёсся к широченному оврагу. Хома

дал ему с утра задачку посложней. Если уж здесь Заяц не подкачает, то с простыми буераками справится и по-давно.

И вдруг появился Волк! И стремительно бросился наперерез.

— Всё,— зажмурился Хома.

Когда он открыл глаза, Заяц уже удирает по другой стороне оврага. А Волк, не рассчитавший прыжок, барахтался в грязи на дне лощины.

— Поздравляю!— восторженно сказал Хома вечером Зайцу и пожал ему лапу.— Убедился?

— В чём?— спросил неблагодарный ученик.

— Как — в чём! Если бы ты не обучался иноходью бегать и галопом скакать, запросто бы очутился на дне оврага. Вместе с необученным Волком!

— Да я и не помню, как я бежал,— промямлил Заяц.— Ужасно перепугался!

— Ты не помнил, зато ноги помнили. Они поумнее тебя.

— А может, я сам по себе прыгнул,— неуверенно возразил Заяц.

— Раньше ты сам ни разу не мог,— усмехнулся Хома.— А будешь спорить, Волка бегать научу. Тогда ты у меня попрыгаешь!— пригрозил он.

Дальше он тренировать Зайца не стал. Можно переусердствовать и навыки сбить.

И хотя Заяц всё-таки продолжал бегать по-своему, по-заячьи, Хома был уверен,

что усвоенные знания обязательно снова вспомнятся. Был уже случай.

Лучший друг Суслик однажды спросил:

— Хома, а птиц ты летать не учил?

Хома с интересом посмотрел на небо:

— Высоко летают, не подступишься. А то бы...

Как Хома свою счастливую звезду подарил

Привык Хома ссылаться на то, что он старше Суслика. Поэтому, мол, и знает больше.

Хома и правда знал гораздо больше. Это «гораздо» прямо-таки угнетало лучшего друга.

Как-то вечером сидели они возле своих нор и на звёздное небо глядели. А высоко в небе то и дело вспыхивали огненные чёр-

точки. Словно там, далеко-далеко, беззвучно чиркали и горящие спички бросали.

— Что это? — притих Суслик. — Давно хотел спросить, да всё некогда.

— Звёзды падают, — задумчиво сказал Хома.

— Большие?

— Разные.

— Крупнее меня?

— Сам разве не видишь, что меньше!

— А почему они падают? — не отставал Суслик.

Хома молчал.

— Вон ещё одна упала!— вскрикнул Суслик и опять заладил:— Почему? А?

— Всё. Загадал,— довольно улыбнулся Хома.— Говоришь, почему? Чтобы все, кто успеет, могли желание загадать.

— Какое?

— Любое.

— Что ж ты мне раньше не сказал?— разволновался Суслик.— Знал бы ты, сколько у меня всяких желаний!

И вновь уставился на небо.

Но звёзды, как назло, больше не падали.

— Я, может быть, только из-за тебя несчастливый,— заныл Суслик.— Столько звёзд за свою жизнь упустил!

— Во-во! Помню, как ты их своим загребушим ведром ночью в ручье зачёрпывал.

— Это другое дело, — пылко возразил Суслик.— Те мне были нужны для освещения, а эти — для желания. А ты-то сейчас успел загадать?

— Сказал же — успел.

— Всегда так, — расстраивался Суслик.— Только для себя, а для друга тебе и падающей звезды жалко.

И тут, совсем низко, ярко вспыхнула следующая звезда и канула куда-то за край рощи.

— Загадал!— радостно воскликнул Суслик.

А Хома зачем-то поправил на земле сухой прутик. Посмотрел придирчиво и снова поправил.

— Ты чего?

— Направление засекаю. Видишь, прутик острым концом указывает, куда она полетела,— разъяснил Хома.

— Ну, упала — и что?

— Завтра утром пойду искать. Такое поверье: кто отыщет звезду упавшую, тот своё счастье найдёт.

— Что ж ты мне загодя не сказал?— снова расстроился Суслик.— Выходит, я желание загадал, а ты моё счастье найдёшь?!

— Не твоё, а моё,— оборвал его Хома.— Я тоже желание загадал. На счастье.

— Как же так? — опешил Суслик. — На одну звезду — два желания?

— Хоть сто! — отмахнулся Хома. — Эту низкую звезду все видели. И почти все желание загадали.

— Как же так? — повторил Суслик. — А кому ж тогда счастье привалит?

— Неизвестно. Наверное, тому, кто самым первым её увидел.

— А как это определить?

— Никак. Ждать надо. Кому вдруг счастье выпадет, тот, значит, первым и увидел. Точнее не определишь.

— А почему ты решил за звездой пойти?

— Чтоб наверняка. Ещё и другое поверье есть: найдёшь упавшую звезду — опередишь всех, кто её видел. И тогда на Новый год твоё желание непременно сбудется.

— Точно?

— Точно. Поэтому в Новом году все друг друга и поздравляют: «С новым счастьем!»

— Мы тогда спать будем, — приуныл Суслик. — Про зимнюю спячку забыл?

— Да хоть бы и забыл, — ответил Хома, — счастье меня не забудет, если я звезду отыщу.

Тут к ним прискакал Заяц-толстун.

— Падающую звезду видели? — с ходу начал он. — Низко-низко пролетела.

— Что я говорил!— взглянул на Суслика Хома.—

Кто её только ни видел! Нет, обязательно надо всех опередить.

Ночью Суслик спал плохо. Хоме завидовал. А завистники всегда плохо спят.

Одно утешало — не отыщет Хома его звезду. Может, она вся сгорела. Или так: увидит, но не узнает, что это она. Как её узнать? Никто никогда упавших звёзд не находил. Об этом давно бы везде кричали.

Но потом Суслику стало стыдно. Разве можно другу на счастье несчастья желать! А ведь он уже хотел было — ясно, из чёрной зависти — пойти и прутик в другую сторону повернуть. Вот до чего зависть доводит!..

Утром Хома определил по лежащему прутику направление — и отправился в путь.

Суслик и Заяц проводили его до роши и домой вернулись. Опасное это дело — счастье искать.

«Вероятно, там, на небе, справедливо решают, кому его дать», — подумал Суслик.

Раньше он завидовал Хоме, а теперь нет. Тут тебя и Лиса, и Волк, и Коршун с приятелем Кубчиком вдруг по пути перехватят! Невелико счастье.

Жаль даже, что такие мысли поздно возникли. Но Суслик успокаивался тем, что Хома всё равно бы пошёл. Нипочём не отговоришь, если он что-то решил.

А Хома тем временем шёл и шёл напрямик. Иногда он разные преграды обходил: упавшие деревья, лужи и ямы. Но с правильного пути не сбивался. Хомяки это умеют не хуже кошек.

Многих опасностей он избегал.

Едва на Лису не наткнулся, пришлось долго под опавшей листвой отлёживаться.

Чудом от Волка схоронился под корнями старого вяза.

Коршуну в когти чуть не попал, успел в колючих кустах шиповника спрятаться.

Непростое занятие — упавшие звёзды разыскивать. Счастье само собой в руки не даётся. Его заслужить надо.

Зато и награда ему выпала великая в конце пути.

Уже за полдень перевалило. Пора было назад поворачивать, чтобы засветло вернуться. И тут за дорогой, в овражке, среди давних, выброшенных и засохших елок ярко засверкала золотистая звезда!

Именно такой он её себе и представлял. С остроконечными лучами во все четыре стороны!

Она была большая. Больше него, Хома. И оказалась совсем остывшей и удивительно легкой.

Он взял её и понёс домой. И всё время думал, что делать, если хищники вновь появятся. С ней ведь не спрячешься.

Но она хранила его.

И Лиса, и Волк, и Коршун, завидев Хома с блестящей звездой, не посмели к нему приблизиться.

Он гордо выступал, подняв её над головой как флаг. Она так и сияла на солнце, рассылая ослепительные лучи.

Один такой лучик уколол Лису прямо в глаз.

— Скорее проходи!— зажмурилась она.

— Не пойму, что это у него?— опасливо пробормотал Волк.— Попробуй его тронь. Дуракам счастье.

Видимо, всё же догадался, в чём дело.

И Коршуна в небе лучи той звезды достигли. Он сослепу столкнулся на лету со своим приятелем Кобчиком.

Всех переполошил Хома.

Что там враги! Даже друзья, Суслик и Заяц, отшатнулись, когда он со звездой появился. Затем от восторга запрыгали.

— Нашёл!— ликовал Суслик.

А Заяц восхищённо рассматривал звезду и говорил:

— Вот бы её на Новый год в рощу на верхушку ёлочки!

— Из чего она сделана? — осторожно пощупал Суслик. — Железо не железо, бумага не бумага, материя не материя.

— Материя, — глубоко-мысленно сказал Хома. — Небесная материя. Вечная.

— А может, звезду вновь на небо забросить? — пожалел её Суслик.

— Легко тебе чужими находками швыряться, — ответил Хома. — Раз упала, значит, на счастье.

— Созрела, — кивнул ушастой головой Заяц. — Спелые яблоки тоже падают.

— Теперь я понимаю, зачем на небе столько звёзд повешано, — заявил Суслик. — Всё время падают — много надо.

— Вот бы её на ёлочку в Новый год! — мечтательно повторил Заяц.

Хома посмотрел, посмотрел на него. И неожиданно сказал:

— Держи.

— Что ты! — отказался Заяц. — Своё счастье отдаёшь?

— Не позволю, — запретил Суслик.

— Мы же зимою спим, — загрустил Хома. — Пусть хоть он под счастливой звездой Новый год встретит.

— И обязательно скажет тогда: «С новым счастьем, Хома!» — потребовал Суслик.

— Ага, — подтвердил Хома. — Громко скажет: «С новым счастьем, Хома и Суслик!»

— И Ёж, — вспомнил растроганный Заяц. — Вот так: «С новым счастьем, Хома, Суслик и Ёж!»

— Мы в норе спать будем, а он в снегу

Новый год встретит, — позавидовал Суслик. — Удачник он, Заяц. Наверняка раньше нас эту звезду заметил!

Счастливая звезда сама к нему как с неба свалилась.

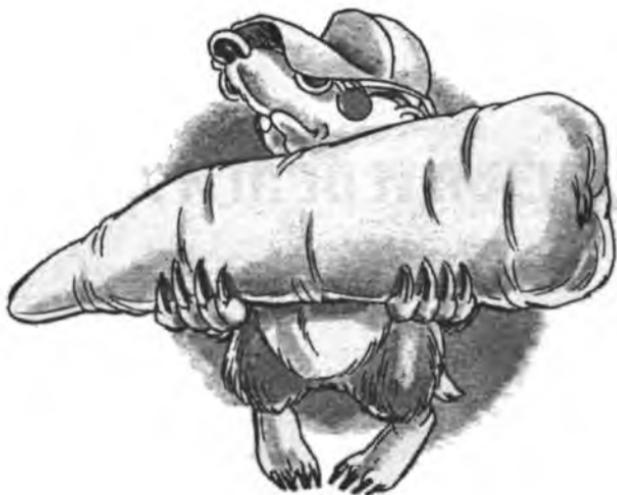
Никто не знал, что она была сделана из блестящей золотистой фольги.

Но ведь эта ёлочная игрушка и вправду была для них Небесной звездой!..

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ ХОМЫ

Как сыщик Хома кражу раскрыл

Однажды пришли Хома, Суслик и Ёж к Зайцу. И засиделись у него с полудня и дотемна. Как раз последние лучи солнца погасли за порогом норы.

Тут-то и обнаружилась крупная пропаша. Из кладовой у Зайца исчезла самая крупная морковка. К счастью, только одна. Последняя.

Другие морковки, по словам радушного хозяина, гости «усидели». Как? Очень просто. Усид-ели. Сидели и ели. Правда,

буква «У» здесь — вроде лишняя. Но она означает, что сидели и ели «у» кого-то. В данном случае «у» толстуна Зайца. Вот и «усидели».

Впрочем, все другие морковки были съедены совершенно открыто. Всеми при всех.

— Кушайте, дорогие гости! — угощал друзей Заяц-толстун.

А поскольку дорогие гости были прожорливы, самую большую морковку он оставил себе. На потом.

Однако потом морковки в кладовой не оказалось.

Таково было положение дел, когда Хома добровольно взялся за трудное расследование.

Обращался он ко всем исключительно вежливо, на «вы». Как в кинофильмах про сыщиков, которые он иногда смотрел по телевизору. А вернее, по разным телевизорам в ближней деревне. Чаще всего с заборов — через открытые окна.

— Где вы были сегодня от полудня до заката солнца? — любезно обратился он к Суслику. Лучшему другу.

— Хороший вопрос, — не удержавшись, похвалил Хому потерпевший. Хозяин.

— Здесь я был, у Зайца, — не растерялся Суслик.

— А что вы делали здесь, у Зайца?

— Что я делал? — про-
бормотал Суслик. — Да разве
вспомнишь! Ел, говорил...

— Что ели?

— Как и все, морковку.

— Что говорили? — наседал Хома.

— Не помню...

— Запомним! — многозначительно ска-
зал Хома. — А куда-нибудь из-за стола вы-
ходили?

— Никуда, — испугался Суслик.

— Неправда, — ласково улыбнулся Хо-
ма. — Я видел, как вы из-за стола, а потом
и из норы выходили.

— А раз видел, чего спрашиваешь! —
грубо ответил лучший друг.

Но Хому нелегко было сбить с толку.
Он, как опытная ищейка, пошёл по горя-
чему следу.

— Зачем выходили из норы потерпев-
шего?

— Зачем-зачем, — пробурчал Суслик. — Посмотреть, какая завтра погода ожидается.

— И какая? — вдруг разом оживились все остальные.

— А вы не мешайте, — строго обернулся к ним Хома. — И до вас дойдёт очередь.

Все подавленно притихли.

— Ну, и какая будет погода? — продолжал Хома.

— Солнечная. Роса обильная...

— А тучи были? — на всякий случай поинтересовался Хома.

— Были, — кивнул Суслик. — Луна за ними спряталась.

— А может, не луна спряталась? Может, вы морковку спрятали? — повысил голос Хома.

— Не прятал я! — вспыхнул Суслик. — Я даже в кладовку не заходил!

— Вы в этом уверены? — задал очередной вопрос Хома.

— Уверен!

— Кем уверены? — подался вперёд Хома.

Суслик убито молчал.

— Да и как вы можете быть уверены в том, что не заходили в кладовую, если вы в ней не были? И не уверяйте, что вы уверены! — попытался захватить его Хома врасплох. Друг другом, а правда дороже.

— А я и не уверен, что уверен, — запутался Суслик.

— Ах так, значит, вы уже не уверены?

— Ну, не уверен. А всё равно не заходил! — выпалил Суслик.

— Проверим. Пока вы свободны. Пока! — подчеркнул сыщик.

Как он и обещал, дошла и до других очередь.

В результате придирчивого допроса старина Ёж тоже не избежал серьёзного подозрения. Колючий Ёж, как говорится, всё-таки прокололся.

— Не мог я морковку съесть, — негодовал он, — она больше меня самого!

— А вы что, её измеряли? — ухватился за это признание сыщик. — Да и кто утверждает, что вы её съели всю? Возможно, остаток вы тоже припрятали, как и Суслик!

— Не ел и не прятал, — упорно твердил Ёж. — Не прятал и не ел.

— Что ж, и вы свободны пока, — нехотя произнёс Хома.

И пристально посмотрел на Зайца.

— Что, и я под подозрением? — оскорбился Заяц. — Ну знаешь!..

— А вот и узнаем, — потёр ладошки Хома. — Бывали случаи, — загадочно добавил он.

— Со мной — нет! — гордо скрестил на груди лапы Заяц.

— А вы случайно не забыли, куда положили морковку? Давайте признаемся по-хорошему, потерпевший, и разойдёмся, — принялся уговаривать его Хома.

На этот раз даже другие подозреваемые, Суслик и Ёж, вступились за хозяина:

— Хватит! Разве так можно?.. Себя проверь!

— Тихо! — зычно крикнул Хома и угрозил: — Знаю я, у кого рыло в пуху. Пусть лучше сам признается!

И тут пышная Зайцева постель в углу зашевелилась, и кто-то громко чихнул.

— Будьте здоровы! — ахнул хозяин.

Из-под подушки, весь в пуху, вылез подслеповатый Крот, таща за собой початую огромную морковку.

— Простите меня! — взмолился он, обеими лапками снимая прилипшие пушинки с рыльца. — Я нечаянно. Я случайно в кладовую ход прокопал. Ну, а морковка потом в него не пролезла. Вот я и спрятался здесь покушать. Простите меня, недальновидного! — жалобно повторил он.

Невероятно, но все смотрели не столько на него, сколько на сыщика Хому. Смотрели удивлённо, изумлённо и восхищённо! А он ошалело взирал на окружающих!

Даже сам Крот растерянно развёл лапами:

— И как он догадался?..

Как Хома у Лисы зуб выдернул

Зубная боль всем известна. От неё все страдают. И люди, и звери.

Животных особенно жалко. У них зубных врачей нет. Они сами друг другу помогают. Или не помогают. И даже порой прячутся от тех, у кого зубы болят.

Так с Медведем было. Все кто куда схоронились, когда он с рёвом по лесу бегал, держась лапой за щеку. Левой лапой.

И правильно сделали, что попрятались. Если бы кто-нибудь сунулся со своей помощью, Медведь бы правой лапой его в землю вбил. По пояс. Или по макушку. Это бы зависело от роста добровольного помощника.

На пути у него случайно Волк оказался. И Волк сразу на высоченную сосну залез. И слез с неё, как только у Медведя боль прошла. Через неделю.

Но случай с Медведем давно был.

А на этот раз заболел зуб у Лисы. Да как!

Когда у неё в челюсти крутануло, она заорала таким басом, что Волк снова залез на дерево. Он подумал — Медведя опять прихватило.

Ничто ей не помогало. Ни шалфей, ни припарки, ни ледяная родниковая вода.

Почему Лиса обратилась к Хоме — загадка. Тут к любому за помощью кинешься. Может, подумала, что от такого малого зверька большого вреда не будет.

— Пособи, родимый! — криком кричала. — Пособи, родненький!

До чего дошло — к хомяку в родню набивалась!

Хома не держал зла на Лису. Боль даже врага облагораживает. Стало жаль бедняжку.

Перво-наперво, он робко заглянул в её раскрытую пасть.

— Зубов-то, зубов-то сколько! — ужаснулся он. — Э-э, да у тебя там дупло, как у Дятла. Придётся рвать.

— Живой не дамся!
— вскричала Лиса.

— Ну, как знаешь, — вздохнул Хома. — Тебе жить.

— А ты что, зубы умеешь рвать? — простонала она.

— Нет, не умею. Но могу попробовать, — осторожно сказал Хома. — Слышал про один верный способ.

Только потом не жалуйся.

— Какой способ? — вытерла она слёзы.

— Нет, не пойдёт, — передумал он. —

Слишком опасно.

— Для жизни моей?

— Для моей. Ты меня потом на части разорвёшь!

— Говори, не мучай, — взмолилась она. — Какой способ?

— С маху молотком — вот какой!

— По больному зубику? — содрогнулась она.

— А то по какому же?

— Разорву, — мрачно согласилась она. — А другого верного способа нету? Понежнее, а?

— Есть, — внезапно засиял Хома. — Айда к Медведю.

— Думаешь, он поможет? — вытерла она снова глаза.

— Кулаком в челюсть, — усмехнулся Хома. — Нам не Медведь нужен, а его берлога. И даже не берлога, а её дверь. Большая, дубовая, — туманно пояснил он. — В самый раз!

Делать нечего. Куда ей, горемышной, деваться? Спотыкаясь и подвывая, она побрела вслед за ним.

— Тише ты! — прицыкнул Хома, когда они добрались до берлоги.

Тут он размотал длинную тонкую верёвку, прихваченную из дому. И закинул её на сук дерева.

— Вешаться я не буду! — наотрез отказалась Лиса.

Он сильно подёргал верёвку.

— Выдержит, — довольно сказал он. — Уж твой-то зуб выдержит.

У Лисы отлегло от сердца. Затем снова захолонуло.

— И на зубе я вешаться не буду! — в страхе отступила она.

Но, оказалось, он проверил надёжность верёвки. Всего-навсего.

Всё разъяснилось просто, когда Хома приступил к делу. Это был и впрямь верный, испытанный способ.

Обычно берут суровую нитку. Привязывают её одним концом к зубу, другим — к дверной ручке. Достаточно дёрнуть дверь, и зуб вылетит как миленький. Вернее, как маленький.

У Лисы же болел большой зуб. Клык. Поэтому и потребовалась верёвочка. Ниткой тут не обойдёшься. Даже суровой.

— Медведь рванёт, испугаться не успеешь, — успокаивал Хома Лису, проделывая всё необходимое. — Рраз — и нету!

— Меня? — ошалела от боли страдальца.

— Что? — не понял Хома.

— Меня или зуба — нету?

— Меня, — буркнул Хома, крепко привязывая верёвочку к двери. — Останусь я здесь — как же!

— Что?

— Зуба, зуба! — отозвался Хома. — Рраз — и нету!

— Будем ждать, пока Медведь дверь откроет? — задрожала Лиса.

— Ты поменьше болтай. А то ненароком верёвку перекусишь, — строго заметил Хома.

— Ты попроси Медведя — пусть он полегче с дверью-то.

— Полегче нельзя, только зуб расшевелит.

— Ой, не надо! — пропищала она.

— Дело за Мишей, — решительно произнёс Хома.

И громко постучал в дверь.

— Кого там нелёгкая несёт? — глухо прогудело из берлоги.

Хома опять постучал.

— Кого несёт, говорю?

Хома снова постучал.

Тут-то Медведь в ярости и рванул дверь на себя. Привязанная Лиса взвилась в

воздух и обрушилась на Медведя. Негостеприимный хозяин рухнул как подкошенный!

Хома сразу же заспешил домой, не дожидаясь, чем это кончится.

— Хорошая верёвочка. Крепкая, — бормотал он, почему-то умалчивая о ещё более крепком зубе. Хотя и больном.

Как потом выяснилось, Медведь ей всё-таки выбил зуб. Причём другой, соседний. А больной — следом сам выпал. Видать, с испугу.

С того злополучного дня Лиса и заимела на Хому зуб. Два зуба!

Чуть что, показывает их издали на ладошке и кричит:

— Мы ещё встретимся! Верёвочку приготовь!

Как Суслик остановиться не мог

Если пойти направо от норы Суслика в рощу, то непременно в гору упрёшься. Голую, лысую.

Лишь наверху макушки сосен торчат. Сосны отступают там от края обрыва. Даже они высоты боятся.

Вниз с горы старая звериная тропа спускается. А можно сказать, и поднимается в гору. Что в лоб, что по лбу! Кто из рощи идёт, тот спускается. А кто — в рощу, тот взбирается.

A black and white illustration of a landscape. In the foreground, there are several large, detailed flowers, including daisies and a mushroom. A path winds through the middle ground. In the background, there are rolling hills and a small house with a window. The sky is filled with large, detailed leaves from trees or bushes.

По этой-то кру-
той тропе все при-
вычно ходят на луг к ру-
чью. И обратно.

А к левому краю рощи лучше пройти по
левой стороне луга. Здесь пологий спуск и
лёгкий подъём. Тоже смотря куда идёшь:
туда или обратно.

Вот и вся тебе география!..

Суслик, тот любил похаживать в ро-
щу пологим путём. А возвращался
домой — с крутой горы.

Ему нравилось бежать вниз.
Без передышки.

Ноги сами собой бегут,
прямо до норы. И остано-
виться нельзя, если уже
побежал. Так навер-
нёшься, что своих не
узнаешь!

Трудно понять
привычку Су-
слика. А ведь он
гораздо осто-
рожнее Хома.

Тот ему не раз го-
ворил:

— Не ходи на гор-
ку — устанешь, не бегай с
горки — упадёшь.

У Суслика один ответ:

— Я на гору не хожу.

Вторую половину той пословицы он ми-
мо ушей пропускал. Уж очень ему нрави-
лось с горы во весь дух бегать.

Бежишь, бежишь, бежишь, пока не про-
валишься в свою нору. На мягкое сено.
Красота!

Но жизнь, как водится,
всех учит.

Почему его Хома
предупреждал? Да по-
тому, что сам любил прежде с
горы бегать.

Однажды не рассчитал он и проскочил мимо норы. Остановился он только в ручье. Чуть не захлебнулся!

Это не всё. В том заливчике, куда ухнул Хома, Выдра ловила рыбу. В сердцах она метко запустила в него ракушкой-перловицей.

У Хома до сих пор, как вспомнит, голова гудит. Полновесная была ракушка!

И это не всё. Потом Выдра ещё догнала его и треснула по загривку тяжеленным пузатым язём. Так что чешуя во все стороны разлетелась!

Навсегда забыл Хома, как с горы домой гонять.

Конечно, поучая Суслика, он преувеличил вес язя и ракушки. Но раз это не действовало на лучшего друга, то и не считается.

Однако Хома как в воду смотрел, особенно когда в ручей ухнул. Суслик вскоре добежался!

Всё случилось вечером. Возвращался Суслик из рощи. Ринулся весело вниз по склону — топ, топ, топ...

А навстречу Лиса поднималась. Нет бы, в сторону ей отскочить, а она глаза выпучила. И ни с места.

А Суслик уже не может остановиться. Только знай вопит:

— С дороги!

Когда это лисы сусликам дорогу уступали?!

Сбил её Суслик с

ног. И они кубарем покатались вниз, Лиса и Суслик.

Ну, ладно бы он только Лису наказал. Но за ней гуськом по тропе поднимались и другие важные особы. Как говорят спортсмены: в большом отрыве друг от друга сле-

довали Волк, Кабан и Медведь. Так уж совпало.

Бывают и не такие совпадения. Как-то Суслик нашёл вязаную шапочку для младенца. И она точно совпала с размером его головы. Ну, не удивительно?..

Так вот, катятся Лиса и Суслик. И орут:

— С доро-о-о-ги!

Волк и опомниться не успел, как его опрокинули.

Катятся
втроем: Волк,
Лиса и Суслик.
И голосят:

— С доро-о-о-ги!

Разом смели на своём
пути пришлого Кабана.

Вчетвером летят, кувыркают-
ся: Кабан, Волк, Лиса и Суслик.

— С доро-о-о-о-ги! — хором кричат.

А медведь на полпути застыл, рот разинул.

Как грохнули они по нему вчет-
вером!

Тут не то что Медведь — слон
повалился бы. Земля задрожала,
когда он пал!

Теперь они покатались впятером: Медведь, Кабан, Волк, Лиса и Суслик.

— С доро-о-о-о-о-ги!

Выскочил из норы Хома.

Мчится на него по лугу какой-то огромный невероятный ком. Не разбери-пойми: лапы, плечи, колени, хвосты. А голов-то, голов! И каждая кричит:

— Остановите меня!

— Обвал, — ахнул Хома.

И понёсся во главе лавины. Будто стрелочник впереди паровоза.

Да разве уйдёшь!

Неистовый вал настиг, поглотил его и с грохотом обрушился в ручей. Прямо на Выдру!

Она, как по заказу, опять ловила рыбу в заливчике. На то она и подводная охотница.

Орущий, визжащий, вопящий ком наконец распался на отдельных бедолаг. И запруженный ручей вышел из берегов!

Тут-то, уже без всяких преувеличений, и влетело каждому по загравку. Вконец опалевшая Выдра отхлестала всех подряд увесистым язём.

Медведь даже обиделся, отобрал рыбу и съел.

И что же? Такую кашу Суслик заварил, а виноватым Хома оказался.

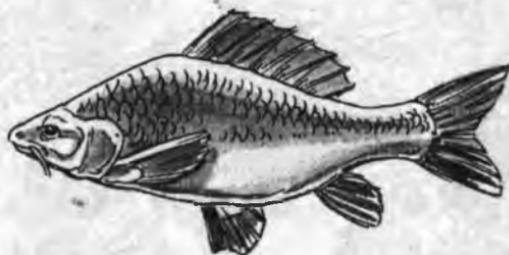
— Видать, мало тебе тогда досталось, — кричала на него Выдра, — ещё и других привёл!

Нет на свете справедливости. А Суслик пока есть.

Всё закончилось тем, что Медведь дал затрещину Кабану, Кабан — зуботычину Волку, Волк — оплеуху Лисе, а Лиса...

Оглянулась Лиса, а Суслика и след простыл. Собралась она ему подзатыльник через Хому передать, да и он успел скрыться.

Неспроста говорят: не ходи на горку — устанешь, не бегай с горки — упадёшь.

Как Хома сквозь стёклышки смотрел

Если кто-то цветные стёклышки собирал, тот знает, как интересно сквозь них смотреть.

Всё сразу волшебным образом изменяется. Серое делается зелёным, бурое — жёлтым, чёрное — голубым...

Это зависит от того, какое стёклышко выберешь. И ещё, на что наведёшь.

Хома давно цветные осколки собирал. Обтачивал, округлял края на камне-песчанике. И глядел через них на весь мир.

Удивительно! Трава становилась ещё зеленей, а небо — таким синим, что дух захватывало.

Но интересней всего было на врагов и на друзей подивиться. Для каждого он подбирал своё, особое стёклышко.

На друзей он глядел через светлые кусочки стекла, на врагов — через тёмные.

Вот на Лису он вообще смотрел сквозь чёрное стекло. И нарядная рыжая Лиса мигом превращалась в злодейку, какой и была на самом деле. В чёрную коварную хищницу!

А уж если на Волка глянет в красное стёклышко — будто злой огонь по земле стелется. Того и жди, всё вспыхнет вокруг!

Суслику больше всего подходил зелёный цвет. Недаром старина Ёж ему говорил: «Зелен ты ещё со мной спорить!»

Зелёное стекло всегда правдиво показывало Суслика, как бы он ни важничал. Зелёненький, глупенький и доверчивый лентяй!

Для старины Ежа Хома подбирал серовато-серебристые стёклышки. И тогда видел перед собой степенного, серьёзного, седого старикана.

Заяц-толстун наиболее верно гляделся в жёлтых тонах. Он получался беззащитно ярким и сочным, как груша. К тому же, очень трусливым.

Эта разноцветная забава не давала покоя лучшему другу Суслику. Он всё время приставал к Хоме:

— Дай, дай поглазеть!

И в тот злополучный день, когда Хома опять вышел из норы со своим драгоценным набором, Суслик не упустил

случая поканючить:

— Жалко, да? Жалко?..

— Ещё разобьёшь, — не давал Хома.

— Я осторожно!

— Знаю твою осторожность. Кто у меня вчера глубокую тарелку разбил?

— Сравнил! Тарелка — большая.

— А они маленькие, хрупкие.

Так бы и не дал поглядеть ему Хома, если бы не пришли старина Ёж и Заяц-толстун.

Они его уговорили. И про себя не забыли, конечно.

— Ладно, — вздохнул Хома.

Но сначала сам лишний раз полюбовался на них через стёклышки. Поочередно на каждого. И гордо сообщил друзьям, какими их видит.

Так, Ёж предстал у него не только степенным и рассудительным. Но и очень старым.

Не забыл упомянуть Хома и о трусости Зайца, и о беспримерной лени Суслика.

И ведь что любопытно, все это было бесспорной правдой. Без всяких прикрас. Стёклышки никогда не врут!

Вероятно, поэтому, доверяя Хоме, друзья и не стали смотреть друг на друга. А уставились сквозь стёклышки только на Хому.

Такого он никак не ожидал. Сам бы многое дал, чтобы взглянуть на себя со стороны. Наверно, незабываемое зрелище!

Он извелся от нетерпения, пока они всласть не нагладелись на него, передавая стёклышки из рук в руки. То есть из лап в лапы.

— Ну как? — небрежно спросил Хома. — Весь как на ладони?

— Вот именно, — сумрачно ответил за всех старина Ёж. И больше ничего не сказал.

Мало того, что он напустил туману, друзья ещё и молча переглянулись. Будто узнали такую тайну, которую не всякому можно открыть.

— Ты только не обижайся, — по-дружески сказал Суслик, когда Заяц и Ёж ушли. — Но ты тоже хорош!

Если бы Хома мог, он бы побледнел. Он ничего не стал спрашивать, хотя лучший друг и пытался.

— Я и не думал, что ты... — посмеиваясь, начал Суслик.

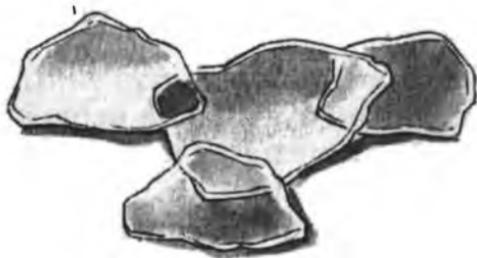
— Молчи! — прикрикнул Хома. — И знать не хочу!

Собрал свои разноцветные стекляшки и выбросил в ближайшее болото. Туда, где Медведь когда-то тонул, если кто помнит.

И Хому можно понять.

Ёж стар, Заяц труслив, Суслик ленив. А он, Хома?.. Каков он на самом деле?

И правда, лучше не знать. Не так обидно будет.

Как Хому и Суслика подслушали

Вот ведь загадка: кто слышит лучше всех?

Одни знатоки говорят, что ежи. Они, понимаешь, такие чуткие! За версту слышат треск сухой шишки под ногами. Под ногами Медведя, наверно.

Другие — мышей нахваливают. Мыши, мол, настолько пугливые, что слышат звук собственных шажков, давно оставшихся позади.

Третьи — хомяков предпочитают. Уверяют, что они слышат даже те шаги, которых ещё и нет. А только ещё будут.

Во всяком случае, так однажды сказал Хома Суслику, ссылаясь на упорную молву.

— А суслики? — спросил Суслик.

Странно было бы, если бы он не спросил.

— У сусликов тоже хороший слух, — сдержанно ответил Хома. — Особенно у одного знакомого Суслика. Ему даже слышно, как я на Дальнем поле горох рву.

— Ты уверен? — польщённо улыбнулся лучший друг.

— Да я только что оттуда вернулся, а ты уже тут как тут! — рассмеялся Хома. — Ладно. Угощайся, лентяй.

Суслика не надо было дважды просить. Он сразу приналёг на сладкий, молодой горошек.

— Интересно, а кто же, однако, слышит лучше?

— Лучше или громче? — переспросил Хома.

— Ну да. Кто самое тихое слышит громче всех? — И Суслик сам себе ответил: — Комар ночью в норе зудит громче всех!

— Ты же спрашивал, кто слышит, а не кто зудит.

— А я как сказал? — удивился Суслик. — Я ведь о чём спрашиваю: кого нам бояться надо?

— Как — бояться? — озадачился Хома.

— Неужели не понимаешь? Допустим, мы с тобой о Лисе пошепчемся, а кто-то услышит. И ей донесёт! Кого из слухачей нам бояться надо? Кто лучше всех слышит? Уловил?

— Вот ты про что. Пожалуй, Сова слышит лучше всех.

— Почему? — любимый вопрос Суслика.

— Потому что по ночам тихо.

— А ещё кто?

— Заяц.

— Почему?

— Он трусливей всех. Но он не донесёт, — убеждённо сказал Хома.

— Почему?

— Потому что трус.

— А я думаю иначе, — возразил Суслик. — Он наш друг. Поэтому и бояться его не надо.

— Не ожидал, что ты такой разумный, — удивился Хома. — Молодчина!

— Бывает, — расцвёл Суслик.

— Знаешь, я наконец понял, — неожиданно произнёс Хома. — Самый лучший слух — у Зайца, у Ежа, у тебя. И у меня, конечно. Мы врагам никогда ни о чём не рассказываем. Всё слышим, а им ни гу-гу. Значит, у нас — самый хороший слух. Просто замечательный!

— А плохой у кого?

— У тех, кто потом наушничает, ябедничает. Плохой у них слух, отвратительный!

— Слышу, слышу... — внезапно донеслось от входа в нору.

— Слышал? — вздрогнул Суслик.

— Слышал? — вздрогнул Хома.

А это, оказалось, Ёж по старой привычке тихонько пришёл.

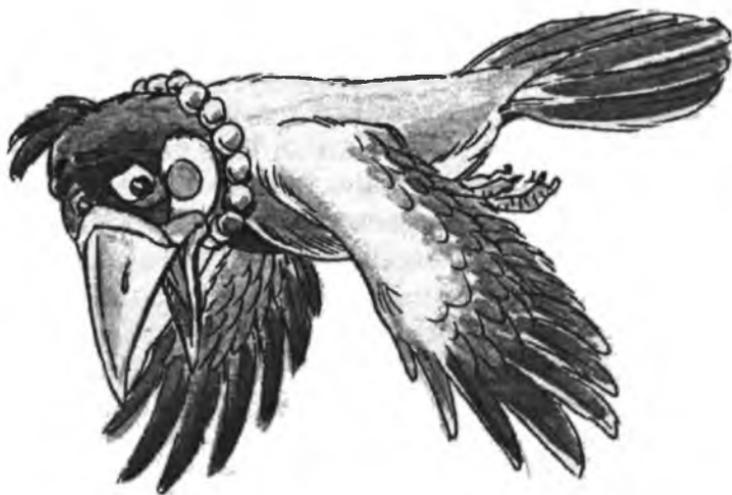
— Верно подметил, Хома, — похвалил он хозяина. — Хороший слух — у того, при ком можно разговаривать громко, не таясь.

А ведь правда!

И всё-таки лучше, решили они, даже со своими говорить потише. Помнить, что в лесу живёшь, или на лугу, или в поле. Чужих ушей везде хватает. И днём, и ночью.

Особенно ночью. Ночью — тихо.

Как Хома Ворону наказал

За что Хома не любил эту растрёпу Ворону?

Целыми днями она носилась над лугом, над рощей, над полем. Куда ни погляди — везде Ворона!

Повсюду наблюдала, подсматривала, подслушивала. И доносила обо всём Лисе и Волку.

А они её за труды подкармливали. Огрызками, косточками, а то и змеиным супчиком. Вороне всё сойдёт.

Особенно досаждала Ворона Хоме и его друзьям — Суслику и Зайцу. Стоило им

куда-то пойти, как это сразу становилось известно Лисе или Волку. И те с ходу начинали на них охотиться.

А всё Ворона! Мало того, что сплетница и доносица, ещё и наводчица!

— Надо с ней что-то делать, — сказал как-то Хома друзьям в норе у Зайца. — Иначе пропадём.

— И очень быстро, — добавил Суслик, — при таком наблюдении с воздуха!

А Заяц только тряхнул головой и жалобно шмыгнул носом.

Стали они перебирать разные способы, как от Вороны избавиться.

— Сбить бы её из ружья, — размечтался Суслик, — прямо на лету!

— Ружья нет, — мрачно ответил Хома.

— Тогда утопить её в болоте!

— Не поймаем, — возразил Хома.

— Раз она такая несбиваемая, непотопляемая и неуловимая, — трусливо произнёс Заяц, — надо её разжалобить. Не доноси на нас, Воронушка-голубушка! — внезапно запричитал он так, что все отшатнулись. Вероятно, уже готовился. — Да я могу за всех нас, — храбро заявил он, — перед ней на колени пасть!

Все сочувственно посмотрели на него. До чего Ворона Заяца довела!

— Лучше умереть стоя, чем жить на коленях, — удачно ввернул Суслик.

— Кому — мне? Мне умереть стоя? — забеспокоился Заяц-толстун. — Сам умирай стоя!

— Я умру лёжа, — с достоинством заметил Суслик. — От глубочайшей старости.

— С ней мы все молодыми умрём, — уверенно заявил Хома.

— А что же делать? — привычно спросил Суслик.

У него было два любимых вопроса: «Что делать?» и «Кто виноват?». В общем-то, и ответы на них были ему давно известны. Виноваты все кто угодно, только не он. А что делать, Хома знает.

И на этот раз Хома не подвёл.

— Сделаем так... — таинственно начал он.

В тот же день они как бы случайно вновь встретились. Открыто. На лугу — под одинокой берёзой.

На берёзе обычно любила восседать доносчица Ворона. Да она и сейчас была на своём наблюдательном посту.

Увидев их, Ворона тихонько опустилась на ветку пониже.

То, что она услышала, повергло её в ужас.

— ... Ничего подобного! — горячо говорил Хома друзьям. — Недавно в дальних лесах открыли, что самый вкусный бульон — вовсе не куриный и не мышиный.

— А какой же? Какой? — выпрашивали Заяц и Суслик.

— Вороний!

— Не может быть!

— Научно доказано. Не верите? Да вы у Лисы или у Волка спросите. Они вам ещё не то расскажут, — уверенно сказал Хома. — Лиса страсть как вороний супчик

вдруг полюбила! А Волк, тот жареных ворон теперь предпочитает!

— Вместе с перьями? — ахнул Суслик.

— Вместе. Чего добру зря пропадать!

— И давно это они к воронятине вкус приобрели? — деловито спросил Суслик. Всем известный обжора. Даже Вороне.

— Сегодня утром. И то нечаянно, — напропалую заливал Хома. — Встал Волк спозаранку и так широко зевнул, что ворона в рот залетела. Чужая, случайная, — подчеркнул он. — Вот он и распробовал. Понравилось ему ворон глотать!

— А ты же сказал, что Волк жареных ворон предпочитает, — увлёкся Суслик.

Хома незаметно толкнул его в бок.

— Если уж ему сырая понравилась, то, представляешь, какова жареная! — нашёлся Хома. — Мечтать никому не запрещено. Даже Волку!

Ворона мигом снялась с дерева и быстро полетела прочь.

Она спешила убраться подальше из этих мест, где с некоторых пор жареных ворон предпочитают сырым, а вороний бульон ценят превыше куриного. И мышиного.

А тут ещё по пути и Лису внизу увидела.

Она большую кастрюлю у родника мыла.

— Спускайся, голубушка, — приветливо позвала Лиса. — Расскажешь, что там новенького творится.

— А потом супчиком угостишь? — ехидно спросила Ворона. — Мышиным бульончиком?

— Угощу, — любезно ответила Лиса. — А может, ты больше сырую мышатину любишь?

— Держи карман ширре! — грубо прокаркала всё ещё сырая Ворона. — Рыжая крррля!

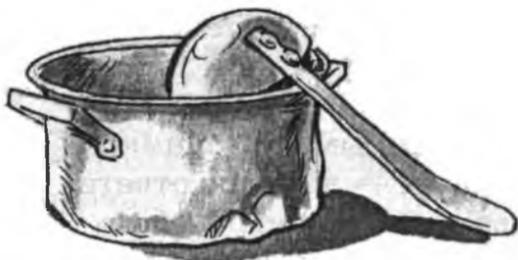

— Ты мне ещё попадёшься! — взвилась Лиса от такого хамства.

— Не на ту наррвалась! Каррамба!

И доносчица Ворона навсегда исчезла с местного горизонта.

— Небо чище стало! — ликовали Хома и его друзья.

Как Хома завидовал

Без этого не бывает: всегда кто-то кому-то завидует. Слабый сильному, больной здоровому, бедный богатому, голодный сытому, невзрачный красивому, низенький высокому. А глупый — умному. Хотя и напрасно.

Немало на свете тупых животных, которые себя умнейшими считают. Не надо далеко и за примером ходить. Можно в Ближнюю рощу наведаться. Там пришлый Кабан живёт. Он самый-пресамый умный! Достаточно его об этом спросить.

Однако Хома даже ему иногда завидовал. Никто Кабана не трогает. Никто за ним не гоняется. А главное, завидки его не берут.

Такая, вот, навалилась на Хому беда — стал он внезапно завидовать. И не кому-то одному, а многим.

Птицам — они летать умеют.

Рыбам — они плавать могут. Под водой.

Волку и Лисе. Он от них бегаёт, а не они от него.

И Медведю тоже. Все Медведя боятся!

Друзьям Хома также подчас завидовал. Быстрому бегу Зайца. Мудрости Ежа. Несусветной лени Суслика.

Хому расстраивало и то, что у Суслика есть такой необыкновенный друг, как он, Хома. А у него, у Хома, такого друга нет.

Трудно, конечно, с этой беспредельной завистью жить.

И вот, как-то вечером, когда беспокоящие мысли особенно одолели Хому, он вспомнил одно золотое правило. Если тебе трудно, поделись с кем-нибудь своими заботами!

Поделись — значит, отдай. Отдашь — меньше останется. А чем легче твой груз, тем тебе лучше. И впрямь золотое правило!

Пошёл Хома к старине Ежу. Не к Суслику же идти. Уж от него-то не только не полегчает, он ещё и свои заботы на тебя взвалит.

Выслушал Хому старина Ёж. И усмехнулся.

— Знакомое чувство.

— Знакомое? — обрадовался Хома, что не так одинок.

— В молодости я тоже всем завидовал, — признался Ёж.

— И что, прошло?

— Не важно «что», а важно «как» прошло!

— И как? — заволновался Хома. — Иной раз места себе не нахожу. Сижу и думаю: «Жаль, я не птица. Жаль, я не рыба. Жаль...»

— Ну, это первый признак сумасшествия, — перебил его Ёж. — Ковшик холодной воды плесни на темечко. Помнишь? Испытанное ежиное средство!

— Я серьёзно...

— И я серьёзно. Выльешь на себя ковшик, и начнёшь на холодную голову размышлять. Скажешь себе: «Стану я рыбой. А Щука или Выдра тут как тут! Буду я лучше птицей...» Какой ты хочешь? — спросил Ёж.

— Ласточкой, — быстро ответил Хома.

— «Буду я ласточкой, — продолжил Ёж. — А вокруг — ястребы, коршуны, кобчики!..»

Лихо разделался старина Ёж с рыбами и с птицами.

— А если я был бы Лисой или Волком? — не мигая, уставился на него Хома.

— А за кем и Лиса, и Волк гоняются? — прищурился Ёж. — Ты-то станешь тогда охотиться на Хому и Суслика?

— Ни за что!

— А они охотятся. Думаешь, почему?

— Почему?

— Да потому, что ты всем нужен. Без них-то можно прожить, а без тебя нельзя. Ты — самый главный!

— Верно, — повеселел Хома. — Я и Суслик.

— Это они тебе должны завидовать, — продолжил Ёж. — Ты маленький, незаметный. И шустрый. Чуть что, спрячешься. Или перехитришь, вокруг пальца обведёшь. Столько кругом опасностей, а ты всё-таки живой!

— Всё ещё живой, — выпятил грудь Хома.

— Только потому, что самый умный. Да-да! Несмотря на то, что самый вкусный.

— Ну? — поразился Хома.

— А чего ж Лиса и Волк тебе проходу не дают? Самый вкусный! — повторил Ёж. — Не веришь?

— Не знаю, не пробовал. Фу ты! — опомнился Хома. — Уговорил. Останусь самим собой, раз я самый умный и самый вкусный.

И Хома побежал к Суслику поделиться своей радостью.

— Слышь, если б ты был Лисой, захотел бы ты поохотиться на Суслика? — спросил его Хома.

— Что ты! — отшатнулся лучший друг.

— А на меня?

— Нет, — отказался Суслик, хотя и менее твёрдо.

— Отчего же не захотел бы? — упорствовал Хома. — Ведь мы с тобой самые вкусные!

— А откуда я знаю? — отодвинулся от него Суслик подальше. На всякий случай.

— Но Лиса-то об этом знает. Я и говорю: если б ты Лисой был?

— Я бы лучше с голоду умер!

— Ага! — воскликнул Хома. — Так что и завидовать нечего.

— Ты это о чём?

— Да так, по дурусти, — уклончиво ответил Хома. — До чего же я рад, что я — хомяк, а ты — суслик! Пусть нам все завидуют!

— Пусть, — великодушно согласился лучший друг. — Но Медведем быть лучше.

— Про него-то я и не узнал, — расстроился было Хома. — А с кем бы ты дружил тогда? — внезапно подмигнул он.

— С тобой.

— Стал бы ты, медведь этакий, со мною дружить! Нашёл кому завидовать, — напустился на него Хома. — Не знал, не знал я, что ты такой завистливый. И не стыдно тебе? Небось, сидишь и всё время дума-

ешь: «Жаль, я не птица. Жаль, я не рыба. Жаль, я не Медведь!»

— Откуда знаешь? — изумился Суслик.

— Знаю, — смущённо кашлянул Хома. — Первый признак сумасшествия. Ты себе ковшик холодной воды плесни на темечко, — посоветовал он.

— Пробовал, — уныло сказал друг.

— А два ковшика? — засмеялся Хома.

— Что ж ты сразу не сказал! — вскочил Суслик.

И кинулся к выходу — с ковшиком.

— Ты куда? — оторопел Хома.

— К роднику.

— Чего уж там, — неожиданно вздохнул Хома, — ведро бери. И на меня прихвати водички.

Как Суслик ниже себя прыгнул

Понравилась Суслику одна Белочка. Резвая, игривая, пушистая. Прелесть, а не Белочка!

— Хочу с ней дружить, — доверчиво сказал Суслик Хома. — Ты как считаешь?

— Хорошо это или плохо, да? — переспросил Хома.

— Ну, хотя бы и так, — замылся лучший друг.

— Плохо, — ответил Хома.
— Ты получше на неё посмотри.
— Сам посмотри, какая она смелая, быстрая, ловкая! Не то что ты.

— И не то что ты, — надулся Суслик.

— Вот именно, — согласился Хома. — Поэтому мы с тобой и друзья — почти на равных.

Он полагал, что Суслик не заметит словечка «почти». Но тот сразу прицепился:

— Как — почти?

— Не знаешь? Мы с тобою почти, а не совсем на равных.

— Уж и не совсем, — обиделся Суслик.

Хотел ему Хома подробно растолковать, какой он, Суслик, простофиля. Да не стал связываться. Свёл на мировую.

— Мы не совсем, а почти одного роста, — скрепя сердце заметил он. — Ты повыше.

— Ах вот ты о чём! — Суслику всегда нравилась грубая лесть. — Жаль, Белочка этого не слышит.

— Куда тебе до неё? — вновь не выдержал Хома. — Высоко берёшь!

— Конечно, — потускнел лучший друг. — Она высоко живёт — на деревьях.

— Хоть что-то понял, — буркнул Хома.

— А вот ты не понял. Может, я прославолюсь, и она сама захочет со мною дружить.

— Давай-давай, — подначивал Хома, — прославляйся.

— Вот увидишь, обязательно стану знаменитым. И в роще, и на лугу, и в поле — везде будут все оборачиваться и говорить: «Вон Суслик пошёл!.. Какой?.. Тот самый!»

— Не дождёшься. Выше себя не прыгнешь. И с Белочкой не подружишься.

— Плохо ты меня знаешь. Я ещё на руках носить её буду!

— Зачем? — изумился Хома. — Что за глупости?

— Не скажи. Я слышал, как незнакомый Выдр красиво сказал нашей Выдре: «Ласточка моя, я всю жизнь буду тебя на руках носить!»

— Ему можно. Он сильный. Да только

он, видать, про настоящую ласточку сказал.

— Ничего ты не понимаешь!

— А тут и понимать нечего. Ласточку он сможет всю жизнь носить, а нашу Выдру не сможет.

— Ничего ты не понимаешь... — на сей раз мечтательно повторил Суслик.

— Смотри, не надорвись носить, — посоветовал Хома.

Суслик очнулся от своих грёз и покраснел.

— Так-то лучше, — расхохотался на смешник Хома.

— Поживём — увидим, — отрезал лучший друг.

И ведь до чего додумался Суслик! Он решил усердно тренироваться, чтобы легко, как белка, прыгать с дерева на дерево.

Всё закончилось на первой попытке.

Он сумел-таки, на глазах у Белочки, залезть на высокую сосну. А для этого мужество нужно.

И прыгнул на другую сосну. А это уже геройство!

Но вдруг сучок под ним обломился, и герой полетел вниз.

Разлапистые ветви, встречавшиеся на пути, упруго подбрасывали его вверх. Казалось, он и впрямь лихо прыгает, как белка. Если б не истошные вопли:

— Спасите! Помогите! Ловите!

Бедняге грозила неминуемая гибель. И тут, к счастью, вмешалась Белочка. Она уже поджидала его на нижней ветке.

Белочка ловко поймала дерзкого летуна. Прямо на лету!

И проворно спустилась с ним вниз. На устойчивую землю. Сильная была Белочка. Выносливая.

Она-то никого не собиралась носить на руках. Однако такое случилось. Сподобился счастливчик!

С того самого дня он и правда стал знаменитым. И в роще, и на лугу, и в поле — всюду все оборачивались и весело говорили:

— Вон Суслик пошёл!

— Какой?..

— Тот самый!

— Которого Белка на руках носила?!
Прославился.

Как Хома и Суслик бродяжничали

— **Ч**то-то меня бродяжничать потянуло, — сказал Хома Суслику.

— А кто такой бродяга? — спросил лучший друг.

— Тот, кто повсюду странствует.

И Хома мечтательно посмотрел на небо, по которому величаво шествовали облака.

— Говоришь — странствует, — пробормотал Суслик. — Путешествует, значит?

— Ничего подобного, — спустился с небес на землю Хома. — Путешествуют всегда с какой-нибудь нужной целью.

— Ну, а какая у нас цель была? Мы же с тобой трижды по ручью путешествовали, — никак не мог разобраться Суслик.

— Первый и второй раз — мы богатые и безопасные края искали, — терпеливо напомнил Хома. — А третий раз...

— Точно! — перебил его Суслик. — К нашему другу Муравью в гости плавали. Всё верно. Путешествовали с нужной целью. А бродяги как?..

— Странствуют, ходят повсюду. Просто так.

— В таком случае, я давно бродяга, — легкомысленно заявил Суслик. — Везде хожу — просто так.

— Ну, бродяга не только ходит, — замялся Хома, — но и бродит, — находчиво определил он.

— Помню, у меня в кладовке берёзовый сок забродил, — неожиданно вспомнил Суслик. — Так бродил! Ещё тот бродяга! — восхитился он.

— Брага, а не бродяга, — насмешливо поправил Хома. — Запомни, бродяга никогда не знает, где заночует.

— А брага? — с интересом спросил Суслик.

— А твоя бродячая брага всегда ночевала в твоей кладовке, — нашёлся Хома.

— Понял! — засиял Суслик. — Стало быть, бродяга — бездомный?

Но Хоме не понравилось это слово.

— Не бездомный, а вольный. Свободный как ветер!

— Я и говорю: от своей норы свободный, — кивнул Суслик. — Заманчиво. И готовить не надо, и прибираться.

— Пожалуй, я возьму тебя с собой, — задумчиво проговорил Хома. — Одному даже и бродяжничать скучно.

— А что, такое весёлое дело? — загорелся лучший друг.

— Очень! Всю дорогу новые впечатления, новые встречи.

— С кем?

— С кем попало. — И Хома разъяснил: — С теми, кто попадётся навстречу.

— А поточнее? — пытливо взглянул на него осторожный Суслик.

— Поточнее — не знаю. Ещё не бродяжничал, — честно ответил Хома. — Но чую, это у меня в крови. Наверно, от предков передалось.

И папаша мой, и дядюшка любили странствовать. Не сиделось им на месте. Да ты же моего дядюшку знаешь, — внезапно припомнил он. — Непоседливый, вольный бродяга!

— Ага. Он у тебя тогда так зажился, что и на волю не выгонишь! — с усмешкой заметил Суслик.

— Сравнил! Он всю жизнь странствует, вот и притомился в тот раз. А мы всего лишь на несколько дней уйдём.

— Ах только-то! Пошли, — решительно сказал Суслик.

— Ещё собраться надо, подготовиться. Не увеселительная прогулка!

— А жаль, — вздохнул лучший друг.

Собирались они долго. То одно, то другое мешало в путь отправиться. Плохие погодные условия, неважное настроение, слабая подготовка.

Полмесяца, не меньше, подготавливал Хома Суслика, да и себя, к долгим странствиям.

В погожие, тёплые деньки учились они бродить медленно, лениво, расслабленно.

В ненастье учились быстро прятаться от дождя под лопухами.

А по ночам учились ходить в темноте, не спотыкаясь и не разбивая нос. Особенно Суслик свой нос берёт. Он у него длинный. Значит, чувствительный.

В конце концов лучший друг запросил пощады.

— Хватит меня гонять без передышки! Я и так всё умею.

— В пути будет труднее, — озабоченно предупредил Хома.

— Труднее не будет, — не согласился Суслик. — Пора бы мне обучиться и долгому отдыху в будущем нелёгком пути. Я слышал, в походах бывают привалы — большие и малые. Начнём с больших, — и он сразу растянулся на травке. — Давай-ка учи!

— Этому ты и сам кого угодно научишь, — не поддался на уговоры Хома.

— Ты меня не очень хвали, а то я зазнаюсь, — капризничал Суслик. — По-моему, лучше пять привалов больших, чем один — маленький. Верно?

— Во-во! Будь твоя воля, ты вообще бы с постели не вставал, — рывком поднял его Хома.

И вот наступил, наконец, долгожданный день.

Взяли бродяги по крепкой дорожной палке. Повесили на них по узелку с харчами. И отправились в путь.

Верные друзья, Заяц и Ёж, не стали их отговаривать. Слишком хорошо они Хому знали.

— Красиво идут! — невольно залюбовался старина Ёж. Наверно, он всё-таки завидовал странникам.

И точно, Хома и Суслик шагали легко, дружно, в ногу. Утренний ветерок обдавал прохладой лица бродяг. И всё было так замечательно!

— Нас ожидают невероятные приключения! — воскликнул Хома, когда луг остался позади.

И точно. Приключения начались уже около ближней деревни. И скорее — вероятные, чем невероятные.

Сначала они еле удрали от какого-то большого и облезлого Кота.

— Тоже бродячий, — распознал Суслик. Затем с трудом убежали от злобной Собаки.

— Бродячая, — установил, отдышавшись, Суслик.

Потом чудом скрылись от разъярённого Быка.

— Бродит где попало! — возмущался Суслик. — Видал, у него кольцо в носу? Его за нос водят. Поэтому он много из себя и воображает!

Хома потерянно молчал. Такого начала странствий он никак не ожидал.

— Всё ты! — осудил бродягу Хому бродяга Суслик. — Только ходить учил, а убе-

гать не учил. Сейчас бы нам куда больше бег пригодился!

За деревней они вышли на широкую торную дорогу. Прямую, как их ручей, там, где он не кривой.

— Чудесная дорожка, — воспрянул духом Хома, — ровная, гладкая. Всю жизнь шагай, не устанешь!

Только он это сказал, как их чуть не раздавила огромная машина. К счастью, они оказались между колёсами. Она с рёвом прошла над ними. А затем исчезла вдаль, окутав бродяг клубами пыли.

— Здесь только ноги бить! Ох-ох-ох, — вздыхал Суслик, ковыляя за Хомой. Теперь уже по изрытой, бугристой обочине.

Но вскоре им снова довелось побегать. И во весь дух!

Лиса встретилась!

Чужая тощая Лиса гнала и гнала беглецов, пока не загнала их на топкое болото.

Там и пришлось устроить большой привал Хоме и Суслику. На двух крохотных кочках, напротив друг друга. Под надзором Лисы.

Сама она разлеглась поодаль на сухом берегу, не сводя с них голодного взгляда.

— Хитра, — проворчал Суслик. — Небось, как мы, в трясину не кинулась.

— Вот и радуйся! — в сердцах сказал Хома.

— Я и радуюсь...

Суслик умолк. Но, видать, той радости ему ненадолго хватило.

— Хочу домой, — внезапно прошептал он. — Домой хочу.

Хома сделал вид, что не слышит.

— Хо-чу до-мой, — раздельно повторил лучший друг.

— Всё, — рассердился Хома, — моё терпение лопнуло! Если ещё хоть раз про дом заикнёшься, — пригрозил он, — домой отправлю.

— Одного? — испугался Суслик.

— Одного я тебя отпустить не могу, — поспешно ска-

зал Хома. — Пропадёшь ты без меня по дороге.

Он был невероятно доволен тем, что Суслик сдался первым. Уже давно он подумывал о возвращении, но ждал, когда лучший друг не выдержит.

— Спасибо! — возликовал Суслик. — Вот спасибо!

— Тише, Лиса услышит.

— Знаешь, Хома, — вновь зашептал Суслик, — а всё-таки интересно по свету бродить.

— Интересно?

— А то как же! И самое интересное: про дом вовремя вспомнить и повернуть обратно.

— Вместе с чужой Лисой, — вдруг звонко засмеялся Хома. — Своей нам мало!

Суслик так и покотился со смеху. Но не с кочки.

Посмотрела с неприязнью чужая Лиса на весёлых бродяг. И поняла, что только время на них тратит. Тут плакать надо, а им смешно. Стало быть, преопытные босяки. Не по зубам ей добыча!

И немедля отправилась других бродяг искать. Поглупее.

А Хома и Суслик заспешили домой. Немного погодя, конечно. Через часок, другой.

Когда они, прихрамывая, возвратились в тот же день, дома их ждал торжественный приём!

Заяц-толстун и старина Ёж встретили бродяг с цветами. Тут же нарвали ромашек и вручили букет. Один. От двоих на двоих!

— Только ради этого и стоило уходить, — растрогался Хома. — Для такого и ног не жаль. Суслика, — как всегда, уточнил он.

— А всё-таки хорошо быть бродягой! — умилялся лучший друг.

Как Хома всех удивил

Если даже Суслик хотел прославиться, то Хома — тем более. И не ради какой-то Белочки. Ради себя самого! Чтобы все ахнули. И друзья, и враги.

Трудное это дело — возвеличиться. Летать он не может. Под водой жить не умеет. Невидимкой стать не дано.

Что же ему придумать? Чем же всех потрясти?..

Можно, конечно, во всеуслышание объявить, что он спас недавно — Царя кротов! От Зайца.

Было такое. Нашёл он тут одного нахального Крота. На месте преступления

застал — с ворованной морковкой. Может, то и Царь был. Забыл спросить. Слишком быстро он исчез. Но уж очень на Царя был похож. Пузатый, мордастый, рыло в пуху.

И вот, можно всех припугнуть, что если он, Хома, захочет, то вся роща под землю уйдёт! Вместе с Медвежьей берлогой. У Царя кротов — тысячи подданных. Так, мол, всё под землёй изроют — роща непременно провалится!

Сказать-то об этом легко, да никого пугать неохота. Паника начнётся! Побегут все куда глаза глядят, ненароком ещё и затопчут. Его самого. Хому.

Нет, не годится такое. Надо что-то попроще выбрать.

И вдруг вспомнил Хома про свою незабвенную тётушку. Она когда-то обмолвилась, что родная тётя её мамы была родом из Великих Лук.

Это местность где-то такая — Великие Луки. Вероятно, там когда-то великие

стрелки-лучники жили. А может, просто гигантский лук полей рос. То есть лук-порей.

Неважно. Главное, что звучит изумительно — Великие! А где Великие, там и Великий. Чуете? Вовремя он тётушку вспомнил.

И, недолго думая, Хома однажды, прямо с утра, объявил себя Великим. Был Хома, стал Великий Хома!

А что? Ну, усмехнутся вначале, решил он, затем постепенно привыкнут. Пройдёт время. Начнут поневоле считать: что-то великое в его жизни и вправду было. Дыма без огня не бывает. Так и останется он Великим. Навсегда!

И тому примеры имеются. Дали же Кабану прозвище «Пришлый». Все называют пришлым, хотя других кабанов в роще и нету.

Так вот, пришёл к Хоме утром Суслик.

— Здравствуй, Хома!

А он его мягко поправил:

— Не Хома, а Великий Хома.

— С чего бы это? — оторопел лучший друг.

Хотел ему Хома растолковать, что он, по своей пратётушке, родом из Великих Лук, но передумал. Приклеит вдруг Суслик кличку — «Великолукский»! Как тогда?..

Поэтому Хома гордо сказал:

— А что, мало подвигов я совершил?

— Смотря каких, — уклонился Суслик от прямого ответа.

— Всяких, — поскромничал Хома.

— Ну, если всяких, — рассмеялся Суслик, вспомнив былое, — то много. Как же! Помню, как ты зимой в проруби купался. И меня заставил. Обхохочешься!

— Я про великие подвиги говорю, — оскорбился Хома.

— Великих не помню, — забыл неблагодарный друг.

— А кто тебя и Зайца не раз от Лисы спасал? Кто?

— Да и мы тебя часто спасали, — беззаботно ответил Суслик. — Что тут такого? Обычное дело.

Попробуй убеди! Лучший друг, а не желает Великим называть.

А ведь он, Хома, не только по происхождению, но и по праву заслужил это высокое звание!

Неутомимый путешественник, непревзойдённый спасатель, несравненный выдумщик, невиданный изобретатель. Вдобавок, бывалый бродяга. И всё — он!

Да разве кому-то докажешь?

Все друзья воспротивились, когда Хома попросил их по-новому его называть.

— Извини, но не буду, — отказался Заяц-толстун. — Язык не поворачивается.

— От капустных кочерыжек опух? — усмехнулся Хома.

Заяц укоризненно взглянул на него и продолжил:

— Представь себе сам, крадётся к тебе Лиса. Что мне кричать прикажешь?

— Что-что! «Хома, беги!» — подсказал Хома.

— То-то! Пока я кричать буду: «Великий Хома, беги!», Лиса тебя сцапать успеет.

Хитёр Заяц. Сумел-таки вывернуться.

— Да и смешно как-то, — улыбнулся старина Ёж. — Великие ни от кого не бегают — от них все удирают.

А лучший друг Суслик ещё и добавил:

— Какой же ты великий, если ты меньше меня! — навязчивая у него идея.

— Выходит, по-твоему, только один лишь Медведь велик? — вскипел Хома.

— Медведь, понятно, велик. Вот какой! — высоко поднял лапу над его головой Суслик.

— При чём здесь рост? А большие дела, значит, не в счёт?

— Больших дел даже у муравьёв хватает. А вот роста у тебя до моего, — вовсю вытянулся Суслик, — не хватает.

— Настоящее величие, — напыщенно произнёс Хома, — необозримую тень на всех и вся набрасывает!

— Набрасывает или отбрасывает? — вдруг оживился Ёж.

— Ну, пусть отбрасывает, — величаво кивнул Хома. — Не всё ли равно.

— Тогда на свою тень погляди.

Посмотрел Хома на свою куцую тень и угрюмо замер.

— Может, ты и великий, да тень от тебя невелика, — благодушно фыркнул Ёж.

— Убедил... Вот теперь убедил, — сдался наконец Хома. — Как же я, глупец, сразу не увидел?!

— А всё-таки Хома велик, — неожиданно восхитился Ёж. — Я бы не смог. Ни за что бы не признался!

— И я не смог бы, — искренне поддакнул Суслик.

— И я, — кивнул Заяц-толстун.

— Да в чём я признался? — вскричал Великий Хома. — В чём?

— Только поистине великий может признать себя глупцом, — мудро сказал Ёж.

Вот так диво!

Никогда не угадаешь, где тебе удача улыбнётся.

Как Хома Сову облапошил

Надоело Хоме, что Суслик то и дело Сову перевозносит. Она, мол, мудрая, учёная, всё на свете знает. Когда-то на чердаке Академии в столице жила. Не чета иным умникам!

Не сдержался Хома:

— Да я с ней запросто потягаюсь!

— Куда тебе! — упорствовал Суслик.

— Проверим? — разошёлся Хома.

— Но только сейчас, днём, когда она не видит. Ночью её спрашивать опасно. И без спросу проглотит!

Пошли они в рощу.
Они уже ходили раньше к Сове. Знали, где та живёт. Встали под её деревом, постучали по стволу кулачками.

— Слушаю вас, — высу-
нулась она из дупла.

— Это я, Суслик. У нас тут с Хомой
новый спор: кто же больше всех знает, ты
или он?

— Нашли о чём спорить! Бесспорно —
я, — скрипуче рассмеялась Сова.

— Тогда скажи, — сра-
зу начал Хома, пока с
простого вопроса, — от-
куда кузнечики бе-
рутся?

— Из травы, —
мгновенно ответила
она.

— Всё точно, — по-
разился Суслик. —
Откуда ж ещё!

— Почему рыбы пла-
вают? — спросил Хома
Сову.

— Потому что хо-
дить не умеют, —
ухмыльнулась она.

— Какие птицы самые вороватые?
— Вороны и воробьи.
— Кому весь день лежать не лень? А ну-ка назови?

— Тюлень.

— У кого самый лучший нюх?

— У рыб!

— Верно, — нехотя подтвердил Хома. Это был его коронный вопрос. Ответ он от Выдры знал.

— А теперь я тебя спрашивать буду, — хохотнула Сова. — Что быстрее всего?

В небе послышался гул самолёта.

— Самолёт! — выдохнул Хома.

— С подсказкой — не считается, — строго заметила Сова. — Так... Скажи, отчего ты голодным бываешь?

— Оттого что проголодался.

— А обжора Суслик? — хихикнула Сова.

— Оттого что не наелся.

— За чем по утрам туман появляется?

— За ночью. А ты думала — чтобы легче прятаться? — усмехнулся Хома.

— Почему Лиса хитрая? — продолжала Сова.

— Рыжая она — вот почему!

— Правильно, — поддержал Хому справедливый Суслик. — Ты это давно открыл.

— Раньше неё, — возгордился Хома.

— И откуда ты, такой нахальный, взялся? — рассердилась Сова.

— Из норы! — крикнул Хома.

— Верно, — не сразу признала она.

— Моя очередь. Почему у Козла всего одна голова? Ну? — поторопил Хома Сову.

— Ему и одной-то много, — пробурчала она.

— А у Лошади?

— Иначе её не прокормишь.

— Точно, — вздохнул Хома.

— Знаешь, мы можем так до бесконечности всё выяснять.

Давай по-другому, — вдруг предложила Сова. — Попробуй

ответить на один лишь вопрос. Сообразишь — твоя победа. А

не докумекаешь — проиграл.

— Идёт, — настороженно согласился Хома.

— Кто умнее всех? — вытаращила она глаза.

— Умнее? — выгадывал он время для ответа.

— Считаю до трёх. Раз...

— Умнее всех? — пробормотал Хома.

— Два... — торжественно считала она.

— Сова! — закричал Хома. — Сова умнее всех!

— Твоя взяла, — после долгого молчания угрюмо сказала Сова. — Ночью мне лучше не попадайся!

И, зловеще ухнув, исчезла.

А Хома и Суслик вприпрыжку отправились домой. Лучший друг уже и забыл, что тоже с Хомой спорил.

— Не такая уж она, Сова, и умная, — весело говорил победитель. — Видал, как я её на лопатки уложил! Могла бы и возразить.

— А как?

— Сказала бы — хомяк.

— Да-а, — протянул лучший друг, — на это у неё ума не хватило.

— Ясно, не хватило.

— Постой, но выходит, ты её обманул?

— Она сама обманулась. Какая она после этого самая умная!

— А если бы она сказала, что хомяк — наиболее умный?

— Не сказала же!

— А всё-таки — кто? — совсем запутался Суслик.

— Хомяк, — подмигнул ему Хома. — Ты сам убедился,

Вот уже действительно.

Как Хома Еноту нос прищемил

Появился однажды в их местах незнакомый Енот. Везде ходил, что-то высматривал, всюду свой нос совал. Пока Хома ему нос не прищемил дверью, когда тот и к нему сунулся. Не так уж и сильно прижал. Для почина.

— Доволен? — отпустил Хома дверь. — Больно было?

— Больно, — засопел Енот. — Ты чего?..

— А ты чего лезешь без спроса? Заруби себе на носу, сначала постучать надо!

— Я думал, никого нету, — смутился Енот.

— Ещё лучше! Я гляжу, ты не промах. Заходи тогда, рассказывай, с чем пожаловал, для чего свой нос в мою нору протискивал.

— Потому и протискивал, — объяснил Енот. — Весь я в твою нору не могу пролезть. Узковата.

— Это у меня узковата? — возмутился Хома. — Зато со всеми удобствами, — похвалился он, — кладовочка имеется.

— Большая?

— Я сказал, кладовочка. Я не склад.

— С полками?

— Я же сказал, — повторил Хома, — кладовочка со всеми удобствами. С полками, значит.

— Сколько полок? — выпытывал Енот.

— Три. А тебе сколько нужно?

— Мне ничего не нужно. Я для других стараюсь, — важно произнёс Енот. — Меняется хочешь? Предлагаю нору побольше в другом районе.

— На Крайнем Севере? — усмехнулся Хома.

— Как ты узнал? — удивился Енот. — На севере. Но с дверью на юг, — торопливо добавил он. — Есть и другой обмен: на две совсем маленькие норы в разных районах.

— Я напололам разорваться не могу, — отказался Хома. — Я почему-то могу только в одной норе жить.

— Вторая нора — вместо дачи, — убеждал Енот. — В одной — живёшь, в другой — отдыхаешь. Решено?

Тут Хома понял, что от него никогда не избавишься.

— Я ещё подумаю. А нору мне лучше на юге подбери, с дверью на север.

— Подберу. — И Енот убрал свой нос из передней.

Выглянул наружу Хома. А Енот уже в нору к Суслику стучится.

«Плохо он Суслика знает. Его не проведёшь, — довольно подумал Хома. — Сейчас себе Медвежью берлогу потребует — в нашем районе!»

И Хома пошёл отдыхать. Он любил иногда подремать часок-другой перед обедом, чтобы потом отдохнуть по-настоящему —

перед ужином. Суслик не раз будил его и после ужина: «Вставай, Хома. Пора спать ложиться!»

На этот раз лучший друг повёл себя по-другому. До обеда разбудил.

— Знаешь, я свою нору меняю! — восторженно заявил он.

— Твою на мою? — зевнул Хома.

— Мою одну — на две равноценные!

— Угу, — буркнул Хома. — Твою одну на две равноценные мышиные норки.

— Да ты послушай, — заволновался Суслик. — Одна нора будет здесь поблизости, за ручьём. А другая...

— Чудесно! — насмешливо потёр ладошки Хома. — Ты ко мне в гости плавать будешь.

— Думаешь? — засомневался лучший друг.

— Я-то думаю, — вскипел Хома, — да ты не думаешь! А берлогу тебе на обмен не предлагали? — неожиданно засмеялся он.

— Предлагали...

— И что?

— Отказался, — приуныл лучший друг.

— Напрасно-напрасно. Соглашайся. Берлога — большая, просторная, высокая. Входи кто хочешь! Даже Волка с Лисой принять не стыдно. Не то что твой закуток, в него и Заяц не пролезет!

— Правильно я отказался, — повеселел Суслик.

— На это он и рассчитывал.

— Кто?

— Енот-обменщик. Тьфу! Обманщик, — поправился Хома. — Ну, я ему!..

— Он ещё и к Заяцу пошёл, — виновато сказал Суслик.

У Заяца они Енота уже не застали. Слишком занятой.

Оказалось, обменщику очень приглянулась Зайцева нора. Бывшая Барсучья. Не нора — хоромы!

— Он говорил, что готов для себя её выменять, — гордо сообщил Заяц.

— И ты сразу согласился? — подтрунивал Хома. — Прямо с разбегу?

— Не сразу. И без разбега, — поджал губы Заяц. — Енот предложил мне точно такую же нору — за лесом. На солнечной стороне, и с доплатой.

— С кого доплата, с тебя?

— Конечно, с него.

— А какая доплата? — деловито спросил Хома.

— Воз капусты! — выпалил Заяц.

— И всё?

— И воз морковок! — зажмурился от удовольствия Заяц.

— Ясно. Воз капусты — в одном районе, воз морковок — в другом. И все эти возы муравьи на себе привезут. Да?

— Не знаю, — пролепетал Заяц, чувствуя неладное. — Я не спрашивал.

— А нору, что за лесом, — разошёлся Хома, — он тебе с видом на капустное поле предлагал? Или с видом на сладкие морковные грядки?

— На морковные, — мрачно ответил Заяц.

— Что-то сахара в твоём голосе не чую. Куда пошёл Енот?

— Куда? — свирепо поддакнул Суслик.

— К Ежу...

— Ну, старину-то Ежа не обманешь, — приободрился Хома. — Я спокоен.

У него они так же не застали Енота. Очень деловой. Дальше побежал.

Напрасно Хома был так уверен в Еже.

Как известно, старина Ёж обитал в удобной пещерке — на склоне холма. В чудесном месте, с прекрасным видом на далёкую нору Хома. А этот оборотистый Енот сманил Ежа на переезд — вернее, на переход — куда-то за гору. В другую пещерку, поменьше. Зато с аппетитным видом на грибную поляну.

— И ты тоже согласие дал? — негодовал Хома.

— Он вдобавок и заботливый уход предложил, — потупился Ёж.

— Какой уход? На тот свет?

— Не какой, а за кем. За мной уход, за старым, больным Ёжом, — расчувствовался старина Ёж.

— И ты поверил?

— Не каждый день предлагают такое, — оправдывался Ёж. — Мне так в первый раз. Выгодный обмен.

— Не обмен, а обман! — взвился Хома.

И правда сплошное надувательство.

Даже самого Медведя Ёнот обдурил. Он посулил ему шикарную берлогу в охраняемом Заповеднике. Около пасеки. И с изумитель-

ным видом — на егеря с ружьём.

Жаль, что Хома нигде обманщика не настиг. Уж больно пряткий!

— Обещал завтра утром зайти, — весело сказал Медведь. И принялся увязывать огромные узлы.

Напрасно доказывал Хома, что бесплатного мёда не бывает. Медведь был упрямым, как... медведь.

— Не мешай в дорогу собираться, — и весь сказ.

У кого только шустрый Енот не побывал! Кому чего только не предлагал!..

Слава Богу, проницательный доктор Дятел оказался на высоте.

Енот предложил ему соблазнительный обмен: дупло поглубже на сосне повыше.

И Дятел не поленился слетать в те края, что ему расхва-

ливали. Но там вместо сосновой рощи было гнилое болото. С необозримым видом на трясиину!

Башковитый Дятел и образумил Медведя. Да и всех других ротозеев.

— Меня? Надули? — разъярился Медведь. — Меня, который... — Он осёкся и потёр лоб. — А может, Енот успел ту рощу на то болото сменить?.. Чёрт знает, что в голову лезет!

На что же всё-таки рассчитывал Енот? Секретная тайна. А впрочем, не такая уж и секретная.

Если у него и было что-то для обмена в других местах, то, наверно, и там он всем голову заморочил. Непременно, пошли бы потом ссоры, свары и споры! А он на этой сумятице и погрел бы руки. Глядишь, и лишняя нора тоже бы ему перепала.

Во всяком случае, любую доплату к загребущим лапам прибрал бы. Воз не воз, а всё-таки: капусту, морковь, орешки.

Но сколько верёвочка не вьётся, всё равно конец будет.

Наутро Медведь приготовил Еноту достойную встречу.

Как только Енот перешагнул порог, Медведь крепко ухватил его за шиворот. Перекинул через колено. И взмахнул лапой.

— А-а-а-а-а! — донеслось из берлоги, у которой вмиг собрались все обманутые норовладельцы и дупложители.

С неизъяснимой отрадой они внимали торжественной порке.

— Енот, да не тот! — басовито приговаривал Медведь, отпуская увесистые шлепки. — Енот, да не тот!

— Я больше не бу-у-ду, — голосил Енот на всю рощу. — Не бу-у-ду больше...

И честно сдержал своё слово. Больше не появлялся.

Но если б не Хома с Дятлом, неизвестно чем бы всё кончилось.

Ещё тот Енот!

Как Хома и Суслик Дикобразу помогли

Повадились Хома и Суслик на кукурузное поле шастать, когда початки поспе-
ли. По ночам, конечно, ходили. При луне.

И встретили там однажды необыкновенного зверя. Незнакомец очень походил на ежа. Но такого здорового, каких и в природе не бывает!

Весь, с головы до ног, в серебристых иглах. И все иглы во много раз длинней ежиных!

Хома и Суслик прямо-таки обомлели.

А незнакомец, тихо фыркая, грыз себе спокойно початок.

— Ты кто? — несмело спросил Хома.

— Я? Дикобраз. Что, не похож? — усмехнулся колючий ёж-великан.

— Слышал, слышал, — оживился Хома, — но никак не думал, что увижу! — И обернулся к Суслику. — Дикобразы в Средней Азии водятся. Помнишь, старина Ёж нам рассказывал?

— Теперь вспомнил, — прошептал лучший друг. — И откуда он только свалился?

— Я с поезда свалился, — услышал Дикобраз. — Взял и сбежал из Передвижного Зверинца.

— Понял. Как наш Медведь, — весело кивнул Хома. — Он когда-то из такого же зверинца удрал, прямо из вагона. Его тоже повсюду возили и показывали.

— Ему, я думаю, легче. Он тут у себя живёт, — уныло вздохнул Дикобраз. — А мои края, ох, как далеко!..

— Не горюй, что-нибудь да придумаем, — Хома никогда не унывал. — Мы тебя к нашему Ежу отведём. Он старый, знающий.

— Ну до чего же большой! — присвистнул Суслик, продолжая таращиться на Дикобраза.

— Да уж не маленький, — важно сказал тот. — Длина тела — семьдесят, а хвоста — десять сантиметров. Вес — пятнадцать килограммов.

— Ты что, сам себя измерял и взвешивал? — удивился Хома.

— Так на моей табличке было написано. И ещё: «Имя — Дик. Родом из Казахстана».

— Хома-хомяк. Родом отсюда, — поклонился Хома, не рискуя протянуть ему лапу. — А это мой лучший друг Суслик. Приятно познакомиться!

— И мне, — поклонился Суслик.

— Мне тоже, — вежливо наклонил голову Дик.

— А вы, дикобразы, вообще-то где живёте? — деловито спросил Хома.

— В поезде, — ответил за Дика Суслик. — Не слышал?

— Я спросил, где они на воле живут?

— В норах, — с достоинством сказал Дик.

— Как и мы, — обрадовался Хома. — Ты не переживай. Мы тебе отличную нору откопаем!

— Я уже выкопал.

— Где?

— Да здесь, на поле. Удобно. Не надо далеко за едой ходить.

— До чего же умный! — опять восхищённо присвистнул Суслик.

— А зимой дикобразы спят? — разбирало Хому любопытство. — Всю зиму?

— В зимнюю спячку не погружаемся, — грустно произнёс Дик. — Днём дремлем. Выходим, как и сейчас, только ночью. У нас ночной образ жизни.

— А что зимой едите?

— Кору, сухие сорняки, — поморщился Дик.

— Не густо, — искренне посочувствовал Хома.

Долго бы они беседовали обо всём на свете, если б не Волк.

Шляется по ночам серый, добычу ищет!

Волк с ходу бросился к Дикю.

Наверняка и он никогда не встречал дикобразов. Видать, принял иглы за шерсть, вставшую дыбом от страха.

И тут случилось невиданное. Дик выстрелил в него своими иглами!

— А-а-а! — взвыл усеянный стрелами Волк. И кинулся прочь.

— Волки у нас тоже водятся, — невозмутимо сообщил Дик, когда перепуганные друзья вернулись из зарослей. — А лихо вы драпанули!

— Наше дело такое, — смутился Хома.

— Шучу, — улыбнулся Дик.

— А как это ты стреляешь?

— Я не стреляю, — фыркнул Дик. — Я так быстро наскокиваю, что иглы мигом вонзаются во врага. И так же мигом отскокиваю.

— А иглы?

— Иглы остаются у врага, — засмеялся Дик.

— Ха-ха-ха! А со стороны кажется — ты стреляешь.

— Стреляет-стреляет, — убеждённо заявил Суслик. — Опять шутит.

— Хочешь, он и с тобою пошутит? — насмешливо спросил Хома.

— А разве я сказал, что стреляет? — шмыгнул носом Суслик. — Я говорил: будто стреляет! Так мы идём к Ежу или нет? — отвлёк он внимание на другое.

Встреча Ежа с Дикобразом была трогательной. Они потрогали друг у друга иглы и похвалили их остро-ту. Обняться они так и не решились.

В лунном свете маленький старина Ёж был похож на сынка большого Дика. И забавно семенил за ним мелкими шажками.

После серьёзных расспросов Ёж заявил, что Дик у здесь делать нечего. Несмотря на новую удобную нору на замечательном кукуруз-

ном поле. Рано или поздно, но заявятся уборочные машины и с поля придётся уйти.

— Да и климат у нас для Дика неподходящий. Его надо в родные края отправить. Где родился, там и сгодился!

— Правильно, — охотно согласился Дикобраз.

— Хома и Суслик тебе плот сделают. Большой, камышовый, — продолжал Ёж. — И ты поплывёшь вниз по ручью.

— А дальше? — Дик приятно пошелестел иглами.

— Дальше будет река.

По ней ты доберешься до Волги.

— Нам бобры говорили про Волгу, — припомнил Хома.

— И снова поплывёшь. А когда попадёшь в низовья Волги, там уже и пешочком дойдёшь до своего Казахстана, — закончил Ёж.

— Хорошо географию знаешь! — позавидовал Суслик.

Старина Ёж гордо задрал нос.

— Мне этот план нравится, — одобрил Дик. — Обязательно доберусь.

— Я же говорил, что-нибудь придумаем, — ликовал Хома. — И вот, пожалуйста!

Прямо с утра началась работа.

Плот был сделан быстро — всего за день, к вечеру. Ведь

можно было вязать камыш непрерывно. Открыто, не прячась. Под надёжной охраной дикобраза Дика, дремавшего на берегу.

И хотя иногда и оказывались то Лиса, то Коршун, а то и Медведь — все они благоразумно держались подальше. Верно, уже были наслышаны, как метко стреляет удивительный незнакомец. Страшными иглами!

Волк вообще не появлялся. Ему хватило и первой встречи.

Странно, что бывший затворник Медведь был так удивлён. А впрочем, редкий Передвижной Зверинец может похвастаться дикобразами.

Ну, да не в этом главное.

Плот вышел на славу! На нём нашлось место и для груды кукурузных початков. Ёж постарался, натаскал Дику в дорогу.

Стемнело. Зажглись звёзды, засияла луна.

— Что бы я делал, если бы мы не встретились! — сказал на прощание Дик.

— Куда бы ты делся, друг колючий? — рассмеялся Хома.

— Удачи вам! — И Дик взмахнул шестом.

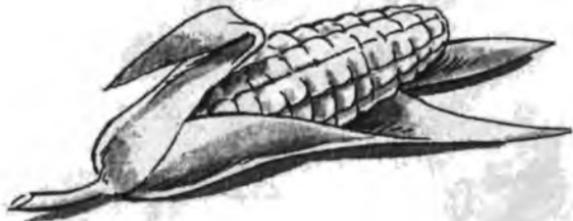

— Тебе удачи! — хором откликнулись Хома, Суслик и Ёж.

— Думаете, доплывёт? — переживал Суслик.

— Непременно, — не сомневался Хома. — Уж он-то за себя постоять сможет!

— Да и свет не без добрых зверей, — с хитринкой добавил Ёж.

Как Суслик всех обыграл

Привыкли друзья вечерами у Зайца собираться. У него просторно. Не настолько, конечно, чтобы в прятки играть. Но всё-таки.

Да и сам Заяц-толстун ни в какую другую нору не вмещался. Скучно ему сидеть в гостях у друзей — не в норе, а снаружи. Тоже хочется со всеми повеселиться.

Потому и приглашал он к себе Хому, Ежа и Суслика. Каждый вечер.

Обычно заводилою Хома был. Но однажды Суслик, лучший друг, отличился.

— Давайте дурачиться, — предложил он.

— А мы что делаем? — удивился Хома.

— Мы понарошку, а надо все-рьез в глупости поиграть.

— Как? — спросил Заяц.

— Это очень умная игра. Выигрывает тот, кто самую большую глупость скажет.

— Глупости, — буркнул Ёж.

— Сам эту игру придумал? — покосился на Суслика Хома.

— Сам, — гордо ответил тот.

— Оно и видно.

— Тогда поумнее придумайте, — обиделся Суслик.

— Да погодите, — подержал его Заяц-толстун. — А по-мо-ему, интересно.

— Неинтересно, — отрезал Хома. — Суслик всех победит.

— А ты заранее не сдавайся. В том-то и весь интерес: не дать ему выиграть, — растолковал Заяц.

Суслик только глазами хлопал, не зная радоваться или огорчаться такой поддержке.

— Ну, если так, тогда попробуем, — оживился Хома. — А кто решать будет, чья глупость глупее всех?

— Сообща решим.

— Вот вам другая глупость, — проворчал Ёж. — Сообща... Каждый свою глупость отстаивать будет. Я не играю, — отказался он.

— Ладно. Сами не решим, у тебя спросим, — азартно заявил Суслик. — Нечего время терять. Начали!

Стал Хома думать, что бы такое глупое ляпнуть. Но как назло в голову лезли лишь умные мысли.

И с другими игроками, видать, то же самое творилось. Умное.

Оказалось, до чего же трудно глупость сказать!

Целый час сидели, молчали. Друг на дружку смотрели. С умным видом.

Не выдержал Хома:
— Только, чур, не за-
считывать. Мы не так де-
лаем. Пусть лучше
каждый самое ум-
ное скажет. И у ко-
го получится глу-
пее, чем у других,
тот и будет самым глу-
пым.

— Хома прав, — под-
твердил Заяц-толстун. —
Никто не станет самое
глупое для себя же приду-
мывать.

— А вот умное — тут любой готов! —
поддакнул Суслик.

Начали об умном думать. Сразу в голову
глупые мысли полезли. Одна глупее дру-
гой.

Сидели, молчали. Друг на друга смотре-
ли — с глупым видом.

Теперь Заяц не вытерпел.

— А давайте по-другому: ни умное, ни
глупое, а просто так. Пусть каждый что
угодно скажет, а уж потом разберёмся —
глупо это или умно.

Снова согласились.

Стали о чём угодно думать. В голову во-
обще ничего не приходило. Как нарочно.

Сидели, молчали. Друг на друга бессмысленно глядели.

Ну надо же, ничего путного не получается. Ни умного, ни глупого, никакого.

— Да ну вас! — в сердцах сказал Суслик. — Я вам такую интересную игру предложил, а вы не играете.

Хома и Заяц сразу облегчённо вздохнули. И благодарно пожали лапу ошеломлённому Суслику.

— Твоя взяла, — разомкнул уста вещий Ёж. — Бесспорно! Остальным и пытаться нечего.

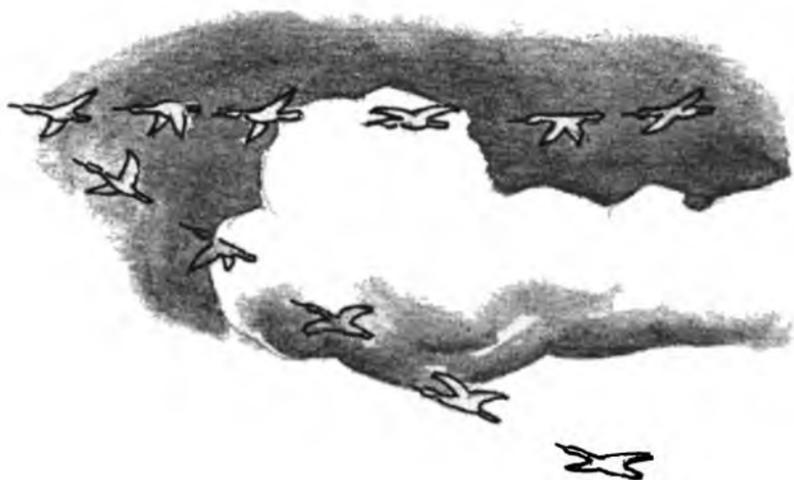
— Говорил же, Суслик выиграет, — весело напомнил Хома.

— А почему?.. — пролепетал Суслик. — Что я такого сказал?

До сих пор не знает Суслик, хорошо это или плохо, что он победил.

Гиблое дело.

Как Хома листьями любовался

Любил Хома на листья смотреть. Они, на самом деле, живые. Ночью спят, утром просыпаются. То шумят, то затихают. В страхе трепещут. О чём-то беспокоятся. Бормочут, шепчут. Ветром возмущаются. Грозы боятся. От дождя сникают. Солнышку радуются.

Уж очень они непоседливые. На месте им не сидится. Поэтому, наверно, и к дере-

вьям привязаны. А не то бы давно убежали.

Только осенью деревья их опускают. Бросают на ветер. И уж тогда листики навёрстывают своё. В небе проворно кружатся и по земле наперегонки бегают.

Угомонятся и лежат, отдыхают.

«Тише, тише, тише», — шуршат листья.

А до чего красивы!.. На каждом листике прожилки узорные, это дерево прори-

совано. Будто маленький его отпечаток на листике.

У разных деревьев — свои листья, особые. Разве спутаешь гордый кленовый лист с незатейным берёзовым?

И у любого дерева все его листики — тоже разные. Хома проверял, сравнивал, накладывая один на другой. Даже двух, во всём одинаковых, не нашёл. Не совпадают

полностью. Хотя и видно, что они одного рода-племени.

До чего же всегда приятно на листья смотреть! А уж осенью, в листопад, особенно. И бледно-желтые, и темно-жёлтые, и зеленовато-жёлтые, и пятнисто-жёлтые и жёлто-коричневые. А ещё и красные, и багровые листья...

Шапки осин так и полыхают пламенем!

А вот берёзка стоит, вся в бесчисленных золотых листиках. Тронет ветер, и шумно польётся, потечёт листва...

— Почему осенью листья желтеют? — спросил как-то Хома друзей.

— Не знаю, — задумался Суслик. — Наверно, к дождям. Зарядят скоро.

А Заяц-толстун сказал:

— Когда они жёлтые, они слетают лучше. В них зарыться можно, спрятаться. И сильно шуршат под ногами, далеко Лису слышно.

— Никому не известно, почему литья — жёлтые, — ответил старина Ёж. — Сам давно голову ломаю.

— А всё-таки? — настаивал Хома.

— Что ж, деревьям и покрасоваться нельзя напоследок? — фыркнул Ёж.

А Суслик его поддержал:

— Осенью лужи повсюду, вот они в них на себя и любуются.

— Ты на себя полюбуйся в луже, — посоветовал Хома.

Ничего он толком не узнал у друзей. Пришлось к недругам обратиться. Издали.

— Отчего листья жёлтые? Мне подражают, — горделиво сказала рыжая Лиса. — Осенью среди них я самая золотая!

— От жадности они

жёлтые, — проворчал Волк. — Много солнца за лето нахватали. Линяют!

Кабан тоже имел своё мнение:

— Они мне назло пожелтели.

Я из-за них спелые жёлуди не могу разглядеть на земле. В глазах рябит!

Медведь же благодушно промолвил:

— Берлогу завалит листьями, мне зимой теплее.

— Это ты о другом, — возразил Хома. — Ты ответил, для чего листья падают. А я спрашивал, почему они жёлтые.

— Тупой, что ли? — рассердился Медведь. — Они оттого и падают, что жёлтые. Зелёные, небось, не падают.

Столько разных ответов, а всё не то.

И так стало грустно Хоме, что он сразу всё понял. Без всякой подсказки.

Листья от грусти жёлтые. Лето прошло. Прошло, убежало лето. Вместе с листьями.

Даже плакать хочется, но и без того всё сыро вокруг.

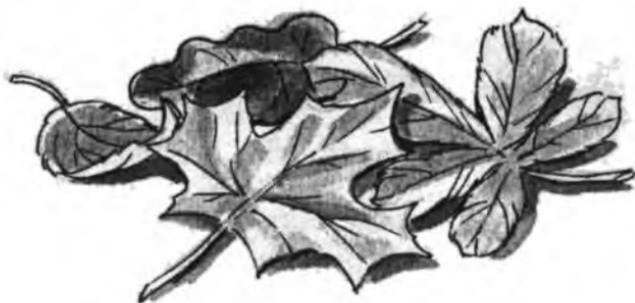
Жёлтый цвет — к разлуке. Лето прошло. А почему тогда все ёл-

ки и сосны зелёные? Неужели... Неужели
хотят Новый год красиво встретить?!

И Хома грустит вновь.

— По-моему, ты тоже жёлтеешь? —
приглядывался к нему Суслик.

ЧУДЕСНОЕ ДЕРЕВО ХОМЫ И СУСЛИКА

Как Хома Кукушку образумил

Не любил хомяк Хома Кукушку за то, что она свои яйца в чужие гнёзда подкладывает.

— Представь, — сказал он однажды Суслику, — тебя бы крохотным в чужое мышиное гнездо подкинули.

— Ужас! — содрогнулся Суслик.

— И я говорю — ужас. Кем бы ты вырос?

— Я бы не вырос. Сразу бы съели меня, невыросшего.

— Тем более! — возмущался Хома. — Разве можно так делать?

— Нельзя. Нельзя меня к мышам подкидывать, — согласился Суслик.

— Я не о том, — отмахнулся Хома. — При чём здесь ты? Я о Кукушке.

— Ну, если ты о Кукушке, то и придумай, что с нею делать.

— А почему я? Мне больше всех нужно?

— Тебе — да. Больше всех. По-моему, ты без этого не можешь, — Суслик бывал иногда прозорливым.

— Пожалуй, ты прав. — И Хома скрестил на груди лапы. — Займусь этим делом.

Пошёл он Кукушку искать. А попробуй найди!

Хома с ног сбился. Даже обидно. Если разобраться, он ей куда нужнее, чем она ему.

Жалко её. О ком дурная слава идёт? О ней, бедной. Кого все птицы не любят? Её,

несчастную. А она, нате вам, где-то шляется в то самое время, когда он, Хома, решил ей помочь.

В конце концов разыскал Хома Кукушку. Она Дятлу в дупло своё яйцо подкладывала.

— А Коршуну не пробовала? — вежливо поинтересовался Хома.

— Пробовала, — нахально ответила она.

— Рассказывай! — усмехнулся Хома. — Спускайся сюда, потолкуем. Да поживей, а не то вдруг Дятел вернётся. Я тебе такое скажу!..

Кукушка была страсть какой любопытной. Она мигом слетела вниз.

— Ну, говори!

— Сколько ещё яиц не пристроила? — небрежно спросил он.

— Одно, — похвасталась она.

— И долго ты собираешься вот так, кукушкой, жить?

— Как? — притворилась она бестолковой. Хотя и без того было видно, что она птица-тупица.

— А вот так! — передразнил Хома.

И давай её стыдить, увещевать, совестить. И даже позорить!

— Я думала, ты и впрямь что-то путное скажешь, — разочарованно заметила Кукушка. — Как хочу, так и живу. Мне так удобно.

Тут-то Хома и нащупал у неё слабину. Удобно, говорит? А значит, выгодно. Надо, стало быть, на выгоду напирать. Большую выгоду!

— Удобно-то, может, и удобно, — как бы согласился он, — да только временно.

— Мне всегда удобно, — беззаботно заявила она.

— Но не всегда выгодно. Ох, как невыгодно! — сокрушённо покачал он головой.

— Невыгодно? — изумилась она. — Ну-ка, ну-ка?..

— Посуди сама. Что с тобой в старости будет? Мрак да и только! Состаришься, некому будет и воды подать. Тебе. Детей-то у тебя нет!

— Как — нет?

— Все твои дети-подкидыши станут о других заботиться. О приёмных мамашах, а не о своей, родной.

— Произвол! — всполошилась она. — В конце концов я сама мамашка! У меня детей видимо-невидимо! Я буду жаловаться, я до Медведя дойду! Я всех на ноги подыму и на колени поставлю!

— На старости лет? Скорее сама ноги протянешь и крылья уронишь. Это сейчас ты такая шустрая. А там болезни нагрянут, пух и перья повылазят. А некому будет и водички тебе подать, — заладил Хома.

— Что же делать? — притихла она.

— Дорогу домой знаешь? — деловито спросил Хома.

— Знаю, — очумело подтвердила она.

— Вот и лети скорее домой — пёрышко тебе в хвост! Последнего птенца высиди-вай. Сама, — процедил Хома.

— Лечу, — стремительно сорвалась она с места.

С этого дня слава о Кукушке-мамашке по всем окрестностям прокатилась.

Из дальних лесов прилетели птицы, чтобы на неё взглянуть.

Диво дивное! Кукушка птенца высидивает!

А та совсем возгордилась.

— Чего глазете? Кукушку на яйце не видели?!

— Не видели, — хором отвечали ей.

— То-то же! Нынче дур нету, чтобы на сторону детей отдавать, — самодовольно вещала она. — У меня такой сынок — а

лучше, дочка! — вырастет, всем вашим не чета. Добрая, заботливая. Будет мне в старости водичку подавать!

Глядя на неё, все только ахали и охали. А иные птицы даже в обморок падали, думая, что наступил конец света.

Вслед за Кукушкой и Хома возгордился. Не каждому дано кукушек вразумлять.

Но всё испортил старина Ёж. Вечно вмешивается. Неймётся ему.

— Доволен? — спросил он как-то Хому.

— Очень! — Хома от восторга даже подпрыгнул.

— Ты ещё выше подпрыгнешь, когда птенец вылупится и с голоду погибнет, — остудил его пыл старина

Ёж. — Она же забывчивая, беспамятная и ленивая!

— Похлеще Суслика?

— Куда там! Полетит пиццу искать и всё на свете забудет.

— Что же делать? — притих Хома. Как недавно Кукушка.

— Отыгрывай обратно, — усмехнулся Ёж. — И помни, каждому своё на роду написано.

Делать нечего. Пришлось Хоме снова к ней, Кукушке, идти.

А она, нахохлившись, сидит на яйце и глазами сверкает. То ли от гордости, то ли от голода.

— Устала? — заботливо спросил Хома.

— Не говори, — как своему пожаловалась она. — Замучилась. Может, водички мне принесёшь?

— Дочка тебе принесёт, — вежливо ответил ей Хома. — В старости.

— До старости ещё дожить надо, — вздохнула она. — Чувствую, не доживу.

— Ладно. Можешь не высиживать, — великодушно разрешил Хома. — Чего сидишь? Подкинь яйцо соседям — и свободна!

— Так ты же говорил... — удивлённо начала Кукушка.

— Мало ли что я говорил! — оборвал её Хома. — А теперь тебя жалко.

— А кто мне воды в старости подаст? — колебалась она.

— Так и быть, я подам, — вздохнул Хома. — Или Суслик, — поспешно добавил он.

— Благодетель ты мой! — вскричала Кукушка.

— Запомни, и Суслик — благодетель, — снова торопливо подсказал Хома.

— Век не забуду! — радостно воскликнула она.

Когда Суслик узнал об этом, он не поверил ушам своим.

— Выходит, и я ей в старости буду водичку подавать?!

— Чудак ты! К тому времени и мы, может быть, состаримся.

— Ну? — слегка приободрился лучший друг. — Значит, она станет нам подавать?..

— Никто никому подавать не будет, — уверенно заявил Хома. — Не волнуйся. Мы с тобой до старости не доживём. Уж больно жизнь страшна вокруг. Лиса, Коршун, Волк! Сова тоже не дремлет.

— До чего же мы везучие! — просиял Суслик. — Погоди, — опомнился он, — ты же сказал, что и мы состаримся.

— Я сказал — может быть. Но думаю — быть не может.

— Но всё-таки?

— А это у Кукушки надо спросить, сколько лет мы ещё проживём.

— Не надо, — испуганно сказал Суслик. — Вдруг она по сто лет нам на радостях накукует!

Как Хома в корень смотрел

Что ни говори, а Хома был особенным хомяком. У него было столько всяких увлечений! Сколько? Много.

Вдруг он увлёкся собирательством необычных древесных корней. В основном — очень маленьких корней.

Попадались ему, само собой, и большие необыкновенные корни. И здоровенные пни. Но их никак с собой не унесёшь. И не укаатишь. Поэтому он оставлял их на месте. Не трогал до поры до времени.

Он был спокоен за большие находки. Если уж он не уволок, то другие и подавно не утащат. Кому они, кроме него, нужны?!

Удивительные находил он корни. Кого они только не напоминали! Суслика, Ежа, Зайца, Кабана, Волка... А то и Медведя.

Конечно, полностью на кого-то похожий корень редко встречался. Но ведь и подправить можно. Где-то обломить, где-то изогнуть. И готово.

Чудесное занятие, кто в этом понимает! А Хома понимал. Непревзойдённый ваятель!

Суслик отнёсся к новому увлечению Хома неодобрительно.

— Всю нору захламил! Хорошо, что ты маленькие корни собираешь. А то я недавно в овраге упавший дуб видел — вот с та-

кими корнями! Принести? — невинно заметил он.

— Отстань, — проворчал Хома. — Я его прямо там обработаю, если он на что-то похож.

— Он на дерево похож, — развеселился Суслик. — Лежащее.

И пусть себе лежит. Не понимает Суслик, что так даже лучше. Если корни преобразить прямо на месте, то потом можно всем показать. А на маленькие интересные находки могут лишь друзья поглядеть. Да и то лишь в норе. Такое вот открытие сделал Хома, давно присматриваясь к разным большим корням.

В конце концов дошла и до них очередь.

Вскоре по всей роще появились самые причудливые фигуры зверей и птиц!

И наступила нетерпеливая пора открыть всем глаза. А заодно и гордо признаться, кто всё это придумал.

Но сначала надо было позаботиться о безопасности зрителей. Разве ту же Лису заинтересует какой-то корень в виде Зайца, когда рядом живой образец?!

Пришлось договориться с Медведем. Он был невероятно любопытным. И сразу поклялся, что никто никого и когтем не тронет. А иначе любому несдобровать. Уж он, Медведь, об этом позаботится!

И вот в погожий, солнечный денёк Хома, наконец, объявил вездесущим сорокам об открытии Выставки. И те об этом повсюду протрещали.

Однако друзья Хома наотрез отказались пойти. Зря он старался, Медведя просил. Они и так кое-что видели. Хома нет-нет да и показывал им в роще свои работы. А лишний раз, несмотря на Медвежью услугу, друзья рисковать не хотели.

Получилось, что на защиту Медведя мог рассчитывать только сам Хома.

Собралась внушительная компания ценителей: Лиса, Волк, Кабан и Медведь.

Больше никто не пришёл — опасно всё-таки.

Повёл Хома их по роще, показывая свои произведения. Ну, не совсем свои, а можно сказать, вместе с Природой сделанные. Напополам.

Важные особы равнодушно осмотрели занятные фигуры Суслика, Зайца и Ежа.

— Совершенно не похож, — пренебрежительно сказала Лиса о Зайце. — И даже издали пахнет не Зайцем, а берёзой.

— Так он же из берёзового корня сделан, — попытался растолковать Хома. — Вблизи погляди.

— Оно и видно, — разочарованно заметила Лиса. — Лучше бы ты настоящего Зайца показал. Вблизи, — уточнила она.

Что и предчувствовал Хома накануне показа.

Недаром он к Медведю ходил. А впрочем, всё равно друзья не явились. Ума хватило.

Но уж совсем по-иному восприняли ценители другие изображения. Свои собственные.

— Какой же это Волк? — оскорбился Волк, внимательно изучая зубастую фигуру лесного хищника.

И давай по мелочам придирается:

— Взгляните на лапу! Разве это лапа? А пальцы?.. Вот этот — какой палец?

— Указательный, — ответил Хома.

— А почему он вытянут?

— Указательный палец всегда на что-то указывает.

— А это что за палец?

— Безымянный. Без имени, значит.

— А почему он у тебя без имени? — нахмурился Волк.

— Так называется.

— Угу, не знаешь. А вон тот какой? — сердито спросил Волк.

Забыл Хома. А может, и вовсе не знал. Да и не только он.

— Носательный, — нашёлся он.

— Какой-какой? — оторопел Волк.

— Носательный. Для того, чтобы нос чесать.

— Ну, этот слегка похож, — снизошёл до похвалы Волк. — А следующий? Рядом с мизинцем?

— Рядом с мизинцем?.. Щекотательный! — вновь вывернулся Хома. — Им щекочут.

— Не верю, — буркнул Волк.

— А по-моему, щекотательный палец удачно вышел, — приглядывался Медведь.

— Да разве этим пальцем щекочут? — раздражённо взвыл Волк.

— Хочешь, я тебя этим пальцем пощечочу? — весело предложил Медведь. — Тогда и узнаем.

— Верю. Теперь верю, — поспешно сказал Волк. — Зато вот большой палец никуда не годен. Он у меня больше!

— Волк прав, — строго взглянул на Хома Медведь. — Большой палец не удался.

— Переделаю, — с готовностью кивнул ваятель Хома.

Затем перешли к фигуре Лисы. Чудесный корень попался Хоме. С плавным хвостатым извивом. Загляденье!

— Просто насмешка! — взвизгнула Лиса. — И узнать меня невозможно!

— А как же ты узнала? — усмехнулся Хома. — Я ещё ничего не сказал.

— Ах не сказал! — расплилась она. — Что я, деревянных намёков не понимаю?

И пошло-поехало!..

— В жизни я гораздо красивее! — кричала она. — Где мой прекрасный цвет? Где мой драгоценный мех? Где мои обворожительные глазки?..

Ладно Лиса, а вот Кабан, увидев своего двойника, чуть не разнёс его клыками в

щепки. И уже зловеще приглядывался к самому ваятелю.

Наконец перешли к последней фигуре.

— Медведь сидящий, — несмело указал Хома на огромный пень с растопыренными корнями.

Честно говоря, именно фигура Медведя не удалась Хоме. Медведь почему-то смахивал на местного пастуха. Ну, тут уж такой пень достался. При чём здесь Хома?

Он лишь подправил Природу.

И вдруг...

Никогда не знаешь, где повезёт.

— Гениально! — прогудел Медведь.

Медведю чрезвычайно понравились очки из ивовых прутиков на носу фигуры. Он посчитал, что очки придают ему необыкновенно солидный вид.

— Гениально! — повторил он. — Вылитый я на отдыхе.

Если бы не Медведь, не миновать бы Хоме расправы после Выставки. Другие це-

нителю готовы были его на клочки разорвать.

Медведь в сопровождении свиты самостоятельно проводил Хому домой. И попрощался с ним у норы, уважительно протянув на прощание «щекотательный» палец.

— Сам — маленький, а талант — большой! — восторженно произнёс Медведь. — Несравненный воятель, от него даже Волк воет. Защечательный корневед и любопень. Зрит в корень! Как вы считаете? — обернулся он к молчаливой свите. — Ну? — прикрикнул он.

— Зрит-зрит, — быстро согласилась Лиса, — и в корень, и в пень, и в колоду.

— Свой в доску, — неохотно вымолвил Волк.

Тяжела судьба художника. А ваятеля-
ваятеля тем более.

Из всех фигур в роще уцелела — одна.
Остальных как ветром сдуло. В тот же
день.

Неблагодарные друзья тоже подсуети-
лись украдкой. Суслик, Заяц и Ёж. Тоже
больно придирчивые.

Зато Медведь оказался истинным знато-
ком. Каждый день он приходил полюбо-
ваться на пень в очках.

Но и пень простоял недолго. Другие це-
нители прекрасного — заезжие люди —
увезли его в город. И выставили в краевед-
ческом музее. Под названием «Уставший
пастух»

Автор так и остался безымянным. Как
палец.

Как Суслика в детстве наказывали

— Тебя в детстве пороли? — неожиданно огорошил Хому Суслик.

Этот животрепещущий вопрос, как ни странно, привёл Хому в восторг.

— Меня не пороли, меня драли. И ещё меня, словно зайца, поднимали за уши в воздух! — оттого, видать, и приподнято ответил он.

— Зачем?

— Чтобы лучше слышал замечания родителей! — И Хома по-мальчишески хихикнул. — После этого я вообще ничего не слышал.

— Почему? — заинтересовался Суслик.

— Уши болели, — доверительно сообщил Хома.

— А меня пороли крапивою, — весело припомнил Суслик.

— Видать, мало пороли.

— Мало?! — оскорбился Суслик, очевидно, считавший, что его пороли вполне достаточно. И даже больше, чем нужно.

— Тогда бы ты не радовался так, как сейчас.

— Я потому и радуюсь сейчас, — объяснил лучший друг, — а тогда я не радовался.

— А в угол тебя ставили? — спросил Хома.

— Во все углы. Во все, какие только в норе были, — жизнерадостно доложил Суслик.

— А в шкафу надолго заперали?

— Нет, — с сожалением сказал Суслик. — У нас его не было.

— А сладкого лишали?

— Каждый день. А то и пять раз в день!

— А разве тебе пять раз в день сладкое давали? — поразился Хома.

— Не-а. Но, когда наказывали, непременно говорили: «Могли бы тебе сладкое дать, но опять не дадим». Странно, — пожал плечами Суслик, — почему-то, когда наказывали, гораздо чаще сладкого не давали, чем обычно давали.

— А как с тобой ещё расправлялись? — потёр ладошки Хома.

— За ноги над кроватью грозили подвесить, чтобы поумнел.

— Для чего над кроватью-то?

— Чтоб не расшибся, если сорвусь, — беззаботно улыбнулся Суслик.

— А что, правда, умнеют?

— Не знаю. Грозить грозили, но не подвешивали. Но все уверяют — исключительный способ! Кровь к голове приливает, и прямо на глазах умнеешь.

— И в чём это проявляется? Как узнать?

— Уверяют, враз поумнеешь и закричишь: «Я больше не буду!»

— Интересно... А под воду тебя не опускали за ноги? — допытывался Хома.

— Такого не было. А что, бывает? — упоённо ужаснулся Суслик.

— Раз у тебя родители были настолько строгие, — почесал затылок Хома, — то могли и попробовать.

Суслик странно посмотрел на него.

— А разве я сказал — родители?

— А то кто же!

— Соседи. Соседи мне грозили за всякие проделки. Во все

углы ставили, сладкого не давали, обещали над кроватью повесить — и всё такое.

— А я и не знал про твою жизнь. Ты уже большим к нам на луг пришёл. Поговорили называется! — помрачнел Хома. — А я-то думал...

— Что ты думал? Ты же так радовался.

А Хома потому-то и радовался, что у него родители были точно такие же,

как у Суслика.

Суровые и неумолимые.

А оказалось — будто чужие соседи. Один только дядюшка его и баловал. Ну, не обидно же!..

— Ты чего? — тронул его за плечо Суслик.

— У всех были родители как родители, а у меня... — махнул лапой Хома.

— А разве я тебе о своих не рассказывал?

— Нет. Да и так понятно.

— Ничего себе понятно! Да по сравнению с ними соседи были просто добряками.

— Не может быть! — оживился Хома.

— Вот я говорил, что соседи обещали меня над кроватью за ноги подвесить. Было?

— Ну? Ну? — заторопил его Хома.

— А родители, те грозились меня над полом подвесить, а не над мягкой кроватью. Чуешь?

— Ещё бы! А дальше? Дальше?

— Зимой будили. Отводили на речку и...

— И?

— И в полыню окунали, чтоб не храпел громко.

— Ну и ну! — оторопел Хома. — Мне такое и не снилось. Твои даже моих обскакали. Да-а, славное у нас было детство. Есть что вспомнить.

Суслик потом по секрету Ежу обо всём рассказал.

И добавил:

— Это я так, чтобы Хому утешить. Мол, не один он такой. А я своих родителей и не

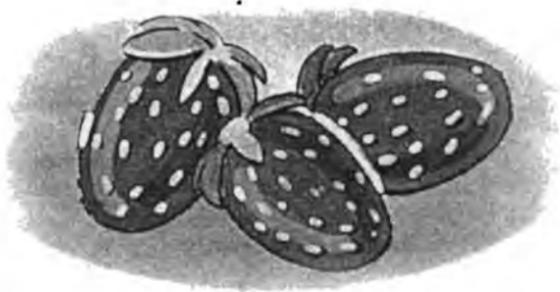

помню. Круглый сирота. У бедной родни жил.

— Что ж ты на своих-то всякого наговорил? — укорил старина Ёж.

— А я палец загнул, когда всякое плёл, — хмыкнул Суслик. — Наговорил всякого... — грустно повторил он. — О таком только мечтать можно. Лишь бы родители были.

Старина Ёж молча угостил его чаем из шиповника. Сладким-сладким, с малиной. В детстве Суслик сладкого не знал.

Как Хома без единого патрона остался

Найти можно что угодно. Но не всё. Так, Хома нашёл настоящий, совсем целый, нестреляный патрон. Видать, охотник когда-то потерял. А вот охотничьего ружья Хома, как ни старался, не находил. К счастью для себя.

Почему к счастью? Да ружьё и не поднимешь, даже если и найдёшь. Такое оно здоровенное!

Вон один патрон и то великоват. С селовую шишку, пожалуй.

А вообще-то можно и без ружья обойтись. Совершенно свободно. Знай ходи себе с патроном наперевес, как с ружьём. Никто не подступится!

Суслик, тот сразу в обморок хлопнулся, заведев у Хома патрон. Страшное дело.

Пришлось потом Суслика успокаивать:

— Чего боишься? Ружья-то нет!

— А если он сам по себе выстрелит?

— Вряд ли, — храбрился Хома. — Если бы патроны сами стреляли, то все бы охотники без ружей были. Зачем лишнюю тяжесть таскать!

Но, видимо, это не до всех доходило.

Заяц-толстун тоже насмерть перепугался, встретив Хома с патроном. Сразу залёг. И голову не только ушами, но и лапами закрыл.

И как заверещит:

— Что ты делаешь? Куда его направляешь! Брось! Опасно!

Напрасно убеждал Хома, что никакой опасности нет, что на себя он патрон не на-

правляет. Заяц продолжал трястись как ненормальный. Оказалось, он боялся не за Хому, а за себя. Вот чудак!

— На кого хочешь наводи, только не на меня! — голосил он. — Я уже учёный!

И Зайца можно было понять. Давным-давно, в позапрошлом году, когда здесь ещё была охота разрешена, ему в хвост дробинка угодила. Вернее, попала. Ему, капризуле, не угодишь.

До сих пор переживает. А ведь так повезло — мог бы весь заряд получить. И не в хвост, а в гриву, хотя у зайцев её и нет.

А впрочем, что ни говори, патрон — не игрушка. Увесистый такой. Наверно, той дробинки в нём — о-го-го!

Даже старина Ёж, на что опытный, а вздрогнул, когда его узрел.

Он-то, Ёж, и определил, что этим патроном ни разу не стреляли. Запечатанный. Значит, не пустой.

— Скажи ему, чтоб на своих не направлял, — жалобно попросил Ежа Заяц-толстун. — А то ходит с ним, как с безобидной морковкой, под мышкой!

— Пусть ходит, если ему нравится, — сдержанно ответил многоопытный Ёж. — Тут ты не прав.

— А где я прав? — спросил Заяц.

— Что? — не понял старина Ёж.

— Ты сказал — тут я не прав. А где я прав, спрашиваю? — совсем спятил со страху Заяц. — Там, а не тут?

— А прав ты в одном, — терпеливо разъяснил Ёж. — Пусть он наводит патрон лишь на Лису и на Волка. А среди своих лучше носить его задом наперёд.

Что Хома немедленно и сделал. Он же среди своих.

— Скажи, а может патрон без ружья выстрелить? — допытывался у Ежа Заяц-толстун.

— Говорят, незаряженное ружьё раз в год само стреляет, — задумчиво сказал Ёж, — значит, патрон — и подавно. Пускай теперь враги нас боятся!

На том и порешили. Если патрон вдруг и бабахнет, раз в год, то, безусловно, в Лису либо в Волка. Может, и в Коршуна, если налетит сдуру. А в Медведя не надо. Он маленьких не обижает.

И стали
Суслик, Заяц и
Ёж куда хочешь смело ходить. Под охра-
ной Хома с патроном.

Умный он, Ёж. Когда Лиса впервые заме-
тила патрон, метко направленный на неё,
она враз поседела. А возможно, и нет. Воз-
можно освещение ошибочное. Не разгля-
дишь. Она мигом за деревом спряталась.

И кричит оттуда:

— Охотиться вздумали? У нас здесь
заповедная зона! С ружьями вход за-
прещён!

— А где ты ружьё видишь? — рас-
смеялся Хома. — Уже мерещится?

— Другое дело, — опомнилась Лиса.

И вышла из-за дерева, злорадно по-
тирая лапы.

— Учти, раз в год стреляет, сам по се-
бе, — деловито кивнул на патрон Хома.

— Сам по себе? — вновь перепуга-
лась Лиса. — По себе или по тебе? По
мне, да? Раз в год? А поточнее не зна-
ешь? — умильно спросила она. — Вдруг
этот «раз» прямо на сейчас выпадет!

— Раз на раз не приходится, — загадочно произнёс Хома.

— Не наставляй на меня! — взвизгнула Лиса. — Волку пожалуюсь!

— Хы-гы, — хохотнул, высовываясь из кустов, Волк. Лёгко на помине. — Боится, ты ей шкурку испортишь.

Хома с испугу навёл патрон на него.

— С ума сошёл? — ошалел Волк. — А вдруг долбанёт!

— Раз в год... — важно начал осмелевший Хома.

— Раз в год в себя стреляй! — И Волк опрометью кинулся в чащу.

Лиса — за ним, с криком:

— Хомушка, я хорошая!

Славная жизнь наступила для Хома и его друзей. Иди куда хочешь, собирай что угодно, гуляй где вздумается! Чудесная жизнь — с патроном наготове!

Хищники их далеко обходили. А Коршун стороной облетал. Он тоже прослы-

шал, что патрон раз в год стреляет. А вот когда именно — неизвестно. Шарахнет внезапно дробью, улететь не успеешь. Вместо тебя пух и перья полетят!

И неудивительно, что старина Ёж прозорливым оказался. Вскоре патрон, действительно, смог без ружья пальнуть. Вернее, патроном смогли выпалить. Какая разница! Важен результат.

А вот удивительно — ни Лиса, ни Волк, ни

коршун так и не пострадали. Хотя нет-нет да и напрашивались на выстрел, разбойники.

Забрёл в их края один бородатый горе-охотник. То ли он не знал, что здесь охота запрещена. То ли нарочно пришёл, зная, что здесь дичь непуганная.

Слава Богу, у Хома патрон ещё сохранился, не бабахнул раньше времени в местных хищников. Или, того хуже, в пустой свет. Было чем от бородача отбиться.

В трудных случаях Хома скоро соображал. Некогда было дожидаться, пока сам патрон в того злодея охотничка выстрелит.

— Надо ему срочно помочь, — решительно сказал Хома друзьям.

— Кому? — удивился Суслик. — Охотнику?

— Не кому, а чему. Патрону, — процедил Хома. — Видали у мальчишек рогатки?..

И они быстренько рогатку соорудили. И какую! Деревенским мальчикам такая и не снилась!

Резинку подходящую, сильную, мгновенно на свалке нашли. И привязали меж двух берёзок. Затем натянули втроем что есть силы: Суслик, Заяц и Ёж. Вместо камешка патрон заложили. А Хома был за наводчика. Зайцу, как ни просил, не доверили, он — косой.

И пока бородач по роще ходил, приглядывался и в кого-то из ружья целился, Хома ту рогатку тоже нацеливал. Известно — в кого.

— Повыше... Пониже... Левее... Правее, — командовал он с высокого пенёка. — Пли!

Зря все восхищаются волчьим глазомером. И у хомяков — не у всех, понятно, — глаза острые.

Патрон попал точно в лоб злодею. Да как!..

— Вдребезги разлетелся! — ликовав Хома.

— Лоб? — привстал на цыпочки Суслик.

— Патрон!

И правда, дробь так и засверкала, разлетевшись в разные стороны!

Бородач рухнул, словно подкошенный.

А когда пришёл в себя, тут же убрался отсюда подобру-поздорову. Потирая огромную шишку на лбу.

Больше он никогда сюда не заявлялся. Оно и понятно: здесь слишком метко стреляют!

Хома удивлялся, что грома от выстрела не было.

Но старина Ёж знающе заявил:

— Наверно, порох отсырел.
Так Хома без единого патрона остался.
Хороший был, конечно, патрон. Но всё-
таки опасный. А то ещё рванул бы ночью
прямо в норе — раз в год!

Как Хома для Суслика дорогим оказался

Многие люди думают, что животные не понимают человеческую речь. Прекрасно они понимают! Только этого не показывают.

И не только русский язык знают, но и любой иностранный. С переводом, конечно.

Как-то весь долгий вечер Хома просидел на подоконнике одной избы в деревне. За прозрачной занавеской. Оттуда он неза-

метно смотрел заграничный фильм из жизни высшего света. Ну, про известных и богатых людей.

И насмотрелся, и наслушался всякого. Он раньше и не думал, что люди могут быть такими гостеприимными, воспитанными и внимательными друг к другу.

Вернулся Хома домой уже другим хомячком.

Утром он решительно направился к Суслику.

— Хай! — весело крикнул он с порога.

— Что-о? — перепугался Суслик.

— Привет, по-иностранному.

— А-а...

— Не а-а, — передразнил его Хома. — Учись, обалдуй. Знаешь,

как за границей говорят: культурно, достойно, красиво!

— Научи, — вмиг загорелся невежа Суслик, не имевший привычки по вечерам смотреть телевизор.

— Здравствуй, дорогой! — проникновенно сказал Хома.

— Ну, здравствуй...

— Я с тобой не здороваюсь, я уже обучаю тебя, обормота, — раздраженно заметил Хома. —

Ты должен везде где не лень словечко «дорогой» вворачивать.

Понял? Начнём. Сначала... Здравствуй, дорогой! — сахарным голосом пропел он.

— Здравствуй, дорогой! — так же сладко откликнулся Суслик.

— Как спалось, дорогой? — прямо-таки промурлыкал Хома.

— Хорошо, дорогой, — жизнерадостно ответил способный ученик.

— Знаешь, за границей, в лучших домах, и днём и ночью угощают — красиво, с

размахом! — сообщил Хома и снова пропел: — А не подзакусить ли и нам, дорогой?

— Конечно, дорогой, — вошёл во вкус красивой жизни хозяин.

На столе быстро появились орехи, зёрна, горох.

— Как вкусно, дорогой! Не правда ли? — жеманно произнёс Хома, набивая обе щёки.

— Ещё бы не правда, дорогой! Чужое всегда вкуснее, — начал приходить в себя Суслик, предчувствуя скорое разорение. Его запасы таяли с необычайной быстротой.

— Что вы изволили заметить, дорогой? — оттопырил один пальчик Хома, щедро наливая в большую чашку берёзовый сок.

— Мы изволили заметить, что вы много на себя берёте, дорогой, — продолжал гнуть своё Суслик, разрываясь между благовоспитанностью и разумной скупостью.

А впрочем, у Хома он тоже бы вовсе приналёг на обильное угощение. Не часто это выпадает.

— У вас такой изумительный гостеприимный дом, дорогой друг, — ворковал Хома. — Просто не хочется покидать без искреннего сожаления. Так бы и жил здесь всю жизнь, дорогой!

— Этого ещё не хватало! — внезапно вскричал Суслик, сразу забыв отменные заграничные манеры.

Он вдруг ярко представил, что будет, если Хома здесь навсегда поселится. Со своим аппетитом зверским. И со своими защёчными кладовочками.

— В чём дело, дорогой? — умильно улыбнулся Хома.

— А в том, дорогой, что очень дорого выходит! Весь мой недельный запас умял!

— В таком случае, — Хома с достоинством встал из-за стола, кинув последние орешки за левую щеку. За правой они б уже не поместились. — Постараюсь зайти на ланч, мой дорогой.

— Ку-да? — протянул Суслик.

— На ланч. На второй завтрак, — важно пояснил Хома.

— Мало тебе первого завтрака, ещё и на второй собираешься! — раскричался лучший друг. — На второй завтрак я к тебе сам приду! На ланч, дорогой, — мстительно добавил он.

— Чего-чего! — испугался Хома так, что орешки за щеками застучали. — Не вздумай. Тебя, обжору, не прокормишь!

И устремился к выходу.

— Чао! — обернулся он на пороге, вспомнив про высший свет.

— Я тебе покажу за границу! — бормотал Суслик, убирая ворох скорлупы и шелухи со стола. — Ты у меня, дорогой, до потолка подпрыгнешь, когда я на ланч заявлюсь и начну — как это? — ланчеваться!..

И сдержал своё обещание.

После этого Хома перестал ходить в деревню и смотреть телевизор. Уж очень накладным ланч оказался. С дорогим другом.

Суслик прав. Хорошие манеры только в кино хороши. Не правда ли?..

Как Суслик Ежа похвалил

Забыл где-то Суслик свою корзинку с орехами. И не помнит. Зашёл к Хома поогорчаться.

— Память дырявая! — постукивал он себя крепким кулачком по лбу.

— Ты голову-то побереги. Она у тебя одна, непутёвая, а кулаков два, — остановил его Хома. — Лучше припомни, где ты был.

— В орешнике...

— Ну там ты оставить не мог.

— Не мог, — наморщил лоб Суслик.

— А где ещё был?

— К Зайцу заходил.

- И всё?
— Потом к Ежу заходил.
— Теперь-то всё?
— Не всё! К тебе зашёл, — Суслик стал оглядываться. Настолько расстроился.
— Не ищи, — строго сказал Хома. — Ко мне ты без корзинки пришёл.
— Ты уверен? — недоверчиво спросил ротозей Суслик.
— А ты сам подумай. Зачем бы ты сразу жаловаться стал, что корзинку потерял?
— Верно, — слегка успокоился лучший друг. — Спасибо, теперь мне меньше искать.
— Ну, если ты даже у меня ищешь, это надолго затянется, — усмехнулся Хома.
— Пойдём со мной, — попросил Суслик. — Вдвоём мы вдвое быстрее разыщем.

— Ладно. А то, я гляжу, ты и самого себя потеряешь.

Пошли они сначала к Зайцу.

— Интересно, почему «вдвое быстрее найдём» можно сказать, а «вдвое медленнее не найдём» нельзя? — вслух размышлял по пути Суслик.

Иногда у него возникали странные мысли. К счастью, редко.

— Гляди-ка, и «вдвое быстрее не найдём» тоже нельзя сказать! — изумлялся он. — Почему?

— Наверно, потому... — небрежно начал Хома. И умолк. Действительно, почему?

— А если втроём?.. — забубнил Суслик. — То ж на то получается. Хоть впятером!

— А ты попробуй ответь: можно ли впятером вдвое быстрее найти? — Хома давно уяснил, что легче задавать вопросы, чем отвечать на них.

— Можно — если только двое найдут, — догадался Суслик.

Так, за умным разговором, они незаметно для себя очутились у Зайца. В его барсучьей норе.

— Я тут корзинку с орехами забыл, — с ходу заявил Суслик, без всяких церемоний.

— Если забыл, то возьми, — хмыкнул Заяц.

— Где? — завертел головой Суслик.

— Где забыл.

— Уверен, что у тебя.

— Отстань, — рассердился Заяц. — Я думал, ты шутишь.

— Ничего себе шуточки! — расшумелся Суслик. — Я целый день орехи рвал!

— Ты что, подозреваешь — меня? — высокомерно задрал подбородок хозяин.

— Подозреваю. Я всех подозреваю. Даже себя. Я подозреваю, что забыл корзинку у тебя!

— Ты не обижайся, — примирительно заметил Хома Зайцу. — Он у меня тоже искал.

— Идите-идите, некогда мне! — И Заяц толстун, наступая животом, выпер их из норы.

Делать нечего. Двинулись они к Ежу. Старина Ёж тут же сказал Суслику, когда они вошли:

— Ты у меня корзинку с орехами оставил.

— Вот! — Суслик выразительно взглянул на Хома и взял корзинку. — Бесчисленное спасибо! — поклонился он Ежу.

— Бесчисленное?

— А то какое же? У меня тут орехов — не сосчитать!

Когда они возвращались домой, Хома спросил Суслика:

— А чего ты сказал: «Вот!», да ещё на меня посмотрел?

— Не хотел Зайца перед Ежом позорить, — словоохотливо разъяснил Суслик. — Видал, как Заяц отказывался? И даже выгнал!

А Ёж мигом корзинку отдал. Молодец, добрая душа! Не то что Заяц.

— Ничего не понимаю, — растерялся Хома.

— А чего тут понимать! Заяц не отдал, а Ёж отдал. Молодчина!

— Вот ты о чём... — пробормотал Хома. — Так бы и сказал сразу. Да только не очень-то Зайца ругай и не очень-то Ежа хвали.

— Не понял, — озадачился Суслик.

— Я думаю, Ёж от старости орехи грызть не может. Поэтому и отдал.

— А Заяц?

— Видал, какие у него резцы!

— Тогда конечно, — призадумался Суслик. — Я бы на его месте тоже не отдал. Отборные орешки!

— Постой, — вдруг остановился Хома,

что-то не давало ему покоя. — Разве у тебя две корзинки было?

— Одна. Вот эта.

— Значит, по-твоему, Заяц — жадный? Тьфу! — И Хома ускорил шаг. — Дурень, я дурень!

— Ты чего? — семенил за ним Суслик с корзинкой. — Ёж отдал, а Заяц не отдал. Значит, Ёж — честный, а Заяц — жадный. Чего ты?

Но Хома его не слушал. Мало того, что память у Суслика короткая. Он ещё и великий путаник. Кого хочешь может с ума свести.

Долго рядом с ним находиться — ой, как опасно!

Как Хома главное понял

Засиделись как-то вечерком Хома и Суслик у Зайца. В его просторной барсучьей норе. Как известно, Заяц-толстун жил в заброшенной норе барсука.

А вообще-то зайцы своего дома не имеют. Прямо на земле под кустом спят: одно ухо подстилают, другим накрываются.

Разговорились друзья о жите-бытье, вкусно хрустя морковками.

Заяц, хотя и был скуповат, но любил долгие задушевные беседы. А разве долго просидишь без хорошего угощения! Хо-

чешь не хочешь, а приходится растрясать запасы.

Весь вечер они жарко спорили. А всему Хома завила. Он внезапно спросил:

— Для чего мы живём?

— Для жизни, — умно ответил Заяц.

— Я о другом, — потянулся Хома за новой морковкой. — Я о глубоком смысле жизни.

— Ах это?.. — подал голос Суслик. — Сиди в глубокой норе и не высывайся.

— Ты что, тугодум или только притворяешься? — бесцеремонно, на правах хозяина, сказал Заяц. — Тебя Хома спрашивает: для чего мы всё-таки живём?

— Чтобы кушать, — и Суслик тоже протянул лапу за морковкой.

— Этого мало, — вздохнул Хома.

— Много! — внезапно заявил Заяц.

— Мало! — повторил Хома.

— А я говорю — много морковок он берёт, — обеспокоенно заметил Заяц.

— При чём здесь морковки! — отмахнулся Хома, тоже взяв следующую морковку. — Жить, чтобы кушать, — этого мало.

— Много, — заупрямился Суслик. — Живём для того, чтобы много кушать, — подчеркнул он. — Всю жизнь еду ищем. Вот сегодня я весь день на это потратил!

— Зато сейчас вовсю отдыхаешь.

— Точно! — воскликнул Заяц. — Мы едим, чтобы отдыхать. Особенно Суслик!

— А отдыхаем зачем? — снова спросил Хома.

— Чтобы еду искать, — пробурчал упрямый Суслик.

— Ты уже об этом говорил.

— Да? — удивился лучший друг.

— А может, едим, чтобы от врагов спастись с новыми силами? — неуверенно сказал Заяц. — Когда я хорошо поем, меня ни за что не догонишь!

— Нет, не то, — поразмыслил Хома. И проникновенно посмотрел на друзей: — А если подумать?

— Заладил одно и то же! — вскинулся Суслик. И как бы в раздражении, не нарочно, схватил со стола очередную морковку. — Сколько ни спрашивай, а еда в жизни — главное. Без неё никакой тебе жизни!

— Живём, чтоб от Лисы удирать! — неожиданно выпалил Заяц.

— И этого мало, — стоял на своём Хома.

— Мало?

— Мало.

— И от Волка удирать, — добавил Заяц-толстун.

— Мало, — не сдавался Хома.

— И от Коршуна! — подсказал Суслик.

— Всё равно мало, — покачал головой Хома. — Очень мало.

— Тебе не угодишь! — рассердился Суслик.

— Хома толкует о главном смысле жизни, — опять на правах хозяина разъяснил ему Заяц.

— Главное — сон. Поздно уже, пошли спать, — заявил Суслик, увидев, что морковки кончились. — Хома и сам ответа не знает.

— Не знаю, — признался Хома.

Так в тот вечер они ни о чём и не договорились.

На другой день они продолжили свой спор на лугу. Там ещё просторнее, чем в барсучьей норе. И солнышко светит, светлые мысли нагоняет.

Да так они увлеклись, что не сразу заметили, как Лиса подкралась.

Хорошо, что у Зайца уши будь-будь! Одним ухом своих слушает, другим — ко всему чужому прислушивается. Любой подозрительный шорох и...

— Лиса! — возопил он.

Брызнули они в разные стороны!

Молодчина — Заяц. У него не только уши, но и глаза на месте. Туда-сюда зыркают. Оттого он и косой.

Ну, Лиса этих спорщиков всласть погоняла!

Но и они задали ей жару! Не лыком шиты, учёные-переучёные.

Сразу трёх Лиса преследовать не могла. Летит она за одним, а тут другой наперерез. Бросает она первого, и — за вторым.

А следом и третий в гонку включается. Оставит она второго и мчится за третьим. А теперь и первый уже отдохнул, ну-ка поймай!..

— Пропадите вы пропадом! И все вместе, и поодиночке! — выдохлась она.

И побрела прочь, пошатываясь от усталости.

— Может, ещё поиграем? — крикнул вдогонку Хома.

— Ишь, какие толстые и гладкие, — обернулась она. — Давно пора взрослыми стать, а они всё играют.

И, наконец, совсем ушла. Взрослая называется!..

— Я же говорил — живём, чтобы от Лисы удирать, — с восторгом напомнил Заяц. С восторгом, что Лисы нет.

— Мало, — снова возразил Хома. — Это не всё.

— Всё! — поддержал Зайца Суслик. — Удрали — и всё!

— Ты бы не удрал, тебе Хома помог, — заметил справедливый Заяц.

— А я бы не убежал, если бы меня Заяц не выручил, — подтвердил Хома. — И если б не Заяц, я бы тебя тоже не спас!

— А кто Заяцу помог? — разобиделся Суслик.

— Никто и не спорит. Конечно, ты, — благодушно согласился Заяц-толстун.

— Понял! — вдруг встрепенулся Хома. — Мы сами нашли ответ. Прямо сейчас!

— Какой? — хором спросили Суслик и Заяц.

— Мы живём, чтобы друг другу помогать. Вот для чего!

— Верно, — приятно изумился Заяц-толстун. — Для того и живём.

— Не для того, а потому, — строго поправил его Суслик. — Потому и живём, что друг другу помогаем.

Переглянулись Хома и Заяц. Ну что с этого Суслика взять? Он всегда всё по-своему повернёт. Даже смысл жизни!

Как Хома разоружился

Хома всегда находил что-то необычное. Судьба такая — находчивая. На этот раз он перочинный ножик в поле отыскал. Старый. Складной. С одним лезвием.

«Пригодится», — подумал Хома. И не ошибся.

Он вообще редко ошибался. Везучий. А везёт только тем, кто этого достоин. Невезучим никогда не везёт.

Отчистил Хома ножик от ржавчины. Заглядишься, так и сверкает!

А острый! Резкий взмах, и любая травинка ложится. Да что там травинка! Вырвет он волосок, допустим, у Суслика и — фюйть! — вмиг напополам.

Очень полезная вещь в домашнем хозяйстве. Одно неудобство — слишком большой. Это для нас — ножик, а для Хома — целая сабля. Вернее, меч.

Хорошо, что складной. Складывать можно. Меньше становится.

Не сразу понял Хома, что отыскал не просто полезную вещь. А грозное оружие!

Спасибо Суслику — вразумил:

— Теперь все тебя будут бояться.

— Ещё бы! — возрадовался Хома.

И впрямь. Встретилась однажды Хоме Лиса.

— Мой меч, твоя голова с плеч! — свирепо закричал Хома, потрясая оружием.

Только Лису и видели!

Затем Волк ему навстречу попался.

— Сейчас я тебя побрею! — пригрозил Хома.

Волк сразу прочь! Сквозь кусты напролом!

А потом Хома Коршуна запугал:

— Видишь нож перочинный? Я тебе перья вмиг очиню!

Даже Медведь уступил ему как-то дорожку. Не стал связываться.

Хома теперь на веревочке через плечо свой складной ножик носил. И чуть что, ловко снимал его и раскрывал с треском. Устрашающее зрелище!

Собрались возмущённые Волк, Лиса и Медведь на совет. Коршун тоже пожаловал.

— Неужели управы нет на этого лиходея? — протявкала Лиса. — С ножом шляется!

— Пора остановить бандита, — угрюмо сказал Волк. — Даже я себе такого не позволю.

— Непорядок, — пробасил Медведь. — Сегодня ножик, завтра динамит. Что мы, люди?!

— Надо его разоружить, — заклокотал Коршун.

— А как? — нервно передёрну-

ла плечами Лиса. — Добровольно он оружие не сложит. Ума не приложу, как его заставить.

— Если уж ты, рыжая, не знаешь, — вздохнул Медведь, — придётся с ним по-хорошему договариваться.

Как ни странно, Хома быстро дал согласие разоружиться. Под торжественное Медвежье обещание: впредь никто ни когтем, ни зубом не тронет Хому и его друзей. По выходным дням.

Правда, Лиса пыталась всё своему повернуть. Она щедро предложила им полную безопасность на всю ближайшую зиму. Всем, кроме Зайца.

Но Хома наотрез отказался:

— Мы и так с Ежом и Сусликом всю зиму отсыпаемся. На нашего Зайца нацелилась?!

Не вышло по-лисье-му. До чего же хитра!

Сложил Хома оружие — свой ножик складной. И в ручье утопил, на глубоком месте.

— Забудут они скоро про уговор, — переживал лучший друг Суслик. — Зря ты послушался.

— Хоть немного от них отдохнём, — беззаботно ответил Хома. — Всё равно я его бы выбросил. Таскать надоело. И боязно, вдруг ненароком кого-нибудь уколую. Ну не могу! Укусить могу, с испугу. А всякого оружия сам боюсь.

— Рассказывай, — недоверчиво заметил Суслик. — А кто с патроном наперевес ходил! Было?

— Было да сплыло. С тех пор и боюсь.

— Неженка! А вот они могут. Видал, какие у них зубы и когти! А какой клюв у Коршуна!

— Они такими родились — хищными, — убеждённо сказал Хома. — Вот если бы я с ножиком родился — другое дело. Я бы его точно себе оставил.

Такой вот он, Хома. Беззащитный.

Как Хама Шмеля пожалел

Обидела Хому Лиса. Ну, гоняется всё время за ним — это ладно. Пусть. Ей тоже вкусно поесть хочется. А вот обижать зачем? Зачем насмехаться?

С Медведя пример берёт рыжая, для него все — мелочь пузатая. Так то Медведь! Он себе может позволить, его за версту видно. Не Лиса.

В прошлый раз она вновь не сумела его, Хому, поймать. И уходя с пустой авоськой, презрительно заметила:

— Очень мне нужен такой замухрышка!

Случается, похлеще тебя обзовут, и то не обидно. А бывает, от пустячного замечания взорвёшься. Да что там взорвёшься — озвереешь!

Та же Лиса, недавно вот, пришлого Кабана за что-то невероятно оскорбляла. А он и бровью не повёл.

Она его всячески обзывала. И «тупорылым», и «толстоносым», и «красноглазым»!.. Но стоило ей сказать: «Хряк!» — и он

клыками её чуть к дереву не пригвоздил. А ведь и хряк, и боров, и кабан — почти одно и то же. А как взвился!

Так и Хома. Чего он только от неё, Лисы, не терпел. Но услышал про «замухрышку» и сразу разъярился.

Решил он ей отомстить. Не смертельно, конечно. Хотя и смертельно обиделся.

Нет, он не хотел её гибели. В природе пустых мест не бывает. Все места, от первого до последнего, заняты. Другая лиса разом заявится, прослышав, что местечко осво-

бодилось. А с другой лисой ещё неизвестно, как себя вести. С прежней-то все хитрости наперёд известны.

Надо попросту Лису наказать. А вот как? Спешить некуда, что-нибудь да придумается.

И точно. Недолго ждать пришлось.

Пробежал на другой день Хома по лугу. Видит, какой-то солидный Шмель в пау-

тине, меж высоких трав, запутался. Два паутиновых шатра насквозь пробил, а в третьем — застрял. В самую прочную сеть врубился.

Шумит Шмель, негодует!

А поодаль хозяин сетей,

Паук, тоже негодует!

Не по Сеньке шапка, не по Пауку Шмель. Слишком велика добыча. Только снасти испортил!

Пожалел Хома Шмеля. Такой бархатистый, нарядный, представительный. Видать, куда-то по важным делам летел, раз так расфуфырился. Жалко Шмеля.

Хома вообще не переносил паутины. До чего же противная! И частенько из неё случайных жучков выручал. А мух — никог-

да. Он их тоже не любил. Поэтому Хома считал паутину необходимым злом.

Вон сколько их, блестящих на солнце сетей-ловушек, по всему лугу повешено! Они сотнями светились повсюду. Без них бы мухи вконец обнаглели.

Ну это так, к слову.

Гудит, значит, басом Шмель. Возмущается. И Паук возмущается. Трясёт свои снасти, пытаясь от залётного гостя избавиться. Да всё бесполезно. Крепко влип!

Освободил Хома Шмеля. Осторожно, правда. Чтоб невзначай не ужалил.

— Большое спасибо! — прогудел Шмель.

А Паук даже полсловечка доброго не сказал. Принялся штопать дыры в своём хитром неводе.

— А у меня к тебе просьба, — вдруг обратился Хома к Шмелю. Его внезапно осенило.

Хому нередко осеняли, озаряли, пронзали и внезапно приходили в голову разные умные мысли.

— Какая просьба, милейший? — ува-

жительно спросил Шмель, приводя себя в порядок.

— Меня Лиса страшно оскорбила, — пожаловался Хома. — Ужаль её, пожалуйста, за меня. Пусть знает, как других обижать! -

— Ладно, — вздохнул Шмель. — Ты мне помог, и я тебе помогу. Хоть и помру после этого, но всё равно Лису ужалю!

— Как — помрёшь? — ужаснулся Хома.

— Да уж так мы, шмели, устроены. Ужалить мы можем только один раз в жизни.

— А почему же вас все боятся?

— Оттого и боятся: хоть раз можем такой отпор дать, что не своим голосом взвоешь!

— Один раз — это тоже много, — задумчиво сказал Хома. — Помню, у меня

всего один патрон был. И то я здорово отстрелялся. Знаешь, забудь про Лису. Ну её!

— А кто за тебя отомстит? — гневно ответил Шмель. — Ты же меня спас.

— Я спас, а выходит, и погублю? Лучше живи.

— А ты так обиженным и останешься?!

— Пусть я буду обиженным, — твёрдо сказал Хома, — зато ты живым останешься.

— Ты так считаешь? — неуверенно спросил Шмель.

— Точно, точно, — заверил его Хома. — Летай на здоровье.

Шмель покачал головой, погудел добродушно и плавно взмыл вверх.

Великолепный мохнатый толстый Шмель сделал жужжащий прощальный круг над Хомой — и улетел.

— Как живой! — поразился Хома.

Как Хома Волка с Лисой поссорил

Придумал всё-таки Хома, как Лисе
Потомстить. Достоинно и обидно.

И никакой Шмель не понадобился.

Просто надо всегда платить, как гово-
рится, той же монетой. На удар отвечать
ударом, а на слово — словом.

Чем Лиса его обидела? Всего лишь гру-
бым словечком. «Замухрышкой» назвала.
И он при случае не смолчит. И тогда кви-
ты. Уж что-что, а язычок у него тоже не-
плохо подвешен. К умной голове. Вернее,
в умной голове.

Но Хома забыл о том, что невежами рождаются, а не становятся. Те же Лиса и Волк, а особенно Кабан, так и родились грубыми.

Разве можно назвать грубыми, например,

Иволгу или Белочку? Да они от природы тонкие натуры. А

взгляни, допустим, на Медведя. Даже издали видно, что он прирождённый грубиян.

Вот и Лиса. Она может кого угодно оскорбить. Другого от неё и не жди.

А он, Хома, не таков. Конечно, и он может кого-то напрасно обидеть. Того, кто под горячую руку подвернётся. Хотя бы Суслика.

Но затем немного подумает, недельки две, и опомнится. Переживать начнёт. Раскается и, глядишь, ещё через две недели возьмёт и извинится. Если не забудет.

А настоящие, природные хамы-обидчики и через год прощения не попросят. А через два — и подавно. Память у них короткая!

В этот раз Хома быстро опомнился, когда наконец-то с Лисой поквитался.

Было так. Прогуливались чинно Лиса, в рыжей шубке, и Волк, весь в сером, по опушке рощи.

Волк что-то весёлое рассказывал, потому что они смеялись.

Волк густо похахатывал:

х-ха, х-ха, х-ха!

Лиса мелко подхихикивала: к-хи, к-хи, к-хи!..

Хома мигом испортил ей настроение. Высунулся из-за куста и крикнул, да складно:

— Лесная краса, облезлая Лиса!

А она и правда линяла в то время. И была, так ска-

зять, не в лучшей форме. Потому и обиделась не на шутку. Никто не любит, когда правду в глаза кричат!

Не догнала его Лиса. Он успел в нору к Суслику заскочить.

Тут-то и стал переживать Хома.

— Что я наделал? — сокрушался он. — Лису прямо в глаза «облезлой» назвал!

Напрасно успокаивал его Суслик:

— Врагов можно как хочешь обзывать, и в глаза и за глаза!

— Но не на глазах, — уныло произнёс Хома. — Я её в глаза оскорбил — на глазах у Волка.

— Это хуже, — согласился Суслик, — зря подсуетился прилюдно, то есть приволчно. Надо было в глаза сказать, но с глаза на глаз. Зачем тебе лишние свидетели?

— Да я не о том. Она же, какая ни есть, а всё-таки дама. А Волк, как ни крути, всё же кавалер. А я ему глаза на неё открыл. Неудобно вышло.

Суслик выглянул из норы и сообщил:

— Она неподалёку с Волком стоит. Можно дело поправить.

— Да где там... — расстраивался Хома.
— Так уж и быть, извинись. Скажи, что ошибся. Не мне тебя учить.

— Думаешь? — приободрился Хома.

— Уверен.

— Погляди, стоят?

Поглядел Суслик:

— Стоят.

Вылез Хома по пояс из норы. И кричит:

— Эй, Лиса! Прошу прощения, я неточно сказал. Какая же ты облезлая? Ты просто линяешь, чтобы потом появиться во всём своём блеске!

И хотя у него не очень складно вышло, Лиса враз просияла.

— Слышал? — жеманно сказала она Волку.

Хоме бы на этом остановиться, но его понесло:

— Ты у нас не то что Волк! Весь какой-то вытертый, в клочьях шерсти, — и Хома осёкся.

Ну, тут началось!..

Хома забился поглубже в нору. Но, конечно, не глубже Суслика. Дальше некуда было. Дальше сам хозяин был. Лучший друг.

Снаружи доносился дикий скрежет. Это Волк бешено раскапывал нору, пытаясь добраться до обидчика.

— Я тоже линяю! — орал Волк. — Что я, рыжий?

— На меня намекаешь? — протявкала Лиса.

— А ты, облезлая, помолчи! Не до тебя! Не суй свой нос не в своё дело!

Затем послышались шум, визг и рычание.

— По-моему, дерутся!.. — прислушался Суслик.

— Кто? Они? — вздрогнул Хома.

— А то кто же! Кавалер с дамой.

— Ужас, — простонал Хома.

— А всё ты, — осудил его Суслик. — Говоришь много.

До обидчика Волк так и не добрался. Бесполезно. Здесь трактор нужен.

И всё равно натерпелись страху Хома и Суслик.

А когда они осмелились выйти, то увидели вокруг столько выдранной шерсти, рыжей и серой, что запасливый Суслик себе два матраса набил. Да ещё три подушечки-думочки. Одну — Хоме. На память!

Старина Ёж сильно развеселился, услышав про эту историю. Затем нахмурился и сказал:

— Впредь вам наука. Нельзя за счёт одного другого хвалить.

— А я ни при чём, — заныл Суслик.

— И тебе урок — на будущее.

А Хома помалкивал.

Легко после драки советы давать.

Как Хома друга себе присвоил

Задумался однажды Хома: «Кто такой Суслик? Кто он мне? Мой лучший друг. А Ежу и Зайцу — просто друг. Простой друг, значит. Поэтому он должен ко мне лучше, чем к ним, относиться. Так? Так!»

А в жизни не так. На деле выходило, что для него, Суслика, все одинаковы. И Хома, и Заяц, и Ёж. Со всеми он свой, дружелюбный.

И это очень несправедливо. Какой же он после этого лучший? Он должен вести себя построже с другими.

И вообще, кто считается лучшим другом? Тот, кто не особо задумываясь, и в огонь, и в воду за тебя ползет!

Ну, в воду Суслик за него, Хому, лазит, когда за него зарядку делает. Без купания в холодной воде настоящей зарядки не бывает.

А в огонь? Ни разу Суслик не пробовал за Хому в огонь ползть. Он, Суслик, огня, как огня, боится. И его можно понять.

Другое обидно: почему Суслик у Хома даже разрешения не спросил на то, чтобы с остальными дружить.

Если так дальше пойдёт, скоро у Суслика полный лес друзей будет. На каждой ветке и под каждым кустом по другу. Ишь, дружелюб нашёлся!

И начал Хома его воспитывать. Придирчиво, строго.

Чуть что:

— Ты чего Зайцу улыбаешься? Ты лучше мне улыбайся. Ты мой лучший друг, а не дальний родственник.

Или ещё строже:

— По Ежу скучаешь? Давно не виделся? Ты по мне скучать должен. Ты мой лучший друг!

Напрасно Суслик оправдывался, что не может по нему скучать, раз он здесь, рядом.

— Всё равно скучай, — настаивал Хома. — Для меня вдвое дороже, что ты рядом со мной по мне же соскучился.

Суслик не знал куда и деваться, чувствуя себя кругом виноватым.

А вскоре Хома потребовал и совсем несусветное.

Пришёл как-то Суслик утром к Хоме.

— Привет! — говорит.

А Хома как раскритичится:

— И всё? Привет и всё? Это ты Зайцу с Ежом приветы раздавай, направо и налево. А при встрече со мной ты до небес должен прыгать или плакать от радости!

— Да мы же только вчера вечером расстались, — оторопел Суслик.

— Вот-вот. Целая ночь прошла. Столько не виделись! Небось, и во сне меня не видел? Признавайся.

— Видел, — соврал Суслик.

— Сколько раз? — выпытывал Хома. — Сколько?

— Не сосчитать. Всю ночь, — снова соврал Суслик.

— И что я делал? — Хома не мигая смотрел на него.

— Орехи рвал, — подольстился к нему Суслик.

— Всю ночь! — ужаснулся Хома. — И ты меня не остановил? Я же надорваться мог! Трудно, что ли, было сказать: «Отдохни, дружище, я за тебя потружусь?» Хорош лучший друг.

— Я говорил, а ты не послушался, — пробормотал Суслик. И сам почувствовал, что хватил лишнего.

— Я? Не послушался? — мрачно расхохотался Хома. — Ну и врать ты здоров! Мне отдохнуть предлагали, а я отказался? Запомни, такого никогда не было, нет и не будет. Не дождёшься ты этого от меня! — распалился он. — Нет, видали такого друга? Да ты меня нарочно не оставливал!

Суслик скорбно молчал.

— То-то у меня все косточки ноют, — проворчал Хома. — Заставил всю ночь орехи рвать... А утром с приветом пришёл. Ни сочувствия, ни радостных слёз, ни дружеских объятий. Случись такое с Ежом, небось, обнял бы его на радостях.

— Не обнял бы, — не выдержал Суслик. — Он колючий.

— Вот именно, — ещё сильнее расстроился Хома. — Только поэтому и не обнял бы. А не будь он колючий, прямо задушил бы Ежа в объятиях!

— Кого задушил бы? Меня? — слышался обеспокоенный голос Ежа. Он как раз проходил мимо и по-дружески к ним заглянул.

Хома вгорячах и рассказал ему обо всём. Выложил свои обиды.

— Он же мой лучший друг! — горячо закончил Хома.

— А ты? — спросил Ёж.

— Что — я?

— А ты ему кто? Если он твой лучший друг, значит, и ты его лучший друг.

— И я, — с готовностью подтвердил Хома.

— Тогда чего же ты не заплакал от радости, когда Суслик пришёл? Ты ведь всю ночь с ним не виделся, — поддел его Ёж. Хорошо, что словами, а не иголками.

Хома озадаченно уставился на Суслика, словно впервые увидел.

— Как лучший друг, — продолжил Ёж, — ты тоже должен к нему лучше всех быть.

— А я что?.. — буркнул Хома. Такого поворота он никак не ожидал.

— А ты его всё время шпыняешь.

— Шпыняет, — поддакнул осмелевший Суслик.

— Учти, — заметил старина Ёж, — хоть Суслик и твой друг, но не твой собственный. Может и с другими дружить. Гляди-ка, — удивился он, — в слове «другие» тоже есть «друг»! Понял?

— Понял, — неохотно кивнул Хома. — Друг-то друг, но другой. Друг — ой! — внезапно устрашающе ойкнул он.

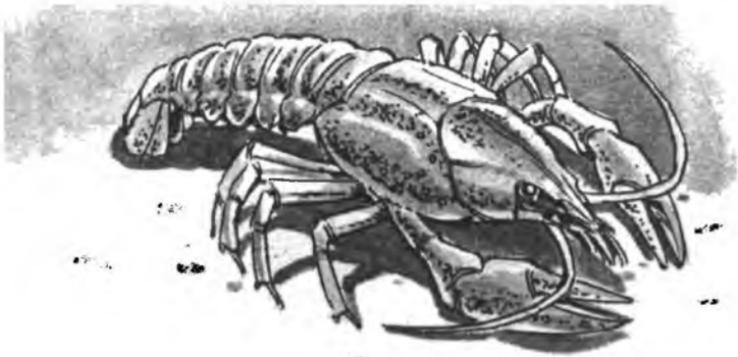
— Не так, — поправил его Суслик. — Друг — ой какой! Замечательный, выходит.

И широко улыбнулся.

— А всё-таки Суслик не прав, — неожиданно сказал Хома. — Вчера он к Зайцу дважды заходил, а ко мне — только раз. А позавчера с тобой, с Ежом, полдня болтал, а со мною — чуть-чуть. Лучший друг называется!

Ну что тут на это скажешь?..

Как Хома Рака поймал

Хорошо на ручье в жаркий день! От воды прохладой веет. Прыткие кузнечики стрекочут, синие стрекозы крылышками трещат, лягушки славно квакают. А в небе — ни облачка, и главное, ни Коршуна, ни Ястреба.

Любил Хома сквозь прозрачную воду песчаное дно разглядывать. Столько тут интересного!

Вон большая ракушка-перловица. Кажется, навечно застыла на месте. Но откуда тогда за ней извилистый след взялся?..

А вон пучеглазый головастик проплыл, провилял. Из него голосистая жаба вырастет. Даже не верится.

Вот серый пескарь шныряет, носом в песке роется. А над ним, поверху, уклейка круги даёт. Спинка у неё зелёная, а бока серебром вспыхивают.

А вот... Кто это? Да это же большущий серо-зелёный Рак! Пупырчатый, будто в заклёпках. Он спрятался под сукастой чёрной корягой. Мало ему, видишь ли, для защиты твёрдого панциря!

А клешни какие! Такими бы Суслика за хвост прищемить, вот бы смеху было!

А что если попытаться Рака поймать? Говорят, они вкусные-превкусные. Лучше любой рыбы.

Надо попробовать. Уж очень удобно Рак лежит — близко к берегу, где воды по колено.

Хома представил себе, как ахнут друзья, когда он пригласит их на роскошный ужин.

— Добытчик ты наш! — прослезится от счастья обжора Суслик.

А Заяц мигом сгоняет за приправой: лучком, укропчиком и петрушкой. Ёж тоже в стороне не останется — грибочков принесёт.

Правда, ходят упорные слухи, что раков надо варить в солёной воде. А где соль взять? Известно, что слёзы — солёные. Это сколько ж надо в кастрюлю слёз пролить, чтобы как следует Рака приготовить!

Размышлять-то Хома размышлял, но и действовал. Смело, решительно. Хотя и медленно, осторожно.

Вошёл в воду. Протянул лапу. Закрыв глаза на всякий случай. И...

Как только он бесстрашно ухватил Рака, тот немедленно вцепился в него. На-
мертво!

— Ой-ёй-ёй! — завопил Хома, раскрыв
глаза. — Чего дерёшься? Отстань! Куда
ты?

А Рак Хому за собой упорно дёргает. На
глубину тянет. Да упорно как! Раки ловко
умеют пятиться.

— Ой-ёй-ёй! — снова взвыл Хома.

Зловредный попался Рак. Одной клеш-
ней тянет, другой — угрожает.

— Что? Что случилось?

Оглянулся Хома, Суслик к нему бежит.

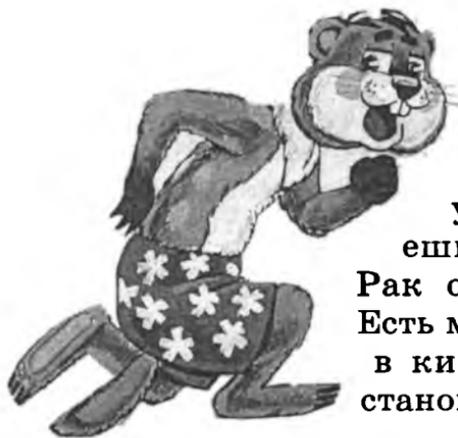
— Рак здоровенный! — заорал Хома.

— Молодчина! — тараторил на бегу Су-
слик. — Живьём сварим, с укропчиком!

Он остановился и стал что-то в траве ис-
кать.

— Сюда! — закричал
Хома.

— Сейчас! Сейчас! —
громко откликнулся
лучший друг. — Я дикий
укроп уже собираю! А зна-
ешь, чем живьём сваренный
Рак от усопшего отличается?
Есть мнение, что у живых хвост
в кипятке загибается. И Рак
становится красным как рак!

Суслик думал, что это Хома добычу тащит, а не Рак — добычу.

А Рак не глухой был, всё слышал. Даже под водой.

Он, вероятно, тоже хотел нахального хомяка-раколова по-своему, рачительно, на обед приготовить. Но побоялся, что с двумя ракоедами не сладит. Да тут ещё страшная угроза — кипяток с укропчиком!

Бросил Хому Рак с перепугу. И на глубину ушёл.

— Уф! — вылез Хома по-рачьи задом на берег.

Тут и Суслик подоспел с охапкой приправы.

— Где ты был? — плаксиво вскричал Хома, потирая запястье. — Глянь, как распухло!

— На живца ловил? — уважительно спросил Суслик.

— А ты думал! Если бы ты не замешкался, он бы и тебя второй клешней схватил. Мы бы его тогда мигом вытащили! Давай вдвоём ловить, а? Он недалеко нырнул.

— Нетушки, — попятился Суслик порачьи.

— В кипяточке, с укропчиком... — передразнил его Хома. — Обалдуй!

А вечером и Зайцу-толстуну до-

сталось, когда он заглянул к Хоме.

— Ты тоже хорош. С пустыми лапами появился. Если б я Рака заловил, небось, тут же принёс бы и лучок, и

петрушку, и всё что надо, — негодовал Хома. — Только о себе думаешь!

И старине Ежу тоже попало. Он следом притопал, прослышав об упущенном Раке.

— А если б я его поймал? — расшумелся Хома. — Где твои грибочки?.. Все вы рады на готовенькое!

Гостеприимный он, Хома, хозяин. Двери для друзей всегда настежь открыты!

Как Хома грузей угощал

Не поймал тогда Хома Рака. Не вышло. Но мысль о званом ужине для друзей не покидала его. Ни днём, ни ночью.

Хома никогда себе не готовил. Посуду мыть не любил. И питался, в основном, всухомятку. Однако считал себя непревзойдённым поваром. Так полагают все хомяки. А кто так не думает?

Тоже мне, хитрое дело! Были бы продукты хорошие. А приготовить из них что-ни-

будь вкусное — пара пустяков. Или того меньше — пустяк.

И наконец-то Хома решился. И созвал друзей: Суслика, Ежа, Зайца.

Самое поразительное, после этого званого ужина вся роща заговорила о том, каким замечательным поваром он вдруг оказался. А ведь такой невзрачный на вид хомяк. Хома.

Вот как это было. Подготовка к ужину началась ещё до завтрака — с рассвета. Он поочередно разбудил каждого будущего гостя и поручил принести то, что каждый больше всего любит. Зайцу — морковь и капусту, Ежу — яблоки и грибы, а обжоре Суслику — всё, что захочет. Ну, там орехи, горох, зёрна и разные ягоды. Кроме волчьих.

— Куриную слепоту тоже не рви, — предупредил он.

— Ох и закатим мы пир на весь мир! — обрадовался лучший друг.

— Я закачу, а не мы, — одёрнул его Хома. — Раскатал губы!

Затем он, всерьёз и надолго, взялся приводить в порядок свою запущенную кухонную утварь.

До блеска пропесочил, песком отчистил, большую кастрюлю и малую. Черпак — тоже большой и малый. Миски — глубокие, бездонные, и скуповатые мелкие. И даже ложки надраил. Ровно три, по числу гостей. Сам он решил обойтись черпаком. Пока что малым.

Так старался, так чистил, что искры сыпались! Приходилось время от времени тлеющую соломенную постель водой поливать, чтобы не воспламенилась.

А уж к доставленным продуктам отнёсся особенно придирчиво. Многое забраковал сразу.

— Что вы мне носите? — начальственно говорил он. — Это подгнило, а это вообще несъедобная рвань. Где рвали, я вас спрашиваю?..

Зайца все морковки почистить заставил.

— Со шкуркой можешь дома есть! А здесь, будь любезен, поскобли.

Даже к грибному знатоку,
Ежу, придрался.

— Что у тебя? Отравить нас хочешь? — обнюхивал он всякий гриб.

— Вон тот немедленно забери. Сам съешь, а мы посмотрим.

А уж лучшего друга Суслика так отчехвостил, что тот только вздрагивал.

— Какие ягоды ты принёс? Похоже, бузина! А на орехи взгляни. Не мог заранее вылущить?.. А почему груши-дички такие кислые?.. Говоришь, они всегда кислые?

А ты какие послаще выбирай, все подряд пробуй!.. А чего ты мне конский щавель подсовываешь? Нормального не мог найти?!

И потом всем озабоченно:

— Что на меня смотрите? Идите собирать малину и землянику. Да покрупнее!

Хома решил приготовить фруктово-овощной суп, с грибами.

Он по-своему здраво рассудил: если всё вкусно по отдельности, то всё вместе — тем более.

А для пущей важности он грибы в трёх водах помыл. Налил в малую кастрюлю три кружки чистой дождевой воды и лапой в ней грибы свирепо покрутил.

Слева направо — справа налево.

В конце концов он сложил всё-всё, и грибы не забыл, в большую кастрюлю и залил берёзовым соком, заготовленным ещё с весны.

А потом выставил кастрюлю, с помощью друзей, на самый солнцепёк — суп варить.

Есть на диком приволье такие места, особые и тайные, о которых даже не все звери знают. Там солнечные лучи настолько хитро падают, что за каких-то полдня можно вскипятить хоть стакан воды. А то и ведро. Тут уж как повезёт. От пятен на солнце зависит.

Так что Хома знал, куда кастрюлю поставить. Большую.

Он, разумеется, мог и газовой за-

жигалкой воспользоваться. Чтобы костёрчик разжечь. Но газа в ней было всего чуток. Её кто-то на лугу потерял, а Хома поднял. Удобная вещь — зажигалка. Беречь надо. На чёрный день.

В общем, сварить суп не составило труда. Когда солнце перевалило зенит, он наконец закипел.

Хома своей загребущей поварёшкой пену собрал и выбросил. Удачно. В Суслика не попал.

Продел затем длинную палку в дужки кастрюли. И вчетвером, по двое с обеих сторон, они небрежно отнесли суп в нору к Хоме. Свершилось.

А запах какой!..

Для запаха этого супа можно было подобрать только два точных определения: ошеломляющий и неопиcуемый. От него почему-то кружилась голова — потому и ошеломляющий. А неопиcуемый — оттого, что ни в одном языке, самом звёрином, подобных слов не было и, надеемся, не будет.

Друзья подождали, пока суп не остыл. И

только тогда хозяин щедро разлил его по глубоким мискам.

Как известно, крупный Заяц-толстун в норе не помещался. Поэтому он сидел с миской снаружи. У входа.

Ну, если запах супа был ошеломляющим, то вкус его был ошеломляющим вдвойне. Или втройне! Тут не математика, а скорее химия нужна.

После первого крупного глотка все трое гостей, выпучив глаза, застыли на месте. Медленно положили ложки. Встали. И быстро разбежались кто куда. Возможно, по домам.

Если б они остались, повар-хозяин услышал бы всё, что они о нём думают. Вероятно, поэтому они так быстро и скрылись.

Хома, тоже глотнувший из малого черпака, посидел ещё немного с отсутствующим, потусторонним взглядом. Мысли его были очень далеко. Затем глубоко вздохнул. И, поднатужившись, выволок кастрюлю из норы.

И вдруг, откуда ни возьмись, появился пришлый Кабан. Он жадно втянул ноздрями воздух, да так, что забурлила жидкость в кастрюле.

Потом Хома отлетел прочь, и Кабан накинулся на суп.

Громко чавкая, он мгновенно опустошил кастрюлю и, закатив от наслаждения глаза, хрипло спросил:

— А добавки нет? Потрясное пойло!

Он-то и разнёс поварскую славу Хома по всем окрестностям.

— Такого я никогда не пробовал! — восхищённо рассказывал Кабан всем и каждому. — Мировой супец. Не суп, а Супер! В нём есть всё, — уверял он, — кроме желудей!

Он так искренне и часто расхваливал поварское искусство Хомы, что все невольно поверили. Тем более, что Хомины друзья убедительно помалкивали.

Один только Заяц проболтался.

— Ошеломляюще и неопишимо! — честно заявил он.

И это лишь добавило Хоме славы.

Больше он никогда не готовил фруктово-овощной суп. Кто же знал, что из таких замечательных, отборных и чистых продуктов может такое получиться! Ошеломляющее, неопишимое и, можно смело добавить, невысказанное.

Кстати, там, где Кабан суп слегка расплескал, до сих пор трава не растёт.

Подумать только!..

Как Хома и Суслик дерево посадили

Посадила Хома тополёк возле норы. Маленький. Лишь немного выше его самого.

— Зачем тебе он? — насмешливо спросил Суслик. — Чтобы свою нору с моей не спутать?

— Чудной ты, — снисходительно ответил Хома. — Вырастет тополь, буду в тенёчке прохлаждаться.

— Когда тополь вырастет, он своими корнями нору разрушит, — убеждённо сказал лучший друг.

— Это когда ещё будет, — отмахнулся Хома.

— Как раз тогда, когда ты будешь в теньке отдыхать, — ехидно заметил Суслик.

На это трудно было возразить. Даже невозможно.

Но Хома и тут нашёлся:

— Сначала лишь тонкие корни появятся. А я их в другую сторону направлю.

— В мою? — нахмурился сосед Суслик.

— А хоть и в твою. В любую!

— В мою — не надо, — встревожился Суслик.

— Тогда во все стороны, — успокоил Хома. — От корней и потолок и стены только укрепятся. Стану жить, как в беседке. И снаружи беседка, и под землёй! — размечтался он. — Внизу — под корнями, вверху — под ветками, листьями. Птички гнёзда на ветках совьют, зачирикают вечерами. Стану их песни слушать. И подпевать.

— Ну и слушай, — пробурчал Суслик, — и подпевай.

— А ты почему себе дерево не посадишь? Говорят, каждый должен за свою жизнь хоть одно дерево посадить. Иначе, мол, и напрасно жил. Чуешь?

— Чую, — грубо произнёс Суслик. — У меня вся жизнь впереди. Ещё успею.

Он и не подозревал о том, что его слова вскоре сбудутся.

Будь он уступчивей, сразу бы посадил деревце — дуб, конечно, — возле своей норы. Но упрямая гордость мешала. Вечно Хома придумывал что-то необычное. И это очень задевало Суслика.

Поступить так, как Хома, он был просто не в силах. Одно его останавливало — насмешки боялся. А вдруг припомнит ему Хома напрасное упрямство: «А-а, подражатель! Чего ж тогда других отговаривал?»

Так и не посадил Суслик себе деревце.

Быстро побежали дни. И вот тебе раз: стал тополёк у Хома засыхать. То ли от жары, то ли вообще слабый росток попался.

А может, и сам Хома виноват. Он попросту выдернул его тогда вместе с корнями в роще. А надо было осторожно выкопать и бережно пересадить.

Листочки на деревце сморщились. И начали опадать.

А уж как Хома о своём топольке заботился. Поливал ключевой водой утром, днём и вечером. Ночью тоже поливал, не ленился.

Рыхлил землю пальцами. С гусеницами сражался, тлей истреблял.

Старался, как мог. Но деревцу ничто не помогало.

И однажды вечером остался на топольке всего один листик.

Тяжело вздохнул Хома, отвернулся от Суслика и ушёл спать.

Суслик тоже вздохнул, потоптался на месте и... направился в рощу.

Когда рано утром Хома выбрался из норы, первым делом он взглянул на тополёк.

— Ура! — закричал он.

За ночь почти засохшее деревце преобразилось. На нём всюду трепетали свежие листики. Оно окрепло и даже подросло. Явно стало выше.

И Хома тоже вмиг изменился. Вновь стал весёлым хвастуном.

— Всё-таки тополёк меня не подвёл, — хвалился он перед смущённым другом. — Вот что значит забота! Не забыло деревце моих трудов, выправилось!

А Суслик, который посадил той ночью новое деревце вместо прежнего, невольно подумал: «Правильно Хома говорит о заботе. Друг о нём позаботился».

Но что это? Суслик готов был сквозь землю провалиться. Вместо тополька — разберись в темноте! — он впопыхах посадил берёзку.

К счастью, Хома этого не заметил на радостях.

Берёзка хорошо прижилась. И Хома не уставал восхищаться деревцем. Только и было слышно:

— Мой тополёк... Мой тополёк... Мой тополёк...

Обидно стало Суслику, что Хома не замечает никакой перемены.

Если бы заметил, вот удивился бы и спросил: «Как же это получилось?»

Тут бы Суслик и признался. А Хома обнял бы его и сказал: «Спасибо, дружище! Берёзка даже лучше!»

Не выдержал как-то Суслик:

— Не видишь, что ли? Это берёзка, а не тополёк!

И что же Хома?..

— Чудо! — возликовал он. — Тополёк превратился в берёзку! Чудо!

Суслик и рассказал ему обо всём.

Хома ужасно расстроился, что чуда не было. Посмотрел мрачно на друга и молча скрылся в норе.

Разобиженный Суслик тоже ушёл к себе.

Сидят оба по норам. Переживают.

Внезапно Хома подпрыгнул, чуть не пробив головой потолок. И бросился к Суслику.

— Прости меня, — ещё с порога взволнованно начал он — Конечно же, чудо! Разве не удивительно, что ты, невероятный лентяй, решился на такое! Ну не чудо ли?!

И они обнялись. Чудеса да и только.

Содержание

СЧАСТЛИВАЯ ЗВЕЗДА ХОМЫ

Как Хома колдовал

6

Как Хома и Кабан
над лисой хохотали

18

Как Хома другим ямы рыл

29

Как Суслик цветы обидел 36

Как Хома с Медведем
породнился 41

Как Хома Суслика
у Волка купил 52

Как Суслику имя выбирали 65

Как Хома в чужом глазу
бревно заметил 73

Как Хома на ноги вставал 78

Как Хома Зайца
учил бегать

87

Как Хома свою счастливую
звезду подарил

95

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ ХОМЫ

Как сыщик Хома
кражу раскрыл

108

Как Хома у Лисы
зуб выдернул

116

Как Суслик
остановиться не мог

124

Как Хома сквозь
стёклышки смотрел

133

Как Хому и Суслика
подслушали

140

Как Хома Ворону
наказал

145

Как Хома завидовал

153

Как Суслик ниже
себя прыгнул

162

Как Хома и Суслик
бродяжничали

169

Как Хома всех удивил

183

Как Хома Са...
облапошил

191

Как Хома Еноту
нос прищипил

197

Как Хома и Суслик
Дикабразу помогли

211

Как Суслик всех обыграл

223

Как Хома листьями
любовался

229

ЧУДЕСНОЕ ДЕРЕВО ХОМЫ И СУСЛИКА

Как Хома Кукушку
образумил

238

Как Хома в корень
смотрел

248

Как Суслика в детстве
наказывали

260

Как Хома без единого
патрона остался

267

Как Хома для Суслика
дорогим оказался

278

Как Суслик
Ежа похвалил

285

Как Хома главное понял

293

Как Хома разоружился

301

Как Хома Шмеля
пожалел

306

Как Хома Волка
с Лисой поспорил

312

Как Хома друга
себе присвоил

319

Как Хома Рака поймал

327

Как Хома друзей угрожал

334

Как Хома и Суслик
дерево посадили

343

И 20

Иванов А. А.

**Похождения Хомя / Худож. А. Г. Бушкин —
Мн.: «МЕТ», 2001. — 359 с.: ил.**

ISBN 985-436-280-9.

В сборник вошли новые сказки известного детского писателя Альберта Анатольевича Иванова. Эти сказки знакомят юных читателей с новыми удивительными приключениями ставшего уже знаменитым среди героев современной детской литературы хомяка Хомя, его лучшего друга Суслика и их друзей.

Книга продолжает широко известную серию сказок и мультфильмов про Хомя, которые вот уже 25 лет радуют многочисленных читателей и пользуются заслуженным признанием.

УДК 882-93

ББК 84 (2 Рос-Рус) 6

Литературно-художественное издание

Иванов Альберт Анатольевич

ПОХОЖДЕНИЯ ХОМЫ

Для детей младшего школьного возраста

Главный редактор *Е. Знак*

Художественный и технический редактор *Г. Емец*

Корректор *М. Ходыко*

Изготовление оригинал-макета

В. Скрипник, Ж. Финевич

Удостоверение № 08-33-0.150667 о государственной
гигиенической регистрации продукта от 6.10.2000 г.

Подписано в печать 14.10.2000. Формат 60x84 ¹/₁₆. Гарни-
тура Школьная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,93. Ти-
раж 7000 экз. Заказ 2988.

Налоговая льгота — Общегосударственный классификатор
Республики Беларусь ОКРБ 007-98, ч. 1; 22.11.20.200

ООО «МЕТ». Лицензия ЛВ № 55 от 01.10.97. 220029,
Минск, ул. Киселева, 20. Контактный тел.: 213-42-07.

Напечатано с диалозитивов заказчика в типографии изда-
тельства «Белорусский Дом печати», 220013, Минск,
пр. Ф. Скорины, 79.

MET

ISBN 985-436-280-9

9 789854 362809